

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

КАФЕДРА РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

На правах рукописи

Павлюченко Александра Андреевна

**Сравнительный анализ цифровой дипломатии США в отношении
Великобритании и Ирана при администрации Б. Обамы и Д. Трампа**

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат политических наук
Шариков Павел Александрович

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	25
1.1 Понятие «цифровая дипломатия» в отечественной и зарубежной литературе.....	25
1.2 Методы и инструменты анализа цифровой дипломатии	39
Выводы по главе.....	60
ГЛАВА 2. ЭВОЛЮЦИЯ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ В ИНСТИТУТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕПАРТАМЕНТА США	65
2.1 Цифровая дипломатия в стратегиях Государственного департамента США.....	65
2.2 Становление и трансформация цифровой дипломатии США: институциональные и технологические аспекты	75
Выводы по главе.....	94
ГЛАВА 3. СТРАТЕГИИ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ США В ОТНОШЕНИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИРАНА	97
3.1 Эволюция цифровой дипломатии как коммуникативного инструмента в период администраций Б. Обамы и Д. Трампа.....	97
3.2 Союзнический и конфронтационный векторы в цифровой дипломатии США в отношении Великобритании и Ирана	108
Вывод по главе.....	126
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	130
БИБЛИОГРАФИЯ	136

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении последних столетий дипломатия показала себя как устойчивый и способный к адаптации в условиях технологических инноваций и социальных изменений институт мировой политики ¹. С массовым распространением цифровых технологий и расширением возможностей для коммуникации в интернет-пространстве дипломатическая практика претерпела ряд существенных изменений.

Появление новых платформ для обмена информацией между государственными и негосударственными акторами расширило инструментарий дипломатии, сделав возможным взаимодействие государственных ведомств с неограниченной международной аудиторией. Частью дипломатической практики стало использование социальных сетей как инструмента формирования общественного мнения за рубежом. Ускорение процессов коммуникации между внешнеполитическими ведомствами, а также их взаимодействия с зарубежной аудиторией, в свою очередь, потребовало большей оперативности процесса принятия решений.

Влияние цифровых технологий на дипломатию стало значимым предметом исследования на рубеже XX–XXI веков ². Проблемное поле, возникшее в результате описанных выше социальных, политических и технологических трансформаций, потребовало разработки новых исследовательских подходов и методов, что способствовало формированию самостоятельной области научных исследований – цифровой дипломатии.

На фоне обострения межгосударственного соперничества в информационном пространстве и стремления различных акторов использовать всё

¹ Bátor J. Foreign Ministries and the Information Revolution: Going Virtual? Brill, 2008. P. 267; Nickles D.P. Under the wire: how the telegraph changed diplomacy: Harvard historical studies. Under the wire. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003. 265 p.; Hocking B. Diplomacy in the Digital Age. Netherlands Institute of International Relations, 2015.

² Dizdar W.P. Digital diplomacy: U.S. foreign policy in the information age. Digital diplomacy. Westport, Conn: Praeger, 2001. 215 p. Cyber-diplomacy: managing foreign policy in the twenty-first century. Cyber-diplomacy / ed. E.H. Potter. Montréal: McGill-Queen's Univ. Press, 2002. 208 p.

новые цифровые площадки для распространения политического влияния вопросы применения цифровых технологий с целью формирования зарубежного общественного мнения становятся всё более **актуальными** как для академических, так и для прикладных исследований. В этом контексте особый интерес представляет изучение цифровой дипломатии на примере Соединенных Штатов Америки – государственного актора, который первым комплексно имплементировал данную практику в собственную внешнеполитическую деятельность.

США были выбраны как один из основоположников цифровой дипломатии как нового инструмента дипломатической работы. Диссертационное исследование проводится на материалах посольства США в Великобритании и виртуального посольства США в Иране. Данные посольства были выбраны ввиду диаметрально противоположного подхода США в отношении данных государств. Великобритания была выбрана как «особый» партнер США³ с долгой историей сотрудничества, в то время как Иран выступает в качестве примера государства, позиционируемого во внешней политике США последних сорока лет как стратегический противник⁴. Также важную роль сыграла особенность самих посольств. Посольство США в Великобритании является крупнейшим по количеству подписчиков в социальной сети Твиттер*, в то время как виртуальное посольство в Иране – один из двух кейсов создания виртуальных посольств в истории дипломатической практики⁵.

Изучение цифровой дипломатии США в отношении Ирана и Великобритании позволяет выявить реальные цели, которые Государственный

³ Алешин А.А. Брекзит и будущее «особых отношений» США и Великобритании // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2019. Т. 11, № 1. С. 138-171.

⁴ Сафонов А.С. Эволюция политики администрации Джорджа Буша-младшего в отношении Ирана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2011. № 3. С. 94-102.

* Здесь и далее: Twitter /X Заблокирован в Российской Федерации с марта 2022 года по решению Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 года на основании ст. 15.3 закона об информации, информтехнологиях и о защите информации.

⁵ Arlyapova E. Virtual Embassy: New Technologies of Representation and Influence (Rethinking the American Experience) // International Organisations Research Journal. 2023. Vol. 18, № 3. P. 32-47.

департамент США преследует при работе с зарубежной аудиторией и опровергнуть или подтвердить их расхождение с постулируемыми целями. Данный вопрос особенно актуален для виртуального посольства в Иране, которое стало инструментом деструктивного влияния на иранское население.

Степень научной разработанности темы исследования. Исследованиями цифровой дипломатии США занимались многие ученые в России и за рубежом. Используемую в данном исследовании литературу можно разделить на пять групп.

К первой относятся работы, посвящённые исследованию цифровой дипломатии как феномена современной мировой политики. Историко-теоретическую перспективу этому направлению придают труды М. Кастельса⁶ и Д. Никльса⁷, показывающие преемственность между развитием коммуникационных технологий и эволюцией дипломатических институтов в контексте формирования информационного общества.

Для уточнения содержания понятия «цифровая дипломатия» в качестве теоретической основы исследования были использованы разработки российских и зарубежных ученых, в частности Т.В. Зоной⁸, Н.А. Цветковой⁹, И.В. Сурмы¹⁰, К. Бйолы и И. Мэнора¹¹. Российский подход к изучению цифровой дипломатии отличается особым вниманием к месту новых технологий в сложившейся системе дипломатических институтов. Также использовались труды, посвященные

⁶ Castells M. Communication power. Oxford: Oxford University Press, 2011. 571 p.

⁷ Nickles D.P. Under the wire: how the telegraph changed diplomacy: Harvard historical studies. Under the wire. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003. 265 p.

⁸ Зонова Т.В. Цифровая дипломатия в дипломатической и консульской службе // Право и управление. 2015. № 3 (36). С. 176-183.

⁹ Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 37-47; Цветкова Н.А. Цифровизация публичной дипломатии США // Актуальные проблемы мировой политики. 2020. Т. 10. С. 432-442; Цветкова Н.А. Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. № 2. С. 174-196.

¹⁰ Сурма И.В. Цифровая дипломатия в мировой политике // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 49. С. 220-249.

¹¹ Bjola C. The rise of hybrid diplomacy: from digital adaptation to digital adoption // International Affairs. 2022. Vol. 98. № 2. P. 471-491.

схожим концепциям: «кибердипломатии» (Ш. Риордана¹²), «сетевой дипломатии» (Дж. Метцла¹³) и «дата-дипломатии» (Т. Дайя¹⁴).

Работа «Цифровая дипломатия США»¹⁵ И.В. Сурмы выделяется системным подходом к анализу институциональных и функциональных аспектов цифровой дипломатии, в то время как в книге «Цифровая дипломатия: монография»¹⁶ под авторством А.А. Данеляна и др. внимание обращено на прикладные измерения деятельности дипломатических ведомств в онлайн-среде. Среди учебных изданий особое место занимают работы, посвященные пересечению кибербезопасности и цифровой дипломатии, к примеру «Международная информационная безопасность: Теория и практика»¹⁷ под редакцией А.В. Крутских, а также «Цифровые международные отношения»¹⁸ под редакцией Е.С. Зиновьевой и С.В. Шитькова. Информационные и медийные аспекты цифровой дипломатии рассмотрены в учебном пособии «Информационно-медийное пространство мировой политики»¹⁹ под редакцией Т.Г. Добросклонской.

Монография «Цифровой поворот в международных отношениях»²⁰ под редакцией М.А. Сучкова и И.В. Болговой придает исследованию дополнительное измерение, акцентируя внимание на связи между технологическими инновациями

¹² Riordan S. Cyber Diplomacy vs. Digital Diplomacy: A Terminological Distinction. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/cyber-diplomacy-vs-digital-diplomacy-terminological-distinction> (дата обращения: 11.03.2024).

¹³ Metzl J.F. Network Diplomacy // Georgetown Journal of International Affairs. 2001. Vol. 2. № 1. P. 77-87.

¹⁴ Dye T. Data Diplomacy // American Association for the Advancement of Science: Science Diplomacy Conference. 2019. Vol. 8. P. 19-20.

¹⁵ Сурма И.В. Цифровая дипломатия: монография. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2020. 124 с.

¹⁶ Danelyan A. Digital Diplomacy: monograph / A. Danelyan, A. Mikhaylik, V.F. Zaemsky [et al.]. – Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2021. – 202 p.

¹⁷ Международная информационная безопасность: Теория и практика: В 3 томах. Том 1: Учебник для вузов / ред. А.В. Крутских. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. 381 с.

¹⁸ Зиновьева, Е.С. Цифровые международные отношений. Т. I / Е.С. Зиновьева, С.В. Шитьков. – М.: МГИМО-Университет, 2023. – 354 с.

¹⁹ Информационно-медийное пространство мировой политики / Багдасарьян Н.Г., Беликова А.А., Добросклонская Т.Г. [и др.]. М.: Книжный дом «Университет», 2023. 108 с.

²⁰ Цифровой поворот в международных отношениях: как новые технологии меняют мировую политику и науку о ней: монография / ред. М.А. Сучков, И.В. Болгова. М.: МГИМО-Университет, 2023.

и эволюцией мировой политики. Зарубежные авторы, такие как У. Дизард²¹, Э. Поттер²², И. Мэнор²³, заложили теоретические основы концепции цифровой дипломатии, рассматривая её в контексте общественной коммуникации и имиджевой политики государств. Работы Й. Баторы и коллективные исследования под редакцией К. Бйолы и М. Холмса²⁴, а также Ф. Румат²⁵ демонстрируют переход от описания технологических инструментов к изучению цифрового пространства как среды конструирования внешнеполитических смыслов.

Особое место в современной отечественной научной литературе занимают диссертационные исследования, посвящённые феномену цифровой дипломатии и её влиянию на международную коммуникацию и внешнеполитические процессы. Диссертации Н.В. Новикова²⁶, А.Н. Сытник²⁷, З. Шахуда²⁸, М.М. Базлуцкой²⁹, А.С. Хотулева³⁰ и Д.В. Макарьяна³¹ позволяют проследить эволюцию представлений о цифровой дипломатии в российской исследовательской традиции от изучения коммуникационных стратегий и технологических аспектов цифровизации до анализа её политико-правовых и ценностных оснований.

²¹ Dizard W.P. Digital diplomacy: U.S. foreign policy in the information age. Digital diplomacy. Westport, Conn: Praeger, 2001. 215 p.

²² Cyber-diplomacy: managing foreign policy in the twenty-first century. Cyber-diplomacy / ed. E.H. Potter. Montréal: McGill-Queen's Univ. Press, 2002. 208 p.

²³ Manor I. The Digitalization of Public Diplomacy: Palgrave Macmillan Series in Global Public Diplomacy. Cham: Springer International Publishing; Imprint: Palgrave Macmillan, 2019. 232 p.

²⁴ Digital diplomacy: theory and practice: Routledge new diplomacy studies. Digital diplomacy / C. Bjola, M. Holmes. London; New York: Routledge, 2015. 238 p.

²⁵ Roumate, F. Artificial Intelligence and Digital Diplomacy: Challenges and Opportunities / ed. by F. Roumate. Cham: Springer International Publishing, 2021. 212 p.

²⁶ Новиков Н.В. Коммуникативные стратегии цифровой дипломатии. М.: Московский городской педагогический университет, 2017.

²⁷ Сытник А.Н. Цифровизация и «большие данные» в международных отношениях: теоретические, методологические и прикладные аспекты. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2021.

²⁸ Шахуд З. Роль информационных технологий во внешней политике Российской Федерации в Арабском мире. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский Государственный Университет, 2020.

²⁹ Базлуцкая М.М. Цифровая дипломатия США в отношении Российской Федерации (2009 г. – н.в.). М: МГИМО-Университет, 2024.

³⁰ Хотулев А.С. Политические проблемы глобального цифрового развития. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2023.

³¹ Макарьян Д.В. Информационно-коммуникационные технологии как фактор международных отношений: политические и правовые аспекты. М: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2008.

Цифровая дипломатия также стала объектом изучения в контексте национальной безопасности. Можно отметить, что вопрос влияния цифровой дипломатии на государственный суверенитет и национальную безопасность был поднят в отечественной литературе одним из первых. Д.Н. Барышников и А.Ю. Туленков ещё в 2012 г. обращались к этому аспекту в своей работе ««Цифровая дипломатия» и государственный суверенитет в эпоху глобализации»,³² а Е.С. Зиновьева продолжила данную тему в статье «Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности»³³.

Несмотря на интерес к цифровой дипломатии в контексте безопасности, всё же чаще она рассматривается как составляющая публичной дипломатии, к примеру, вопрос о влиянии ИКТ на публичную дипломатию поднимает П.А. Шариков³⁴. Стоит также упомянуть ряд работ Н.А. Цветковой, посвящённых цифровой дипломатии США³⁵, работы А.Н. Марчукова, посвященные ЦД России³⁶ и Швеции³⁷, а также особенно актуальную в условиях усилившегося геополитического соперничества работу Е.А. Шур, посвящённую цифровой дипломатии США в Индии³⁸. Цифровая дипломатия Китая рассмотрена в работах

³² Барышников Д.Н. «Цифровая дипломатия» и государственный суверенитет в эпоху глобализации / Д.Н. Барышников, А.Ю. Туленков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2012. – № 4. – С. 121–128.

³³ Зиновьева Е.С. Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности / Е.С. Зиновьева // Индекс безопасности. 2013. Т. 19. № 1(104). С. 213–228.

³⁴ Шариков П.А. Эволюция публичной дипломатии США: внутривосточные детерминанты, приоритеты и новые вызовы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика 2023. Т. 15. № 1. С. 164–187.

³⁵ Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. 2020. № 2. С. 37–47; Цветкова Н.А. Цифровизация публичной дипломатии США // Актуальные проблемы мировой политики. 2020. Т. 10. С. 432–442;

³⁶ Марчуков А.Н. «Публичная дипломатия 2.0» во внешней политике Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // Вестник Московского Университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. Т. 6. № 3. С. 95–114.

³⁷ Марчуков А.Н. Цифровая дипломатия Швеции: в поисках диалога // Вестник Московского Университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. Цифровая Дипломатия Швеции. № 4. С. 162–181.

³⁸ Шур Е.А. Американская цифровая дипломатия в Индии при Дж. Буше-младшем и Б. Обаме // Вестник Нижегородского Университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 1. С. 72–80.

И. Денисова и др.³⁹, а также К.С. Кравцова и Е.Д. Соболевой⁴⁰. Говоря о Соединенных Штатах, можно также отметить ретроспективные работы, исследующие внедрение ИКТ в Государственном департаменте США, М.П. Теленьги,⁴¹ Т.А. Гришаниной⁴² и А.А. Павлюченко⁴³.

Также следует отметить ряд работ, посвящённых влиянию цифровизации на переговорный процесс. Вопросы практики медиации в конфликтах в цифровую эпоху рассмотрели в своих исследованиях Ю.А. Никитина и К.К. Таран⁴⁴, а М.М. Лебедева и Е.С. Зиновьева описали трансформацию повестки, структуры и акторов международных переговоров в данном контексте, отметив, что первые шаги анализа международных переговоров с помощью компьютерного моделирования были предприняты в МГИМО еще в 1981 г. В.Б. Луковым и В.М. Сергеевым⁴⁵.

В последние годы особенно актуальным стал вопрос датафикации и внедрения искусственного интеллекта в дипломатическую деятельность. В данном контексте стоит вновь упомянуть работы таких авторов, как Т.А. Гришанина⁴⁶, А.Н. Сытник, Н.А. Цветкова и И.А. Цветков⁴⁷, Н.М.

³⁹ Denisov I. Chinese Digital Diplomacy in the Pandemic and Post-Pandemic Times: Analysis of the Russian-Language Accounts / I. Denisov, A. Dagaev, S. Sultanayev. – Moscow: HSE University, 2023. – 32 p.

⁴⁰ Кравцов К.С. Аккаунты китайских посольств в социальных сетях как инструмент цифровой дипломатии КНР в Африке / К.С. Кравцов, Е.Д. Соболева // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2023. – Т. 48, № 4. – С. 3–22.

⁴¹ Теленьга М.П. Цифровая дипломатия США: историографический обзор // AMERICANA. 2020. Цифровая Дипломатия США. № 16. С. 250–267.

⁴² Гришанина Т.А. Цифровая дипломатия США в 2009–2020 гг. в свете развития инновационных технологий // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 4. С. 682–688.

⁴³ Павлюченко А.А. К вопросу о периодизации цифровой дипломатии США // Русская политология. 2023. № 3(28).

⁴⁴ Никитина Ю.А. Мировые практики медиации в конфликтах в цифровую эпоху / Ю.А. Никитина, К.К. Таран // Пути к миру и безопасности. – 2021. – № 1 (60). – С. 11–28.

⁴⁵ Лебедева М.М. Специфика международных переговоров в эпоху цифровизации / М.М. Лебедева, Е.С. Зиновьева // Вестник РУДН. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. 2023. Т. 23. № 1. С. 144–156.

⁴⁶ Гришанина Т.А. Искусственный интеллект в международных отношениях: роль и направления исследования // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 4. С. 10–18.

⁴⁷ Сытник А.Н. Цифровая дипломатия США в зеркале Больших данных: уроки венесуэльского кризиса 2018–2019 годов / А.Н. Сытник, Н.А. Цветкова, И.А. Цветков // Вестник

Кузнецов⁴⁸, а также недавний доклад ««Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии» под редакцией Е.С. Зиновьевой⁴⁹.

Вторую группу авторов формируют исследователи, рассматривающие развитие внешнеполитического курса США в информационно-коммуникационной сфере. В этих работах цифровые технологии анализируются не только как инструмент влияния, но и как самостоятельный фактор, определяющий стратегические приоритеты Вашингтона на мировой арене. Монография Е.А. Роговского⁵⁰ представляет ценный вклад в осмысление американских амбиций в киберпространстве.

Исследование М.А. Никитенковой раскрывает роль государства в развитии национальной информационной инфраструктуры, демонстрируя тесное взаимодействие между частным сектором, технологическими корпорациями и внешнеполитическими институтами⁵¹. Этот подход позволяет рассматривать цифровую дипломатию как часть более широкой технологической стратегии США, направленной на поддержание глобального лидерства в сфере информационных инноваций. В диссертации П.А. Шарикова особое внимание уделяется вопросам международной информационной безопасности и формированию собственных стандартов США в киберполитике, что подчеркивает амбицию страны быть не только пользователем, но и регулятором цифрового пространства⁵².

Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – № 2. – С. 192–203.

⁴⁸ Кузнецов Н.М. Датафикация в международных отношениях: дискурс о новых тенденциях цифровой дипломатии // Актуальные вопросы мировой политики: сборник научных статей. Санкт-Петербург: Научно-исследовательский центр «Пересвет», 2020. С. 52–64.

⁴⁹ «Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии / Ред. Е.С. Зиновьева. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2024.

⁵⁰ Роговский Е.А. Кибер-Вашингтон. Глобальные амбиции. М.: Международные отношения, 2014. 848 с.

⁵¹ Никитенкова М.А. Информационная инфраструктура США. государство и рынок: монография. М.: Academia, 2009. 298 с.

⁵² Шариков П.А. Политика США в области информационной безопасности. М., 2009. С. 216.

Работы И.Т. Стадник⁵³, П.А. Карасева⁵⁴ дополняют данную исследовательскую линию, рассматривая эволюцию американского подхода к киберугрозам и милитаризации цифровой сферы. Это свидетельствует о формировании целостной доктрины, в которой цифровая дипломатия, кибербезопасность и информационные операции представляют собой взаимосвязанные элементы внешнеполитического курса США.

Таким образом, указанные работы создают концептуальную основу для рассмотрения цифровой дипломатии как специфического измерения американской внешней политики, где информационные технологии служат одновременно средством, ареной и предметом международной конкуренции.

Третью группу составляют работы, посвященные методологическим аспектам анализа цифровой дипломатии, в данных работах выделяются два основных подхода – филологический и политологический⁵⁵. Для филологических наук характерно применение методологии дискурсивного анализа цифровой дипломатии, что отразилось в работах Е.Н. Шеховцевой⁵⁶, П.Ю. Ганжелюк и С.С. Тахтаровой⁵⁷, И.Б. Кауфовой и Л.А. Кауфовой⁵⁸, а также А. Мешаал⁵⁹. Их подход демонстрирует, что цифровые коммуникации не просто транслируют

⁵³ Стадник И.Т. Политика кибербезопасности США // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 3. С. 157-169.

⁵⁴ Karasev P.A. Evolution of National Approaches to Cyber Warfare // Journal of International Analytics. 2022. Т. 13. № 2. С. 79-94.

⁵⁵ Павлюченко А.А. Методы изучения цифровой дипломатии в российских международно-политических исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 4. С. 225-250.

⁵⁶ Шеховцева Е.Н. Цифровая дипломатия vs традиционная дипломатия с позиций дискурсивной перформативности (на материале англо- и русскоязычных дипломатических заявлений) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 5 (138). С. 164-169.

⁵⁷ Ганжелюк П.Ю. Коммуникативные стратегии дискурса цифровой дипломатии (на материале американской твитдипломатии) / П.Ю. Ганжелюк, С.С. Тахтарова // TERRA LINGUAЕ: Сборник научных статей. – 2019. – № 5. – С. 20–26.

⁵⁸ Кауфова И.Б. Коммуникативные информационные стратегии цифровой дипломатии Великобритании / И.Б. Кауфова, Л.А. Кауфова // Современные исследования социальных проблем. – 2020. – Т. 12, № 5. – С. 178–190.

⁵⁹ Мешаал А. Непреходящее место смягчающих тактик в цифровом дипломатическом дискурсе (анализ выступлений С. Лаврова и Б. Джонсона) // Роль и место лингвокультурной адаптации художественного текста в теории и практике перевода. Переводческие стратегии и тактики материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М.: Московский государственный областной университет, 2022. С. 167-173.

политические послания, но и формируют собственное пространство смыслов, интерпретаций и дискурсов.

В изучении цифровой дипломатии в политологии выделяются два основных направления: контент-анализ и анализ хештега. Опыт применения хештег-анализа для изучения цифровой дипломатии описан в работах Е.С. Яковлевой⁶⁰, Т.А. Гришаниной⁶¹, А.Н. Сытник⁶². Особенности цифровой дипломатии в период пандемии исследованы в статье И.Е. Денисова, А.Р. Дагаева и С.П. Султанаева⁶³. В работе был проведен сравнительный тематический контент-анализ аккаунтов посольств Китая, Кореи и Японии в социальных сетях.

К.С. Кравцов и Е.Д. Соболева продолжили изучение этой темы, в фокусе их исследования оказалась цифровая дипломатия КНР в Африке в Facebook^{*64}. В совокупности данные исследования демонстрируют, что развитие методологии анализа цифровой дипломатии происходит на пересечении гуманитарных и точных наук. Синтез дискурсивных, лингвистических и статистических методов формирует комплексный аналитический инструментарий, применимый к исследованию цифровой дипломатии США как динамичной, многослойной и сетевой формы внешнеполитической коммуникации.

Четвертую группу формируют исследования, посвящённые трансформации приоритетов и направлений внешней политики США. Эти работы позволяют проследить, как политические, экономические и идеологические факторы влияли на эволюцию внешнеполитического курса

⁶⁰ Яковлева Е.С. Цифровая дипломатия Министерств иностранных дел: сравнительный анализ Российского и Турецкого подходов в Твиттер-дипломатии (Twitter/X Заблокирован в Российской Федерации с марта 2022 года по решению Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 года на основании ст. 15.3 закона об информации, информтехнологиях и о защите информации) // Международные отношения в глобальном измерении. Сборник научных трудов. Санкт-Петербург: Политех-пресс, 2022. С. 141-148.

⁶¹ Гришанина Т.А. Цифровая дипломатия США и формирование общественного мнения в социальных сетях. ООО «Скифия-принт», 2022. С. 209-217.

⁶² Сытник А.Н. Цифровизация и «большие данные»...

⁶³ Denisov I. Op. cit. С. 274-290.

* Здесь и далее. Деятельность Meta Inc. запрещена на территории Российской Федерации и признана экстремистской с 21 марта 2022 г.

⁶⁴ Кравцов К.С. Указ. соч. С. 3-22.

Вашингтона в начале XXI в. Исследования А.А. Алешина⁶⁵, Т.Н. Андреевой⁶⁶, А.О. Мамедовой⁶⁷ рассматривают американо-британские отношения в контексте изменений мировой политической архитектуры и заключают, что США сохраняют особую роль в трансатлантическом партнерстве, адаптируя инструменты влияния под новые вызовы цифровой эпохи и процессы глобализации.

Работы Ю.В. Трофимовой⁶⁸, О.Э. Бранды⁶⁹ акцентируют внимание на личности президента как факторе трансформации внешнеполитического курса США, показывая, что при Б. Обаме приоритетными стали многосторонность и «мягкая сила», тогда как администрация Д. Трампа вернулась к более изоляционистским установкам.

С.М. Рогов⁷⁰ и А.С. Сафонов⁷¹ раскрывают ближневосточное измерение внешней политики США, показывая, что роль Ирана и региональных кризисов оказалась одним из ключевых факторов, определяющих логику дипломатических решений и стратегий безопасности. Отдельное место занимают работы О.А. Хлопова⁷², который анализирует особенности внешнеполитической риторики и решений первой администрации Д. Трампа, связывая их с изменением модели коммуникации между властью и обществом внутри США.

⁶⁵ Алешин А.А. Указ. соч. С. 138-171.

⁶⁶ Андреева Т.Н. Британо-американские «особые отношения» при Д. Кэмероне // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 5. С. 61-72.

⁶⁷ Мамедова А.О. Американо-британские отношения и переговоры о ТТИП // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 2(53). С. 208-225.

⁶⁸ Трофимова Ю.В. Политический портрет Барака Обамы и итоги внешнеполитической стратегии сорок четвертого президента США // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. 2016. № 3. С. 55-60.

⁶⁹ Brânda O.-E. Changes in the American foreign policy: From Obama to Trump // International conference knowledge-based organization. 2018. Vol. 24. № 2. P. 160-165.

⁷⁰ Рогов С.М. Роль Ирана в политике США на Ближнем Востоке // Азия и Африка сегодня. 2012. № 8 (661). С. 8-10.

⁷¹ Сафонов А.С. Иранское направление в ближневосточной политике США в начальный период деятельности администрации Барака Обамы // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2020. № 3 (39). С. 85–91.

⁷² Хлопов О.А. Приоритеты и реализация внешней политики США администрацией Д. Трампа // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. № 5. С. 509-520.

Проведённый историографический анализ свидетельствует об отсутствии в современной политической науке комплексных исследований, которые рассматривали бы цифровую дипломатию США как дифференцированный внешнеполитический инструмент, применяемый принципиально различным образом в отношении союзников и государств-противников. В существующих работах, как правило, либо преобладает общий теоретический анализ феномена цифровой дипломатии, либо внимание авторов сосредоточено на отдельных страновых кейсах. Это не позволяет выявить структурные закономерности в выборе стратегий и инструментов цифровой коммуникации в зависимости от характера двусторонних отношений. Настоящая диссертация восполняет эту лакуну и расширяет понимание цифровой дипломатии как самостоятельного инструмента внешнеполитической деятельности, конфигурация которого определяется статусом государства-адресата в иерархии внешнеполитических приоритетов США, а не только технологическими возможностями цифровой среды.

Источниковую базу исследования составили следующие группы источников:

Первую составляют документы Государственного департамента США, а также материалы актуальной и архивных версий сайта Департамента и речей государственных секретарей и их заместителей по публичной дипломатии, которые использовались при анализе подходов Государственного департамента к понятию «цифровая дипломатия», а также при рассмотрении эволюции цифровой дипломатии США.

Вторую группу источников представляют собой публикации Twitter-аккаунтов* посольства США в Великобритании и виртуального посольства США в Иране. Всего в рамках исследования было проанализировано 30 015

* Здесь и далее: Twitter /X Заблокирован в Российской Федерации с марта 2022 года по решению Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 года на основании ст. 15.3 закона об информации, информтехнологиях и о защите информации.

публикаций. Массив данных, использованный в работе, размещён в открытом доступе в репозитории Github⁷³.

Третью группу составили доклады аналитических центров и институтов, среди которых выделяются ««Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии»⁷⁴ МГИМО МИД России, «Открытые данные в дипломатии: Россия в контексте международного опыта»⁷⁵ Центра перспективных управленческих решений, «Дипломатия в эпоху искусственного интеллекта»⁷⁶ Эмиратской дипломатической академии, «Дата-дипломатия. Обновляя дипломатию в эру больших данных»⁷⁷ и «Картирование вызовов и возможностей использования искусственного интеллекта в практике дипломатии»⁷⁸ фонда DiploFoundation.

Источниковая база исследования обладает комплексным и междисциплинарным характером, что обеспечивает всестороннее освещение темы цифровой дипломатии США. Документы Государственного департамента создают основу для анализа официальных подходов и стратегических установок, определяющих развитие цифровой дипломатии на институциональном уровне. Публикации дипломатических аккаунтов делают возможными выявление коммуникативных практик и оценку динамики цифрового взаимодействия в реальном времени. Доклады аналитических центров и институтов, делающие фокус на взаимосвязи технологий, искусственного интеллекта и дипломатии, расширяют исследовательскую перспективу, позволяя рассматривать цифровую дипломатию не только как политико-коммуникационное явление, но и как часть глобальной технологической трансформации. В совокупности использование этих

⁷³ Павлюченко А.А. United States digital diplomacy towards Great Britain and Iran Dataset. URL: <https://github.com/AlexaPavl/United-States-digital-diplomacy-towards-Great-Britain-and-Iran-Dataset> (дата обращения: 24.02.2025).

⁷⁴ Зиновьева Е.С. «Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии / Ред. Е.С. Зиновьева. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2024.

⁷⁵ Шакиров О.И. Открытые данные в дипломатии: Россия в контексте международного опыта // Центр перспективных управленческих решений. 2021. Т. 7. № 7. С. 1-52.

⁷⁶ Bjola C. Diplomacy in the Age of Artificial Intelligence. EDA Working paper. Emirate diplomatic academy, 2020.

⁷⁷ Rosen Jacobson B. Data Diplomacy Updating diplomacy to the big data era. DiploFoundation, 2018.

⁷⁸ Mapping the challenges and opportunities of artificial intelligence for the conduct of diplomacy. DiploFoundation, 2019. 44 p.

источников обеспечивает надёжность и аналитическую глубину исследования, а также способствует раскрытию особенностей американского подхода к цифровой дипломатии в контексте современных вызовов международных отношений.

Целью данного исследования является выявление и сопоставление ключевых особенностей цифровой дипломатии США в отношении государства-союзника (Великобритании) и стратегического противника (Ирана) в период администраций Б. Обамы и Д. Трампа для определения степени влияния характера двусторонних отношений на выбор стратегий и инструментов онлайн-коммуникации.

Для реализации цели исследования были определены следующие **задачи**:

- 1) выделить подходы академического сообщества к определению цифровой дипломатии;
- 2) определить основные методы анализа цифровой дипломатии, их преимущества и ограничения;
- 3) выявить этапы эволюции концепции «цифровая дипломатия» в дискурсе Государственного департамента США;
- 4) определить этапы становления и трансформации цифровой дипломатии США с учётом институциональных и технологических аспектов;
- 5) установить закономерности развития цифровой дипломатии как коммуникативного инструмента в период администраций Б. Обамы и Д. Трампа;
- 6) выявить особенности союзнического и конфронтационного вектора в цифровой дипломатии США в отношении Великобритании и Ирана.

Объект исследования – цифровая дипломатия США в отношении Великобритании и Ирана, под которой понимается использование цифровых технологий дипломатическими ведомствами.

Предметом исследования выступают страновые особенности реализации цифровой дипломатии США в отношении Великобритании и Ирана.

В качестве хронологических рамок рассматриваются администрации Б. Обамы (2009–2013 гг., 2013–2017 гг.) и Д. Трампа (2017–2021 гг.), т.к. именно в

данный период произошло системное внедрение практик цифровой дипломатии в структуры Государственного департамента США.

Научная новизна исследования заключается в том, что цифровая дипломатия рассматривается не просто как теоретическая концепция, а как эмпирически измеряемая система взаимодействий, в то время как разработанный метод исследования этой сферы позволяет делать выводы о приоритетах внешней политики и особенностях двусторонних отношений.

Разработана авторская методология количественного анализа цифровой дипломатии на основе большого массива данных. В рамках исследования была проведена систематизация концептуального аппарата в области исследования цифровой дипломатии с учётом отечественного и зарубежных подходов. Предложена периодизация цифровой дипломатии США, учитывающая политические, технологические и коммуникационные факторы. Впервые в отечественной академической практике было проведено сравнение президентских администраций Б. Обамы и Д. Трампа с точки зрения их подхода к цифровой дипломатии. Разработан авторский метод анализа деятельности социальных сетей посольств в контексте исследования внешней политики.

Гипотеза. Цифровая дипломатия США не является нейтральным коммуникативным инструментом: характер двусторонних отношений определяет не только тональность, но и саму архитектуру онлайн-присутствия дипломатических ведомств. В период администраций Б. Обамы и Д. Трампа в отношении государства-союзника реализуется инклюзивная модель, предполагающая координацию нарративов, генерацию пользовательского контента и конструирование общего пространства ценностей и угроз, тогда как в отношении государства-противника те же институциональные ресурсы направляются на делегитимацию власти и поддержку протестных движений.

Теоретическая значимость исследования определяется несколькими аспектами.

Во-первых, в работе проведена систематизация понятийного аппарата в области цифровой дипломатии с учётом отечественных и зарубежных

исследовательских традиций. Анализ широкого массива конкурирующих терминов позволил разграничить понятия «цифровая дипломатия», «кибердипломатия» и «дата-дипломатия», установить логику их соотношения и обосновать трактовку цифровой дипломатии как зонтичной категории, охватывающей как классическую, так и публичную дипломатию. Предложенное рабочее определение («использование цифровых технологий дипломатическими ведомствами в целях коммуникации с зарубежной аудиторией, формирования общественного мнения за рубежом и продвижения внешнеполитических интересов государства») ориентировано на преодоление терминологической размытости, характерной для современного состояния данного исследовательского поля.

Во-вторых, в исследовании предложена авторская периодизация цифровой дипломатии США, учитывающая политические, технологические и коммуникационные факторы в их взаимосвязи. В отличие от существующих схем, сводящих эволюцию цифровой дипломатии преимущественно к изменениям в социально-медийной среде, предложенная периодизация фиксирует институциональные трансформации Государственного департамента и позволяет соотносить смену коммуникационных стратегий с изменениями во внешнеполитическом курсе конкретных администраций.

В-третьих, исследование развивает конструктивистскую теоретическую рамку применительно к анализу цифровой дипломатии. Рассмотрение онлайн-коммуникации дипломатических ведомств как практики конструирования политических идентичностей, образов угроз и союзнических нарративов открывает возможности для изучения того, как цифровые взаимодействия формируют и трансформируют представления о международных отношениях и внешнеполитических акторах.

В-четвёртых, работа вносит вклад в развитие методологии исследования цифровой дипломатии, обосновывая применение смешанного подхода, сочетающего хештег-анализ, тематическое моделирование на основе иерархической кластеризации, количественный и качественный контент-анализ и

анализ вовлечённости аудитории. Разработанный инструментарий позволяет рассматривать цифровую дипломатию как эмпирически измеримую систему взаимодействий, параметры которой поддаются верификации и сопоставлению, что создаёт методологическую основу для сравнительных исследований цифровой дипломатии различных государств.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут служить основой для разработки рекомендаций для органов государственной власти Российской Федерации, а также использоваться в рамках учебных курсов при подготовке специалистов-международников. Собранный в рамках подготовки диссертационного исследования датасет может стать основой для дальнейших исследований цифровой дипломатии.

Теоретико-методологические основания исследования. В своей работе автор придерживается *теории социального конструктивизма*, введенной П. Бергером и Т. Лукманом в работе «Социальное конструирование реальности»⁷⁹ и позже получившей развитие в работах А. Вендта⁸⁰, Д. Кэмпбелла⁸¹, М.Дж. Шапира⁸² и И. Нойманна⁸³. Как отмечает Н.А. Цветкова, «конструктивизм открывает перед исследователями совершенно новую глубину в изучении цифровой дипломатии, что, в свою очередь, может оказать влияние и на развитие самой конструктивистской теории. Анализ настроений пользователей, реакции и тона комментариев формируют базис для понимания идентичностей, ценностей и меняющихся предпочтений групп общества по конкретным политическим вопросам в отдельно взятой стране. Более того, использование методов конструктивизма позволяет сделать выводы о влиянии отдельных постов или

⁷⁹ Berger P.L. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge / P.L. Berger, T. Luckmann. – New York: Open Road Media Integrated Media, 1967. – 219 p.

⁸⁰ Wendt A. Social theory of international politics: Cambridge studies in international relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 429 p.

⁸¹ Campbell D. Writing Security: United States foreign policy and the politics of identity. Writing Security. Univ Of Minnesota Press, 1998. 308 p.

⁸² Shapiro M.J. Reading the postmodern polity: political theory as textual practice. Minnesota: Univ of Minnesota, 1991. 177 p.

⁸³ Neumann I.B. Uses of the Other: «The East» in European identity form. University of Minnesota Press, 1999. 304 p.

информационных кампаний политической власти на ценностные ориентиры целевой аудитории»⁸⁴.

Таким образом, рассмотрение цифровой дипломатии через призму конструктивистского подхода позволяет не только фиксировать онлайн-коммуникацию, но и выявлять глубинные смыслы, формирующие политические идентичности и ценностные установки. Конструктивизм делает возможным анализ того, как цифровые взаимодействия создают и трансформируют представления о международных отношениях, национальной политике и внешнеполитических акторах.

Для уточнения понятия «цифровая дипломатия» в качестве теоретической основы исследования были использованы разработки российских и зарубежных теоретиков, в частности Т.В. Зоновой⁸⁵, Н.А. Цветковой⁸⁶, И.В. Сурмы⁸⁷, К. Бйолы и И. Мэнора⁸⁸. Также использовались труды, посвященные схожим концепциям: «кибердипломатии» (Ш. Риордана⁸⁹), «сетевой дипломатии» (Дж. Метцла⁹⁰) и дата-дипломатии (Т. Дайя⁹¹).

В качестве вспомогательных подходов был использован ряд теорий среднего уровня: концепция публичной дипломатии, в рамках которой цифровая дипломатия рассматривалась как инструмент коммуникации внешнеполитических ведомств с зарубежной аудиторией, а также теория секьюритизации, инструментарий которой использовался при анализе нарратива об угрозах в контексте цифровой дипломатии США. Структурно-функциональный подход позволил проследить трансформацию институтов цифровой дипломатии Государственного департамента.

Для оценки имеющейся практики исследования цифровой дипломатии, а также определения цифровой дипломатии применён систематический обзор

⁸⁴ Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии ... С. 37-47;

⁸⁵ Зонова Т.В. Указ. соч. С. 176-183.

⁸⁶ Цветкова Н.А. Цифровая дипломатия и digital international relations... С. 174-196.

⁸⁷ Сурма И.В. Цифровая дипломатия в мировой политике... С. 220-249.

⁸⁸ Bjola C. The rise of hybrid diplomacy... P. 471-491.

⁸⁹ Riordan S. Op. cit.

⁹⁰ Metzl J.F. Op. cit. P. 77-87.

⁹¹ Dye T. Op. cit. P. 19-20.

литературы. Сравнительный анализ использовался как при работе с литературой, так и при сравнении практик цифровой дипломатии рассматриваемых президентских администраций.

При анализе публикаций социальной сети Twitter* использовался комплекс количественных и качественных методов⁹², что позволило применить как индуктивную, так и дедуктивную логику в исследовании.

Для анализа публикаций использовались хештег-анализ, тематическое моделирование на основе иерархической кластеризации, количественный контент-анализ, а также качественный контент-анализ. Комплекс методов позволил выделить динамику новостной повестки президентских администраций, а также реакцию на нее аудитории.

Количественный хештег-анализ представляет собой подсчет применяемых в Twitter-публикациях* хештегов. Хештег – это «графический знак, слово, фраза, предложение, написанные без пробелов, которые следуют за символом решетки (#). Обычно хештеги являются частью текста публикации, но могут представлять собой и самостоятельное сообщение. По определению зарубежных исследователей, хештег представляет собой коммуникационные метки (“metacommunicative”) для выражения главной темы текста»⁹³.

Тематическое моделирование – это комплекс методов, направленных на выявление тем текстового массива. Упрощенно говоря, тематическое моделирование позволяет выделить темы в одном или множестве текстов. *Иерархическая кластеризация* – это один из видов кластерного анализа,

* Здесь и далее: Twitter / X Заблокирован в Российской Федерации с марта 2022 года по решению Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 года на основании ст. 15.3 закона об информации, информтехнологиях и о защите информации.

⁹² Maxwell J.A. Expanding the History and Range of Mixed Methods Research // Journal of Mixed Methods Research. 2015. Vol. 10. № 1. P. 12-27.

* Здесь и далее: Twitter / X Заблокирован в Российской Федерации с марта 2022 года по решению Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 года на основании ст. 15.3 закона об информации, информтехнологиях и о защите информации.

⁹³ Патрушева Л.С. Хештегирование как новый коммуникативный процесс / Л.С. Патрушева // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2018. Т. 28. № 3. С. 471-475.

подразумевающий, что алгоритм выделяет наиболее похожие тексты и объединяет их в одну группу.

Тематическое моделирование использовалось как первый этап анализа текстов, позволивший составить тематические словари для последовавшего далее контент-анализа. На последнем этапе исследования публикации, содержащие ключевые слова из тематических словарей и названия стран, были дополнительно подвергнуты *качественному контент-анализу* для выявления контекстов употребления ключевых слов и общего тона публикаций.

Положения, выносимые на защиту.

1. Цифровая дипломатия США как коммуникативный инструмент преодолела несколько этапов развития. Во время первой администрации Б. Обамы цифровая дипломатия выступала в качестве ретранслятора прямой речи президента и государственного секретаря; при этом посольства обладали минимальной самостоятельностью и не формировали локальную повестку. Во время второй администрации Б. Обамы она стала выступать в качестве инструмента воздействия на общественное мнение. Стратегии присутствия усложнились, появились кампании по генерации пользовательского контента, дипломаты стали понимать нюансы работы социальных сетей. При Д. Трампе цифровая дипломатия отошла на второй план, о чем свидетельствует сокращение числа публикаций в три раза.
2. Цифровая дипломатия США в отношении Ирана в исследуемый период характеризуется ограниченной эффективностью, что проявляется в недостижении заявленных целей по мобилизации протестной активности, низком уровне вовлечённости аудитории и отсутствии устойчивого отклика на публикуемый контент; односторонний характер коммуникации и функционирование аккаунта в формате «эхо-камеры», преимущественно взаимодействующей с аффилированными акторами, существенно снижали ее потенциал влияния на внутренний общественно-политический дискурс Ирана.
3. Цифровая дипломатия США в отношении Великобритании представляла собой динамичный инструмент формирования союзнической идентичности,

содержательная логика которого определялась не только долгосрочной коммуникационной стратегией, но и конъюнктурой текущей внешнеполитической повестки. Посольство последовательно разворачивало информационные кампании, обслуживавшие конкретные задачи президентской администрации: подготовку британского общественного мнения к принятию ТТИП, легитимацию трансатлантического военно-политического сплочения через конструирование образа общего врага и, наконец, символическое воспроизводство «особых отношений» посредством апелляции к совместной исторической памяти в условиях нараставшей напряжённости периода администрации Д. Трампа. Смена тематических доминант при неизменности базовой установки на укрепление союзнической солидарности свидетельствует о высокой адаптивности цифровой дипломатии как коммуникативного инструмента и её органичной встроенности в общую логику американской публичной дипломатии.

4. Эффективность цифровой дипломатии США прямо зависит от степени адаптации коммуникационной стратегии к характеристикам целевой аудитории и уровня интерактивности: диалоговая, локализованная и культурно релевантная модель (на примере Великобритании) демонстрирует более высокую вовлечённость и устойчивый имиджевый эффект, тогда как односторонняя, слабо локализованная и избыточно идеологизированная коммуникация (на примере Ирана) формирует эффект «эхо-камеры» и ограничивает достижение заявленных внешнеполитических целей.

Соответствие содержания диссертации **паспорту научной специальности**. Диссертация соответствует следующим направлениям исследований, указанным в паспорте научной специальности 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования:

1. Теория и методология, методы анализа, развитие понятийного аппарата исследования международных отношений и мировой политики. Западные и незападные исследовательские традиции. Международно-политический анализ.

2. Субъекты международных отношений. Деятельность государственных и негосударственных акторов. Формальные и неформальные институты в

международных отношениях и в мировой политике. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин.

3. Мировая политика. Субъекты мировой политики. Современный мировой политический процесс. Глобальная система и региональные подсистемы международных отношений и мировой политики.

4. Ценности и интересы в международных отношениях и мировой политике. Международные отношения как пространство реализации и отстаивания ценностей и интересов различных субъектов.

5. Международная безопасность. Системы глобальной и региональной безопасности. Военная сила в международных отношениях. Международный терроризм и борьба с ним. Разоружение и контроль над вооружениями. Вызовы, риски, опасности и угрозы.

6. Международные кризисы и конфликты. Этнический и религиозный факторы в международных отношениях. Миротворческая деятельность.

7. Внешняя политика и дипломатия.

Достоверность полученных результатов исследования обеспечена обоснованной теоретико-методологической базой исследования, использованием соответствующих объекту, предмету, цели и задачам исследования научных методов, опорой на обширный перечень верифицируемых источников исследования.

Апробация результатов исследования. Основные идеи и положения работы изложены в 7 научных статьях автора общим объемом 5,66 п.л., в том числе в 5 статьях (объемом 3,86 п.л.), опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук, и в 2 статьях (объемом 1,8 п.л.), опубликованных в журналах Перечня ВАК. Результаты исследования также прошли апробацию в ходе 15 выступлений автора на международных и всероссийских научных конференциях.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Понятие «цифровая дипломатия» в отечественной и зарубежной литературе⁹⁴

Проблематика применения информационно-коммуникационных технологий в дипломатической практике привлекала внимание со стороны научного сообщества еще в XX веке⁹⁵. Однако только в XXI веке можно говорить о начале реальной интеграции цифровых технологий в дипломатические процессы, а также о становлении соответствующего исследовательского поля⁹⁶.

Как и в случае с современными компьютерными технологиями, предшествующие технологические трансформации требовали от дипломатов быстрой адаптации. Телеграф, радиосвязь и паровые двигатели, с одной стороны, значительно упростили коммуникацию между дипломатическим корпусом и центрами принятия решений, но с другой стороны ограничили свободу дипломатов в осуществлении локальных решений, т.к. требовали согласования своих действий с центральным аппаратом значительно чаще.

Последовавшее появление Интернета, электронной почты и позже социальных сетей с возможностями мгновенной передачи сообщений обеспечило многократное ускорение обмена информацией как между государствами, так и между рядовыми гражданами.

⁹⁴ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично, в которых согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Павлюченко А. А. Цифровая дипломатия vs кибердипломатия: к проблеме терминологии в академической литературе // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2024. Т. 50. С. 99-109. (объем авторского вклада 2,5 п.л.)

⁹⁵ Батулин Ю.М. Проблемы компьютерного права. М.: Юрид. лит., 1991.

⁹⁶ Dizard W.P. Op. cit. 215 p.; Burt R. Reinventing Diplomacy in the Information Age: A Report of the CSIS Advisory Panel on Diplomacy in the Information Age. Reinventing Diplomacy in the Information Age. CSIS, 1998. 144 p.

Среди отечественных авторов, исследующих проблему влияния ИКТ на дипломатическую практику, можно прежде всего выделить Н.А. Цветкову⁹⁷. Ее можно назвать основоположником отечественной школы изучения американской публичной и цифровой дипломатии; именно из ее трудов вышли все отечественные работы по данной теме. Прежде всего изучение цифровой дипломатии в своих статьях продолжили А.Н. Сытник⁹⁸, И.Т. Стадник⁹⁹ и Т.А. Гришанина¹⁰⁰, сформировав таким образом петербургскую школу исследований цифровой дипломатии. Работы Н.А. Цветковой также нашли свое продолжение и в трудах М.П. Теленьги¹⁰¹, И.В. Сурмы¹⁰², Е.С. Зиновьевой¹⁰³ и В.И. Булва¹⁰⁴, А.Н. Марчукова¹⁰⁵, М.М. Базлуцкой¹⁰⁶.

Позже в Дипломатической академии МИД России были выпущены монографии И.В. Сурмы «Цифровая дипломатия»¹⁰⁷, а также «*Цифровая дипломатия: монография*»¹⁰⁸ под авторством Данеляна и др., в которых цифровая дипломатия рассматривается в контексте информационных войн. Технические аспекты цифровой дипломатии в российской академической мысли отражены в монографии «Цифровой поворот в международных отношениях» под редакцией М.А. Сучкова и И.В. Болговой,¹⁰⁹ вышедшей в МГИМО МИД России.

⁹⁷ Цветкова Н.А. Цифровизация публичной дипломатии США // Актуальные проблемы мировой политики. 2020. Т. 10. С. 432-442.

⁹⁸ Сытник А.Н. Цифровая дипломатия США в зеркале Больших данных... С. 192-203.

⁹⁹ Стадник И.Т. Указ. соч. С. 157-169.

¹⁰⁰ Гришанина Т.А. Цифровая дипломатия США и формирование общественного мнения в социальных сетях... С. 209-217.

¹⁰¹ Теленьга М.П. Цифровая дипломатия США: историографический обзор // Americana. 2020. № 16. С. 250-267.

¹⁰² Сурма И.В. Цифровая дипломатия в мировой политике... С. 220-249.

¹⁰³ Зиновьева Е.С. Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности // Индекс безопасности. 2013. Т. 19. № 1(104). С. 213-228.

¹⁰⁴ Зиновьева Е.С. Цифровая дипломатия в отношениях России со странами ЕС: кросс-культурные аспекты // Концепт: Философия, Религия, Культура. 2021. Т. 5. № 4 (20). С. 30-40.

¹⁰⁵ Марчуков А.Н. «Публичная дипломатия 2.0» во внешней политике Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2014. Т. 6. № 3. С. 95-114.

¹⁰⁶ Базлуцкая М.М. Вовлеченность... С. 48-82.

¹⁰⁷ Сурма И.В. Цифровая дипломатия: монография... 124 с.

¹⁰⁸ Danelyan A. Digital diplomacy: monograph. M., 2021. 202 p.

¹⁰⁹ Сучков М.А., Болгова И.В. (ред.) Указ. соч.

В отдельную категорию стоит выделить «методологические» работы. К ним можно отнести исследования, описывающие использование современных компьютерных технологий при анализе процессов мировой политики. В этой категории примечательна книга А.Ю. Домбровской и Е.В. Бродовской «Большие данные в исследовании политических процессов»¹¹⁰ доклад Центра перспективных управленческих решений «Открытые данные в дипломатии: Россия в контексте международного опыта»¹¹¹.

Теоретическое осмысление цифровой трансформации дипломатической деятельности привела к образованию нового концептуально-терминологического ряда: «виртуальная дипломатия» (virtual diplomacy)¹¹², «гибридная дипломатия» (hybrid diplomacy)¹¹³, «Е-дипломатия» (e-Diplomacy)¹¹⁴, «кибердипломатия» (cyberdiplomacy)¹¹⁵, «медиадипломатия» (Media diplomacy)¹¹⁶, «цифровизация публичной дипломатии» (digitalization of public diplomacy)¹¹⁷, «нетдипломатия» (net diplomacy)¹¹⁸, «публичная дипломатия 2.0» (public diplomacy 2.0)¹¹⁹, «real-time дипломатия» (real-time diplomacy)¹²⁰.

К сожалению, появление большого количества взаимозависимых, дублирующих или противоречивых определений привело к терминологическому

¹¹⁰ Домбровская А.Ю. Большие данные в исследованиях политических процессов. М.: МПГУ, 2018.

¹¹¹ Шакиров О.И. Указ. соч. С. 1-52.

¹¹² Pilegaard J. Virtually Virtual? The New Frontiers of Diplomacy // The Hague Journal of Diplomacy. 2017. Vol. 12. № 4. P. 316-336.

¹¹³ Bjola C. The rise of hybrid diplomacy.... P. 471-491.

¹¹⁴ Hanson F. Revolution @State: The spread of ediplomacy. Lowy Institute for International Policy, 2012.

¹¹⁵ Riordan S. Op. cit.

¹¹⁶ Gilboa E. Diplomacy in the media age: Three models of uses and effects // Diplomacy & Statecraft. 2001. Vol. 12. № 2. P. 1-28.

¹¹⁷ Manor I. The Digitalization of Public Diplomacy: Palgrave Macmillan Series in Global Public Diplomacy. Cham: Springer International Publishing : Imprint: Palgrave Macmillan, 2019. 232 p.

¹¹⁸ Metzl J.F. Op. cit. P. 77-87.

¹¹⁹ Khatib L. Public Diplomacy 2.0: An Exploratory Case Study of the US Digital Outreach Team // Middle East Journal. 2011. Vol. 66. P. 453-472.

¹²⁰ Seib P. Real-time diplomacy: politics and power in the social media era. Real-time diplomacy. New York, NY: Palgrave Macmillan, 2012. 199 p.

хаосу¹²¹. Многие не смогли закрепиться из-за своей узости, привязанности к функционалу веб-ресурса или недолго прожившей технологии; примером такого термина может быть «твиبلوماسية»¹²². Закрепления других не произошло из-за слишком размытого определения. Но среди множества отмерших терминов два показали жизнеспособность и начали закрепляться в академической среде: это цифровая и кибердипломатия и их вариации.

Цифровая дипломатия как инструмент дипломатов

Рубеж 1990–2000-х гг.¹²³ стал периодом активного развития исследований, посвященных изучению стыка ИКТ и дипломатии. Попытка ввести устойчивый термин для описания этого явления была сделана В. Дизардом мл. в работе «Цифровая дипломатия: внешняя политика США в эпоху информации»¹²⁴. И хотя в своей работе Дизард так и не дал конкретного определения цифровой дипломатии, он выделил три ее ключевые составляющие:

- *политика (policy)*: «появление нового комплекса внешнеполитических вопросов, связанных с передовыми средствами связи и информационными ресурсами»;
- *внутренние операции (operations)*: «изменения в организации информационных ресурсов в Государственном департаменте и других ведомствах, участвующих во внешнеполитических операциях»;
- *публичная дипломатия*: «возросшая роль публичной дипломатии и в особенности использование цифровых технологий для воздействия на общественное мнение»¹²⁵.

Следует учитывать, что понятие «цифровая» в работе В. Дизарда соответствует времени написания работы и понимается гораздо шире, чем современными исследователями. Например, В. Дизард понимал под цифровой

¹²¹ Павлюченко А.А. Цифровая дипломатия vs кибердипломатия: к проблеме терминологии в академической литературе // Известия Иркутского государственного университета. 2024. Т. 50. С. 99-109.

¹²² Торреальба А.А. Твитبلوماسية: влияние социальной сети Твиттер на дипломатию // Вестник Российского университета дружбы народов. Международные отношения. 2015. № 3. С. 152-166.

¹²³ Potter E.H. (ed.) Op. cit.

¹²⁴ Dizard W.P. Op. cit.

¹²⁵ Там же.

дипломатией передачу спутникового ТВ-сигнала. Такое понимание цифровой дипломатии позволяло Дизарду делать выводы, что цифровая дипломатия началась еще в 1950–1960-х гг., что подчеркивает непрерывность процесса внедрения технологий и их значимости для внешней и внутренней политики. Среди американских президентов в послевоенный период особое значение развитию технологий во внешней политике уделял Р. Рейган, отводя им ключевую роль в стратегии США в период Холодной войны¹²⁶.

Эта проблема характерна для всей терминологии, стремящейся описать влияние новых технологий на дипломатию. «Цифровыми» мы обычно понимаем только недавно вошедшие в нашу жизнь технологии, но уже ставшие частью повседневности, устоявшиеся технологии таковыми не воспринимаются. Сегодня никто не станет называть цифровой дипломатией передачу документов на SD-карте или дискете¹²⁷.

Можно предположить, что это стало одной из причин непопулярности работы Дизарда среди современных исследователей и отсутствия серьезного внимания к ней в современной академии¹²⁸. Работы, содержащие термин «цифровая дипломатия», начали появляться преимущественно после 2011 года, вдохновленные использованием этого термина в одноименном стратегическом плане по развитию ИТ-технологий Государственного департамента США¹²⁹. План не давал четкого определения, но предложенное в документе описание явления позволяет сделать выводы о значении термина: «цифровая дипломатия позволяет расширить сотрудничество и обмен информацией между нашими внутренними и внешними заинтересованными сторонами, применяя современные инструменты

¹²⁶ Reagan R. All we can do is make sure that technology becomes the ally and protector of peace, that we build better shields rather than sharper and more deadly swords. URL: <https://www.reaganfoundation.org/ronald-reagan/quotes/all-we-can-do-is-make-sure-that-technology-becomes-the> (дата обращения: 24.08.2025).

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же.

социальных сетей и полезные информационные ресурсы для решения проблем дипломатии и развития»¹³⁰.

Учитывая, что социальные сети на тот момент находились на пике завышенных ожиданий, они оказались в фокусе как цифровой дипломатии Государственного департамента, так и исследователей новых направлений публичной дипломатии.

Для последовавших после 2011 года работ, посвященных цифровой дипломатии, характерны «широкий» и «узкий» подходы к ее определению. В рамках «узкого» подхода цифровая дипломатия определяется как использование цифровых технологий в целях влияния на общественное мнение за рубежом или в целях публичной дипломатии¹³¹. Два ключевых элемента «узкого» подхода – это акцент на каналах коммуникации и работе с общественным мнением.

«Широкий» подход предполагает понимание цифровой дипломатии как влияния информационно-коммуникационных и цифровых технологий на дипломатию в целом¹³². Однако ввиду того, что исследователи зачастую дорабатывали свои определения в относительно короткий период, выделение характерных национальным исследовательским школам или отдельным институтам подходов затруднено.

Описанное выше явление ярко прослеживается в работах израильского ученого И. Мэнора. В совместной работе 2015 года И. Мэнор и Е. Сегев определяют цифровую дипломатию как использование государством социальных сетей для достижения целей внешней политики и управления своим национальным имиджем¹³³. Но уже в 2016 году Мэнор описал цифровую

¹³⁰ IT Strategic Plan: Fiscal Years 2011-2013 Digital Diplomacy. IT Strategic Plan. US Department of State, 2011.

¹³¹ Сурма И.В. Цифровая дипломатия: монография... 124 с.

¹³² Manor I. America's Selfie: How the US Portrays Itself on its Social Media Accounts // Digital diplomacy: theory and practice: Routledge new diplomacy studies. London; New York: Routledge, 2015; Manor I. Digital Diplomacy Working Paper: The Digitalization of Diplomacy— Toward Clarification of a Fractured Terminology. 2017. Digital Diplomacy Working Paper Bjola C. Digital diplomacy the state of the art // Global Affairs. 2016. Vol. 2. № 3. P. 297-299.

¹³³ Manor I. America's Selfie: How the US Portrays Itself on its Social Media Accounts // Digital diplomacy: theory and practice: Routledge new diplomacy studies. London; New York: Routledge, 2015.

дипломатию как влияние любых ИКТ на дипломатию – от электронной почты до приложений для смартфонов¹³⁴.

Но широкое определение Мэнора (как и любое широкое определение) потребовало конкретизации смыслового содержания и определенного разграничения. Исследователь Оксфордского университета К. Бйола в качестве решения проблемы предложил разделить цифровую дипломатию на микро- и макроуровень. «Макроуровень – это все, что можно рассматривать в контексте мягкой силы, а микроуровень – это вклад цифровых технологий в дипломатические практики (консульские услуги и т.п.)»¹³⁵.

Уточнив и расширив определение термина «цифровая дипломатия», И. Мэнор также предложил отдельно говорить о цифровизации публичной дипломатии. Этот процесс предполагает использование социальных сетей для продвижения государственного имиджа¹³⁶. В отечественной науке схожей позиции придерживается Н.А. Цветкова, в последних работах рассматривая цифровизацию публичной дипломатии как отдельный термин¹³⁷.

Понятие кибердипломатии

Упомянутый терминологический хаос усугубляется параллельным существованием термина «кибердипломатия»¹³⁸. Термин почти одного возраста с термином «цифровая дипломатия»; его появление можно проследить до монографии 2002 года *«Кибердипломатия: управление внешней политикой в двадцать первом веке»* под редакцией канадского исследователя Эвана Х. Поттера¹³⁹. Как и с рассмотренным ранее термином, четкого определения вновь представлено не было.

«Кибердипломатия» в труде Поттера предполагала проведение информационных кампаний посредством новых технологий (Интернета, веб-

¹³⁴ Manor I. Are We There Yet: Have MFAs Realized the Potential of Digital Diplomacy? Are We There Yet. Brill Diplomacy and Foreign Policy, 2016.

¹³⁵ Bjola C. Digital diplomacy the state of the art // Global Affairs. 2016. Vol. 2. № 3. P. 297-299.

¹³⁶ Manor I. The Digitalization of Public Diplomacy 232 p.

¹³⁷ Цветкова Н.А. Цифровизация публичной дипломатии США... С. 432-442.

¹³⁸ Павлюченко А.А. Цифровая дипломатия vs кибердипломатия... С. 99-109.

¹³⁹ Potter E.H. (ed.) Op. cit.

сайтов), хотя автор много внимания уделяет и влиянию медиа на дипломатическую деятельность в целом. Как и цифровая дипломатия, кибердипломатия в актуальном значении популяризировалась после 2011 года – к этому моменту определение «перетекло» в академическую среду из справочных материалов Государственного департамента США¹⁴⁰.

Но и в документах Государственного департамента четкого определения найти не удастся, хотя из описания следует, что она «охватывает широкий спектр интересов США в киберпространстве. К ним относятся не только кибербезопасность и свобода Интернета, но и управление Интернетом, использование Интернета в военных целях, инновации и экономический рост»¹⁴¹. Это определение и приобрело популярность в академическом сообществе¹⁴².

Показательным примером кибердипломатии в рамках этого определения можно считать деятельность Рабочей группы открытого состава (РГОС) по выработке норм поведения в киберпространстве ООН, в рамках которой отдельно можно отметить деятельность России, которая широко освещена в учебном пособии по международной информационной безопасности под редакцией А.В. Крутских¹⁴³. Альтернативно термин можно связать с любыми переговорами, направленными на разрешение международных киберинцидентов. Это хорошо отражает два факта: 1) термин закрепился в официальных документах ООН; 2) существует устоявшаяся практика использования префикса *кибер-* в контексте безопасности (т.е. «кибербезопасность», а не «цифровая безопасность»).

У Ш. Риордана термин был уточнен: в работе *«Кибердипломатия против цифровой дипломатии: терминологическое разграничение»* кибердипломатия описывается как использование дипломатических инструментов и дипломатического мышления для решения проблем, возникающих в

¹⁴⁰ Павлюченко А.А. Цифровая дипломатия vs кибердипломатия... С. 99-109.

¹⁴¹ International Cyber Diplomacy: Promoting Openness, Security and Prosperity in a Networked World.

¹⁴² Павлюченко А.А. Цифровая дипломатия vs кибердипломатия... С. 99-109.

¹⁴³ Международная информационная безопасность: Теория и практика: В трех томах. Том 1: Учебник для вузов / Ред. А.В. Крутских. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. 381 с.

киберпространстве¹⁴⁴. Для разграничения цифровой и кибердипломатии можно применить методологию, предложенную российским исследователем Е.А. Коньковым в своей работе «Цифровизация политики vs. Политика цифровизации». Автор противопоставляет цифровизацию «политики как распространение технологий на политические отношения» и «политику цифровизации, связанную с политическим управлением, развитием цифровых технологий в экономике и социальной сфере»¹⁴⁵. Но в этом случае мы говорим о цифровизации дипломатии, то есть распространении технологий на дипломатические отношения, и дипломатии цифровизации, что в свою очередь предполагает участие дипломатов в новой переговорной повестке, связанной с вопросами трансграничного цифрового взаимодействия¹⁴⁶.

Эта дихотомия позволяет вернуться к Дизардовскому описанию составляющих цифровой дипломатии¹⁴⁷. При совмещении труда Дизарда и актуальной терминологии можно вывести следующие определения:

- цифровая дипломатия – использование цифровых технологий в дипломатических целях;
- цифровая публичная дипломатия – использование цифровых технологий в целях публичной дипломатии;
- кибердипломатия – участие дипломатов в переговорной повестке по вопросам киберпространства¹⁴⁸.

Актуализация классических терминов и определений Дизарда позволяет связать его работу с явлениями, рассматриваемыми современными учеными-исследователями цифровой дипломатии. Но это не позволяет нам решить вопрос о разграничении «цифровой дипломатии» и «цифровой публичной дипломатии», и тем более не отвечает на вопрос о месте новых терминов в данной системе¹⁴⁹.

¹⁴⁴ Riordan S. Op. cit.

¹⁴⁵ Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. № 1. С. 47-68.

¹⁴⁶ Павлюченко А.А. Цифровая дипломатия vs кибердипломатия... С. 99-109.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же.

Однако, исходя из этой терминологии, мы можем сказать, что цифровая дипломатия является зонтичным термином, в рамках которого мы можем говорить как о «классической», так и публичной дипломатии¹⁵⁰.

Так, можно наблюдать, что это направление исследований международных отношений все еще находится в состоянии терминологической и концептуальной раздробленности. Можно выделить несколько причин этого состояния. Во-первых, академическое сообщество нередко принимает на свое вооружение новые термины, без критического осмысления заимствуя их из государственных документов¹⁵¹. Во-вторых, основное в термине слово «цифровой» за первые десятилетия XXI века неоднократно меняло общепринятое значение¹⁵². В-третьих, стремительное развитие цифровых технологий и постоянное появление новых платформ коммуникации приводит к появлению связанных с ними новых терминов, таких как «дата-дипломатия»¹⁵³.

Понятие дата-дипломатии

Выше был упомянут феномен дата-дипломатии. Этот термин нельзя обходить стороной: он был популяризирован из-за широко распространившегося использования аналитики больших данных и искусственного интеллекта государственными акторами¹⁵⁴. Дата-дипломатия ярко иллюстрирует проблему терминов, основанных на конкретных технологических процессах или узких явлениях.

Некоторые ученые вписывают дата-дипломатию в существующую терминологическую традицию¹⁵⁵. Например, в своей последней работе Н.А. Цветкова, А.Н. Сытник и Т.А. Гришанина используют термин «дата-дипломатия» как обозначение нового этапа развития цифровой дипломатии, при

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Dye T. Data Diplomacy // American Association for the Advancement of Science: Science Diplomacy Conference. С. 19-20; Цветкова Н.А. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4-1. С. 27-44; Boyd A. Data Diplomacy // Science & diplomacy. 2019. Vol. 8.

¹⁵⁴ Павлюченко А.А. Цифровая дипломатия vs кибердипломатия... С. 99-109.

¹⁵⁵ Там же.

котором началось «использование аналитики больших данных для реализации внешнеполитических задач»¹⁵⁶.

В других же случаях данные термины существуют независимо или вводятся в другую «терминологическую традицию» – это приводит к понятийному конфликту, создавая разночтение термина¹⁵⁷. Автором первой работы, посвященной гипотетическим перспективам анализа больших данных в дипломатии, стал Тимоти Дай, исследователь Рочестерского университета. Он предложил термин «дипломатия больших данных» (*Big Data Diplomacy*) и раскрыл его как «концепцию, которая объединяет принципы науки о данных, технологий и вычислений с социальными науками, международными отношениями и дипломатическими переговорами, а в некоторых случаях предлагает новый дипломатический инструмент, облегчающий глобальные (и локальные) отношения»¹⁵⁸.

Позже, в соавторстве с Э. Бойдом, Дж. Гейтвудом и С. Торсоном, он с опорой на ключевые компоненты научной дипломатии составил описания трех малых категорий дипломатии данных:

- *данные в дипломатии*: применение данных в отношениях между национальными государствами или другими субъектами. Применение данных для повышения качества консульских услуг или использование данных как вспомогательного инструмента переговоров могут быть иллюстрацией данной субкатегории. Данному аспекту уделено основное внимание в работе;

- *данные для дипломатии*: взаимодействие заинтересованных сторон для усовершенствования, использования и интерпретации данных. Примером может служить разработка единого стандарта языков программирования, соглашения по обмену данными и т.д.;

¹⁵⁶ Цветкова Н.А. Цифровая дипломатия и digital international relations... С. 174-196.

¹⁵⁷ Павлюченко А.А. Цифровая дипломатия vs кибердипломатия: к проблеме терминологии в академической литературе // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2024. Т. 50. С. 99-109.

¹⁵⁸ Dye T. Op. cit. P. 19-20.

– *дипломатия ради данных*: эксперты по работе с данными создают платформу для глобальной кооперации. В качестве примера возможно привести *UN Global Pulse* – инициативу по повышению эффективности использования больших данных в международной гуманитарной деятельности и содействию развитию, включающую в себя волонтерскую программу для ученых, занимающихся данными¹⁵⁹.

Как теперь видно на примере дата-дипломатии, определение с разными значениями оказалось вписанным сразу в несколько независимых традиций¹⁶⁰. С одной стороны, оно оказалось связано с изучением цифровой дипломатии, а с другой – с изучением научной. Подобная научная разноголосица затрудняет продуктивное применение термина в новых исследованиях.

Более того, Дай в рамках своей теории не дал пояснения терминам «данные» и «дипломатия», т.к. в данные он включает и языки программирования, а в дипломатию – и кооперацию между экспертами, в результате чего остается неясным, где заканчивается она и начинается международное сотрудничество или международные отношения.

Но подобная проблема в целом характерна для исследований дипломатии и международных отношений, так как встречается и в смежных сферах исследований. Нередко к слову «дипломатия» прикрепляется описывающий или уточняющий термин: спортивная, гастрономическая, энергетическая и т.п.

Получившиеся терминологические конструкции оказываются массивными, имеют широкие значения и не всегда однозначно трактуют свои «составные» компоненты. Нередко в них не разграничиваются и пределы или конкретные функции «дипломатии», то есть пределы термина оказываются слишком широки, и его описательная полезность оказывается под вопросом.

На наш взгляд, в вопросе цифровой, кибер- или дата-дипломатии было бы наиболее логичным сузить понятия, говоря только о деятельности

¹⁵⁹ Boyd A. Data Diplomacy // Science & diplomacy. 2019. Vol. 8.

¹⁶⁰ Павлюченко А.А. Цифровая дипломатия vs кибердипломатия... С. 99-109.

внешнеполитических ведомств и структур публичной дипломатии¹⁶¹. Это позволит избежать «размытия» определений. Это касается и введения новых терминов в академический оборот. На наш взгляд, стоит стремиться как минимум вписывать новые определения в уже существующую терминологическую структуру, а не оставлять «висящими в воздухе»¹⁶² или выделять им независимую нишу, размывая академическое поле. Возможным решением данной проблемы может стать введение периодизации цифровой дипломатии. Попытки провести подобную работу уже предпринимались некоторыми авторами¹⁶³.

Таким образом, в исследованиях обоюдного влияния цифровизации на дипломатию можно обнаружить значительную фрагментацию, что привело к рождению целого ряда новых узких, специфических терминов¹⁶⁴. Некоторые термины, к примеру «электронная дипломатия», полностью вышли из оборота уже к середине 2010-х годов, в то время как «цифровая дипломатия» приобрела новый смысл и получила привязку к социальным сетям. «Кибердипломатия» по большей мере «ушла» в сферу разработки киберправа и обсуждения кибербезопасности, в то время как «дата-дипломатия» оказалась термином на грани двух понятий: «научная» и «цифровая» дипломатии¹⁶⁵.

То есть можно говорить о выделении трех основных направлений внутри изучения цифровой дипломатии: внедрение новых технологий в дипломатическую практику (включая социальные сети), новая переговорная повестка, а также связка вычислительных наук и дипломатии¹⁶⁶.

Подводя итог, можно отметить, что, несмотря на многообразие терминов, используемых академическим сообществом для описания трансформации дипломатии под влиянием цифровых технологий, именно «цифровая дипломатия» остается наиболее нейтральным и универсальным понятием в

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Manor I. The Digitalization of Public Diplomacy 232 p.; Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях... С. 37-47; Павлюченко А.А. К вопросу о периодизации... С. 69-81.

¹⁶⁴ Павлюченко А.А. Цифровая дипломатия vs кибердипломатия... С. 99-109.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же.

существующем терминологическом аппарате. В рамках данного исследования мы придерживаемся определения цифровой дипломатии как «использования цифровых технологий дипломатическими ведомствами». Такой подход позволяет нам ограничить понятие цифровой дипломатии исключительно случаями ее применения внешнеполитическими ведомствами, что соответствует целям нашего исследования.

1.2 Методы и инструменты анализа цифровой дипломатии¹⁶⁷

Цифровая дипломатия (ЦД) представляет собой одно из наиболее быстро развивающихся направлений международных отношений. Первые работы, посвященные ЦД, датируются концом XX – началом XXI вв.¹⁶⁸. Однако широкий интерес академического и экспертного сообщества к ее изучению фиксируется с 2011 г., когда ЦД стала упоминаться в официальных документах Государственного департамента США. В контексте цифровизации дипломатической деятельности в целом и ее отдельных сфер, от переговоров до решения повседневных задач дипломатов, проблема методологии исследования ЦД и измерения ее эффективности приобретает все большую актуальность.

Хотя первые научные работы, посвященные ЦД, появились еще в 2012 г., большинство публикаций по этой теме до сих пор носят обзорный характер: описанию подлежат эволюция и институты ЦД, стратегические документы, регламентирующие ее функционирование. Тем не менее сравнительно небольшое количество исследований содержат анализ материалов, размещаемых в открытом доступе посольствами и внешнеполитическими ведомствами, или реакции на них аудитории.

Объяснение этому заключается в том числе в необходимости привлечения специфического программного обеспечения, для работы с которым требуется специальное обучение. С учетом больших объемов данных, которые ЦД предоставляет для анализа, вопрос о методах ее изучения становится тем более актуальным.

Этот вопрос рассматривается в статье Н.А. Цветковой «Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения». В статье

¹⁶⁷ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично, в которых согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Павлюченко А. А. Методы изучения цифровой дипломатии в российских международно-политических исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16, № 4. С. 225–250. (объем авторского вклада 2,5 п.л.)

¹⁶⁸ Dizard W.P. Digital diplomacy: U.S. foreign policy in the information age. Digital diplomacy. Westport, Conn: Praeger, 2001. 215 p.

выделены такие методы, как «анализ хештега (*hashtag tracking*), сетевой анализ (*network analysis*), сентимент-анализ (*sentiment analysis*), а также анализ мнений и взглядов (*opinion mining*)»¹⁶⁹. Эта идея затем получила развитие в диссертации А.Н. Сытник «Цифровизация и "большие данные" в международных отношениях: теоретические, методологические и прикладные аспекты»¹⁷⁰. А.Н. Сытник выделила три группы автоматизированных методов анализа больших массивов текстов в социальных сетях. «В первую группу входят классификация, кластеризация и тематическое моделирование. Вторая группа состоит из сентимент-анализа (то есть анализа настроений) и извлечения мнений. Третья группа – это извлечение объектов и фактов»¹⁷¹. Важно отметить, что автор пишет именно о работе с большими данными. Однако основная масса исследований ЦД основана на более простых в реализации методах.

Так, например, З. Шахуд в своей диссертации «Роль информационных технологий во внешней политике Российской Федерации в арабском мире» применил количественные методы анализа динамики публикаций с целью отследить активность российских посольств на Ближнем Востоке¹⁷².

В свою очередь, Н.В. Новиков в диссертации «Коммуникативные стратегии цифровой дипломатии» продемонстрировал кардинально другой подход, используя лингвистические методы для анализа малых данных. Автор выделил несколько основных коммуникативных стратегий ЦД: информационные стратегии, оценочные стратегии, стратегии позитивной репрезентации и аргументативные стратегии¹⁷³.

Важно отметить, что проблематика ЦД находится на стыке нескольких научных дисциплин: с одной стороны, ее исследуют политологи, а с другой – филологи (это нашло отражение, в частности, в том обстоятельстве, что первая диссертация в России, посвященная ЦД, была защищена именно по научной

¹⁶⁹ Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии ... С. 37-47.

¹⁷⁰ Сытник А.Н. Цифровизация и «большие данные»... С. 201

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Шахуд З. Указ. соч.

¹⁷³ Новиков Н.В. Указ. соч.

специальности «Филология»). Как следствие, в исследованиях ЦД могут применяться методы из разных научных дисциплин. Однако работы по филологии часто остаются вне поля зрения политологов, и наоборот¹⁷⁴.

Дискурс-анализ в исследовании цифровой дипломатии

Представители филологических наук проявили интерес к изучению контента, публикуемого дипломатами, до того, как это произошло в политологии. В лингвистике дипломатический дискурс понимают как один из видов институционального дискурса, и его трансформация на фоне появления новых форматов коммуникации дипломатов особенно интересна для филологии. В рассматриваемый период первые российские публикации на эту тему появились в 2019 г. Авторы этих работ применяли дискурс-анализ небольших текстов, подробно рассматривая в среднем от 8 до 20 публикаций или их частей. Предметом изучения в этом случае были коммуникационные стратегии внешнеполитических ведомств или отдельных дипломатов.

Одной из первых работ стала статья Е.Н. Горбачевой (Шеховцевой) «Цифровая дипломатия vs традиционная дипломатия с позиций дискурсивной перформативности (на материале англо- и русскоязычных дипломатических заявлений)»¹⁷⁵. Целью этой работы было изучить способы манифестации перформативности (реальности), характерные для дискурсов ЦД и традиционной дипломатии.

Тему коммуникативных стратегий американской ЦД в своей работе затрагивают П.Ю. Ганжелюк и С.С. Тахтарова¹⁷⁶. Авторы поставили перед собой задачу выделить основные речевые стратегии в дискурсе ЦД США. С этой целью авторы провели дискурс-анализ 8 публикаций в Twitter-аккаунтах Д. Трампа, государственного секретаря США М. Помпео и Государственного департамента

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Шеховцева Е.Н. Цифровая дипломатия vs традиционная дипломатия с позиций дискурсивной перформативности (на материале англо- и русскоязычных дипломатических заявлений) // Известия Волгоградского Государственного Педагогического Университета. 2019. № 5 (138). С. 164-169.

¹⁷⁶ Ганжелюк П.Ю. Коммуникативные стратегии дискурса цифровой дипломатии (на материале американской твитдипломатии) / П.Ю. Ганжелюк, С.С. Тахтарова // TERRA LINGUAЕ: Сборник научных статей. – 2019. – № 5. – С. 20–26.

США. Основываясь на типологии речевых стратегий Г.П. Грайса и О.С. Иссерс, авторы выделили три основные стратегии, которые американские дипломаты используют в Twitter: информативную, оценочную (через положительную репрезентацию или диффамацию) и аргументативную, что, как отмечают авторы, представляет собой эффективное средство формирования позитивного имиджа и воздействия на значимую целевую аудиторию.

Эта тема получила развитие в исследовании И.Б. Кауфовой и Л.А. Кауфовой, но в центре внимания авторов находились коммуникативные информационные стратегии Великобритании, а именно Twitter-аккаунт министра иностранных дел Б. Джонсона, что отличает эту работу от предыдущих¹⁷⁷. В общей сложности в статье анализу подлежали 15 публикаций, размещенных в аккаунте в период с конца марта по середину июля 2020 г. По мнению авторов, в них отражены три основные коммуникативные стратегии: 1) отбор определенной информации; 2) ее детальное развитие; 3) замалчивание некоторых фактов (стратегия умолчания).

В работе А. Мешаала риторика Б. Джонсона была сопоставлена с риторикой С.В. Лаврова на предмет использования смягчающих речевых тактик¹⁷⁸. В статье А. Мешаала продемонстрирована одна из основных проблем, с которой сталкиваются как филологи, так и политологи при изучении ЦД: как именно разграничить ее с традиционной дипломатией. А. Мешаал в своей работе указывает в качестве признака ЦД размещение тех или иных заявлений в сети Интернет. Другие исследователи, в частности ранее упомянутая Е.Н. Горбачева, относят к ЦД только публикации в социальных сетях. Второй подход представляется более корректным, поскольку более точно отражает специфику рассматриваемого явления.

В целом авторами статей, рассматривающих проблематику ЦД через призму дискурс-анализа, стали главным образом филологи. В фокусе внимания этих исследователей в первую очередь оказывались вопросы типологизации

¹⁷⁷ Кауфова И.Б. Указ. соч. С. 178.

¹⁷⁸ Мешаал А. Указ. соч. С. 167-173.

коммуникативных стратегий ЦД внешнеполитических ведомств и политиков, выявления их особенностей. Эмпирическую базу при этом составляет небольшая по объему подборка публикаций или отрывков из них, охватывающих значительный временной отрезок.

В нашем представлении такой дизайн исследования оптимально подходит для изучения дискурса ЦД и ориентируется на качественный анализ. В то же время этот подход не позволяет ответить на ряд вопросов, которые ставят перед собой представители политических наук. Например, с помощью данного метода невозможно оценить эффективность ЦД; кроме того, за рамками исследования остается большой объем публикаций.

Контент-анализ на средних данных в исследованиях цифровой дипломатии

Политологическое сообщество, в свою очередь, зачастую обращается к контент-анализу. Вероятнее всего, причиной его популярности стала возможность проанализировать большие объемы данных и минимизировать влияние субъективных факторов при подборе публикаций. Более того, иногда вместе с контент-анализом авторы применяют различные метрики вовлеченности аудитории, что позволяет более комплексно оценивать эффективность ЦД посольств.

Серьезным толчком для исследования рассматриваемой темы стала пандемия COVID-19 ввиду масштабного внедрения ИКТ и перенесения дипломатической деятельности в онлайн-формат. В статье А.А. Павлюченко был проведен сравнительный анализ публикаций внешнеполитических ведомств, посольств и послов США и Германии в Великобритании в период пандемии¹⁷⁹. Чтобы решить эту задачу, автор отобрала публикации, содержащие тематический хештег «COVID-19». Всего в ходе исследования с применением тематического контент-анализа было проанализировано 3046 публикаций за период с января по

¹⁷⁹ Павлюченко А.А. Информационная деятельность в Twitter-аккаунтах внешнеполитических ведомств Соединенных Штатов Америки и Федеративной Республики Германия в Великобритании в условиях пандемии COVID-19 (Twitter/X Заблокирован в Российской Федерации с марта 2022 года по решению Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 года на основании ст. 15.3 закона об информации, информтехнологиях и о защите информации) // Русская политология. 2020. № 4 (17). С. 28-37.

июнь 2020 г., т.е. с момента выявления первых случаев заражения до снятия режима ковидных ограничений в Великобритании.

Далее был проведен тематический анализ и выделено пять групп публикаций: «информационные», «политические», «побудительные», «позитивные» и «гуманитарная помощь». Анализ публикаций проведен вручную без использования программного обеспечения. Помимо количественных показателей, рассматривался вопрос о визуальной составляющей публикаций и их общей характеристике, т.е. можно говорить о применении в работе смешанных методов.

По результатам исследования автор сделала вывод о том, что публикации американского посольства носили по преимуществу имиджевый характер, в то время как материалы посольства Германии были более утилитарными и чаще были посвящены вопросам эвакуации граждан. Иными словами, два посольства в своих стратегиях преследовали разные цели, что было отражено в характере и тематике публикаций.

Особенности ЦД в период пандемии исследованы в статье И.Е. Денисова, А.Р. Дагаева и С.П. Султанаева¹⁸⁰. В статье был проведен сравнительный тематический контент-анализ аккаунтов посольств Китая, Кореи и Японии в социальных сетях, проанализировав 2128 публикаций с 1 января 2020 г. по 1 января 2021 г. Авторы пришли к заключению, что ЦД Китая во многом носила реактивный характер. Китайские посольства выполняли функцию «информационных посредников, распространяющих официальную информацию из других источников без ее комментирования»¹⁸¹, в то время как посольства Японии и Кореи активно использовали в ЦД свою популярную культуру, в то время как политическая повестка отходила на второй план¹⁸².

¹⁸⁰ Denisov I. Op. cit. С. 274-290.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Там же

К.С. Кравцов и Е.Д. Соболева продолжили изучение этой темы, в фокусе их исследования оказалась ЦД КНР в Африке в Facebook^{183*184}. Авторы использовали метод фрейм-анализа, который провели в несколько этапов на материале 295 публикаций в аккаунтах посольств в Кении, Алжире, ЮАР, Египте и Судане за 2019–2021 гг. (на официальных языках этих стран: английском, арабском и французском). С учетом ограничений, накладываемых этим методом, а именно невозможности проанализировать несколько тысяч публикаций без привлечения большой команды исследователей, статьи подбирались случайным способом. По результатам исследования авторы пришли к заключению о схожести фреймов, используемых в китайской ЦД и официальных китайских СМИ. Кроме того, была отмечена тенденция к адаптации контента под специфику аудитории тех или иных аккаунтов: «Например, подписчикам китайских посольств в арабских странах рассказывают о роли КНР в решении конфликта Израиля и Палестины и про празднование исламских праздников в СУАР»¹⁸⁵.

Китай фигурировал в исследованиях не только в качестве субъекта ЦД, но и в качестве объекта ее реализации. В своей работе *«Российская цифровая дипломатия в отношении Китая в контексте специальной военной операции России на Украине: пример официального аккаунта в Weibo Посольства Российской Федерации в Китае»*¹⁸⁶ И. Сымэн (Yin Simeng) рассмотрела деятельность российского посольства в Китае в социальной сети Weibo с начала Специальной военной операции на Украине. В своей работе Сымэн заключила, что сотрудники посольства продемонстрировали свой профессионализм в продвижении публикаций, используя хештеги, однако отметила, что основной упор в стратегии посольства делался на донесение официальной позиции, из чего автор формирует рекомендации о необходимости расширения тематики

¹⁸³ Здесь и далее. Деятельность Meta Inc. запрещена на территории Российской Федерации и признана экстремистской с 21 марта 2022 г.

¹⁸⁴ Кравцов К.С. Указ. соч. С. 3-22.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Simeng Y. Russian Digital Diplomacy Towards China in the Context of the Russian Special Military Operation in Ukraine: The Instance of the Official Weibo Account of the Embassy of the Russian Federation in China // Вестник Волгоградского государственного университета. 2023. Т. 28. №. 3. С. 76-84.

материалов¹⁸⁷. Таким образом, можно видеть, что стратегия российской и китайской цифровой дипломатии во многом схожа. В обоих случаях основной упор делается именно на ретрансляцию официальной позиции, в то время как элементы публичной дипломатии уходят на второй план.

В целом метод тематического контент-анализа (или схожий с ним по подходу анализ фреймов) можно назвать одним из самых универсальных. Среди его преимуществ отметим возможность охватить в исследовании средние объемы данных (от нескольких сотен до нескольких тысяч публикаций). К этому следует добавить отсутствие необходимости в применении специализированного программного обеспечения. Кодирование, как и отбор публикаций, можно проводить вручную. Исключением может быть только применение специализированного инструментария для использования отдельных метрик.

В то же время этот метод имеет определенные недостатки. В частности, он не позволяет анализировать визуальную составляющую публикаций, а кроме того, дает возможность изучать только отдельные источники информации в отрыве от более широкого контекста.

Анализ хештегов на больших данных в изучении цифровой дипломатии

Авторами всех отечественных работ, которые удалось найти при подготовке этого исследования и в которых применялись машинные методы обработки больших массивов данных (несмотря на сложность определения того, какие данные можно считать большими), стали представители Санкт-Петербургского государственного университета.

По итогам исследования авторам удалось выявить долю американских каналов ЦД в общем пуле популярных аккаунтов в Венесуэле. Исследователи установили, что американские правительственные аккаунты не пользовались большой популярностью у местной аудитории, а потому не смогли сыграть существенную роль в венесуэльском кризисе. Во многом это стало результатом существования в стране широкой и разветвленной сети лидеров общественного мнения, а чем больше такая сеть, тем меньше шансов остается у «внешних

¹⁸⁷ Там же.

игроков – США, России, Китая или Европы – оказывать влияние на венесуэльцев»¹⁸⁸.

Анализ хештега на больших данных можно назвать одним из наиболее редких методов изучения ЦД в российском академическом сообществе, поскольку его использование требует профильного программного обеспечения, а также базовых навыков программирования и владения основами аналитики данных. Это повышает «порог вхождения» для исследователей, особенно если сравнивать его с контент-анализом, который можно провести вручную. Кроме того, отметим, что использование этого метода связано и с рядом очень специфических трудностей методологического и чисто технического плана. В частности, речь идет о проблеме отсеивания ботов и иных способов искусственной манипуляции трафиком¹⁸⁹.

В то же время анализ хештега, на наш взгляд, обладает наибольшим потенциалом для исследований международных отношений, поскольку позволяет проверить на больших массивах данных «масштабные» гипотезы, что невозможно сделать, используя иные методы. Для развития культуры аналитики данных в политологической науке в будущих исследованиях рекомендуется больше внимания уделять их техническим аспектам для совершенствования общей методологии. Кроме того, было бы полезно публиковать в открытом доступе датасеты подобных исследований для составления на их основе архивов обработанных данных.

Таким образом, дискурс-анализ в большей степени пригоден для работы с малыми данными. Он дает возможность типологизировать коммуникативные стратегии ЦД внешнеполитических ведомств и отдельных политиков, выявить их особенности, используя в качестве иллюстративных примеров выборку из небольшого объема публикаций или отрывков из них. Подобный дизайн исследования оптимален для изучения дискурса ЦД и носит описательный характер. Однако он не позволяет ответить на ряд вопросов, которые ставят перед

¹⁸⁸ Сытник А.Н. Цифровизация и "большие данные"... С. 201.

¹⁸⁹ Базлуцкая М.М. Вовлеченность аудитории как показатель эффективности цифровой дипломатии // Вестник МГИМО-Университета. 2024. Т. 17. № 4. С. 48-82.

собой представители политических наук. Например, с помощью этого метода невозможно оценить эффективность ЦД и проблематично работать с большими объемами публикаций.

Вторым по распространенности методом является тематический контент-анализ. Используя этот метод, можно проанализировать как региональную контент-стратегию (например, изучив публикации нескольких посольств), так и стратегию отдельного актора и разработать рекомендации по его тематическому наполнению. В сочетании с показателями вовлеченности этот метод имеет большой потенциал не только как инструмент академического исследования, но и как средство политического консультирования. Преимуществами контент-анализа являются возможность охвата достаточно большого объема данных (от нескольких сотен до нескольких тысяч постов), а также отсутствие необходимости осваивать специализированное программное обеспечение. К числу его основных недостатков можно отнести то, что он не позволяет анализировать визуальную составляющую публикаций.

Наконец, анализ больших данных с применением анализа хештега имеет значительный потенциал. Этот метод лучше всего подходит для проверки исследовательских гипотез или разработки глобальных стратегий, таких как выявление лидеров общественного мнения в блогосфере определенного региона или анализ общественных настроений по определенной теме. Перспектива использования данной методологии в сочетании с генеративным искусственным интеллектом интересна, что продемонстрировано в работе М.М. Базлутцкой и А.Н. Сытник в одной из последних своих работ¹⁹⁰. В то же время важно отметить, что при использовании данного метода возникают острые проблемы, связанные с выявлением и оценкой фактов манипулирования информационным трафиком.

В целом можно констатировать, что российские исследователи в настоящее время используют три основных метода, которые позволяют решать различные задачи при изучении ЦД. Хотя необходимо также отметить, что в 2024 году появились

¹⁹⁰ Bazlutckaia M.M. Transmedia Engagement: AI-Driven Frame Analysis of the U.S. Digital Diplomacy in Russia / Russia & World: Sc. Dialogue. 2024. № 4. С. 63-85.

единичные работы с применением новых методов, к примеру, с применением анализа вовлеченности – статья М.М. Базлуцкой, посвященная анализу вовлеченности аудитории российских посольств в Telegram¹⁹¹, а также работа Д.О. Вакарчука, в которой проводится сетевой анализ американского и китайского посольств в странах Средиземноморья¹⁹².

Учитывая объем эмпирического материала, который цифровая дипломатия предоставляет для анализа, дальнейшее совершенствование методологии ее изучения, на наш взгляд, лежит в направлении междисциплинарных исследований, использования методов филологии, социологии, культурологии и т.д.

Одной из стратегий реализации данных исследований может стать использование смешанных методов в исследовании цифровой дипломатии. На наш взгляд, данный подход позволяет подобрать оптимальную комбинацию количественной и качественной методологии.

Методология диссертационного исследования

Для анализа собранных в рамках исследования данных используется подход смешанных исследовательских методов¹⁹³, подразумевающий комбинацию количественной и качественной методологии, что позволяет применить как индуктивную, так и дедуктивную логику в исследовании. Учитывая обширность и разнообразие представленных в диссертационном исследовании данных, применение данного подхода представляется нам наиболее целесообразным.

В общей сложности в рамках исследования было проанализировано 30 015 публикаций в Twitter. Для парсинга данных использовалось программное обеспечение Popsters¹⁹⁴. Парсинг представляет собой процесс автоматического

¹⁹¹ Базлуцкая М.М. Цифровая дипломатия в Telegram: сравнительный анализ вовлеченности аудитории и активности посольств России и США // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. Т. 17. № 4. С. 431-456.

¹⁹² Вакарчук Д.О. Особенности цифровой дипломатии США и КНР в Средиземноморском регионе / Д.О. Вакарчук // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 411–430.

¹⁹³ Maxwell J.A. Op. cit. P. 12-27.

¹⁹⁴ Popsters – Social media pages analysis tool. URL: <https://popsters.com> (дата обращения: 24.02.2025).

сбора данных. В нашем случае были собраны тексты твитов, количество лайков, репостов, просмотров, даты публикаций и ссылки на эти публикации. С собранными данными в табличном формате можно ознакомиться в открытом доступе – в репозитории (платформе для хранения данных) GitHub¹⁹⁵. Пример собранных публикаций представлен ниже (Таблица 1).

Таблица 1 – Пример исходных данных

Post Url	Likes	Reposts	Views	ER Post	ER View	VR Post	Text	Date	Media 1
https://tw	18	3	0	0,0231	0	0	Embassy L	31.12.2020	image
https://tw	7	0	0	0,0077	0	0	What a gre	30.12.2020	
https://tw	99	17	0	0,1277	0	0	As #2020 c	30.12.2020	image
https://tw	26	1	0	0,0297	0	0	Thank you	30.12.2020	image

Источник: составлено автором.

Для анализа публикаций использовалась комбинация нескольких количественных и качественных методов: хештег-анализ, анализ вовлеченности аудитории по хештегам, тематическое моделирование на основании иерархической кластеризации, количественный контент-анализ, а также качественный контент-анализ, которые будут подробно описаны ниже.

Количественный хештег-анализ представляет собой подсчет применяемых в Twitter-публикациях хештегов. Хештег – это «графический знак, слово, фраза, предложение, написанные без пробелов, которые следуют за символом решетки (#). Обычно хештеги являются частью текста публикации, но могут представлять собой и самостоятельное сообщение. По определению зарубежных исследователей, хештег представляет собой коммуникационные метки (*metacommunicative*) для выражения главной темы текста»¹⁹⁶.

В социальных сетях хештег играет важную роль семантической навигации, то есть является связующим звеном между публикациями одной тематики. В социальных сетях хештег одновременно выполняет роль как входящей, так и исходящей ссылки, то есть, с одной стороны, позволяет пользователю перейти на страницу, где представлены все публикации с упоминанием данного хештега, а с

¹⁹⁵ Павлюченко А.А. United States digital diplomacy...

¹⁹⁶ Патрушева Л.С. Хештегирование как новый коммуникативный процесс // Вестник Удмуртского университета. 2018. Т. 28. № 3. С. 471-475.

другой – с «общей» страницы перейти к любой публикации, где данный хештег присутствует.

Данный метод был выбран по нескольким причинам. Во-первых, метод анализа хештега является наиболее популярным при анализе «больших» объемов данных среди российских политологических исследований цифровой дипломатии¹⁹⁷. Во-вторых, мы исходим из утверждения, что хештег выступает в качестве коммуникационной метки, определяющей основную тему сообщения, что позволяет нам произвести количественный подсчет тем (Таблица 2).

Таблица 2 – Пример таблицы подсчета хештегов за март 2013 года в посольстве США в Великобритании

Хештег	Кол-во публикаций
#selectusa	17
#southerninvasion	16
#fdi	15
#seckerry	14
#syria	7

Источник: составлено автором.

В рамках исследования применение одного хештега приравнивалось к определенной теме. За весь исследуемый период было подсчитано количество применений хештегов за каждый месяц. Далее данные результаты интерпретировались, позволяя проследить динамику применения различных тем в публикациях аккаунтов (для развернутого описания хештег-анализа см. § 2.2).

Следующим в рамках исследования применялся *анализ вовлеченности аудитории по хештегам*. Данный метод позволяет проанализировать и выявить, какие хештеги получили наибольшее и наименьшее количество реакций от пользователей социальной сети. В качестве метрики вовлеченности используется метрика ER (*Engagement Rate*), которая вычисляется по формуле:

$$ER_{post} = (\text{лайки} + \text{репосты} + \text{комментарии}) / \text{кол-во подписчиков} * 100\%. \quad (1)$$

¹⁹⁷ Павлюченко А.А. Указ. соч. С. 225-250.

Полученные данные далее были скомпонованы в виде сводной таблицы с использованием программного обеспечения *Microsoft Office Excel*. Для отслеживания динамики тематики публикаций по итогам каждого месяца была составлена таблица с распределением от наиболее используемых хештегов к наименее используемым. Аналогичные таблицы были составлены по метрике вовлеченности аудитории по каждому хештегу (Таблица 3). Несмотря на неоднозначность подобных метрик, в академическом и экспертном сообществе до сих пор не были разработаны альтернативных способов оценки эффективности цифровой дипломатии.¹⁹⁸

Таблица 3 – Пример таблицы подсчета вовлеченности по хештегам за март 2013 года в аккаунте посольства США в Великобритании

Хештег	ER
#selectusa	0,001
#fdi	0,001
#thatcher	0,0077
#seckerry	0,0021
#marscuriosity	0,0015

Источник: составлено автором.

Кроме анализа хештегов и вовлеченности аудитории в несколько этапов анализировался текст публикаций. Для анализа текста первым использовался *метод тематического моделирования* для каждого года по отдельности. Тематическое моделирование – это комплекс методов, направленных на выявление латентных тем, классификации, тематический поиск и суммаризацию больших объемов текстовой информации, который начал активно развиваться в 1990-е годы¹⁹⁹. Другими словами, тематическое моделирование позволяет выделить темы в одном или множестве текстов.

Существуют различные методы тематического моделирования. Для базового ознакомления с существующими подходами к тематическому

¹⁹⁸ Базлуцкая М.М. Вовлеченность...С. 48–82.

¹⁹⁹ Большакова Е.И. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и анализ данных. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 269 с.

моделированию можно обратиться к обзорной работе А. Коршунова и А. Гомзина²⁰⁰, а подробнее с техническими и математическими аспектами методов тематического моделирования – в работах и лекциях крупнейшего в России исследователя данного вопроса К.В. Воронцова, в частности в учебном пособии НИУ ВШЭ «Автоматическая обработка текстов на естественном языке и анализ данных»²⁰¹. В рамках нашего исследования тематическое моделирование реализовано при помощи иерархической кластеризации. Кластерный анализ – это процесс группировки данных в относительно схожие категории без предварительного понимания структуры групп или меток классов²⁰².

Иерархическая кластеризация – это один из видов кластерного анализа, подразумевающий, что алгоритм выделяет наиболее похожие твиты (или любые тексты) и делит их на группы; далее эти группы делятся на более мелкие и так до тех пор, пока исследователь не получает группы, поддающиеся интерпретации. Количество делений определяет исследователь методом подбора. Метод иерархической кластеризации был выбран, т.к. прежде всего не требует знания заданного количества тем, что крайне важно при анализе публикаций в Twitter.

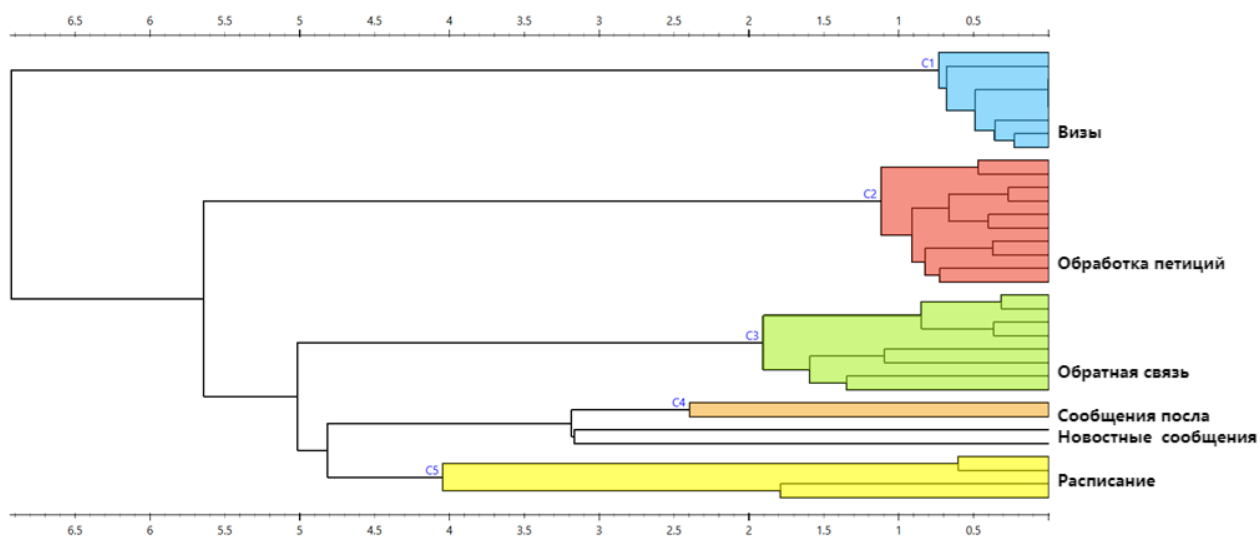
Процесс деления публикаций на группы можно визуализировать при помощи древовидной схемы (дендрограммы). Во время работы с дендрограммой исследователь может рассматривать как «ветку» (кластер) в целом, так и выделять более мелкие кластеры внутри нее. К примеру, кластер С1 мы рассматривали целиком, т.к. он сформировал поддающуюся интерпретации группу твитов (Рисунок 1). А кластеры С4, С5, С6 мы рассматривали отдельно, несмотря на то что они являются частью более крупного кластера; это было связано с тем, что только по отдельности они формировали группы, поддающиеся интерпретации. Таким образом, дендрограмма позволяет нам формировать группы разного размера, что значительно упрощает работу с тематическими группами. Можно

²⁰⁰ Коршунов А. Тематическое моделирование текстов на естественном языке // Труды Института системного программирования РАН. 2012. Т. 23. С. 215-244.

²⁰¹ Большакова Е.И. Указ. соч.

²⁰² Han J. Data Mining: Concepts and Techniques. Morgan Kaufmann Publishers, 2012. 703 p.

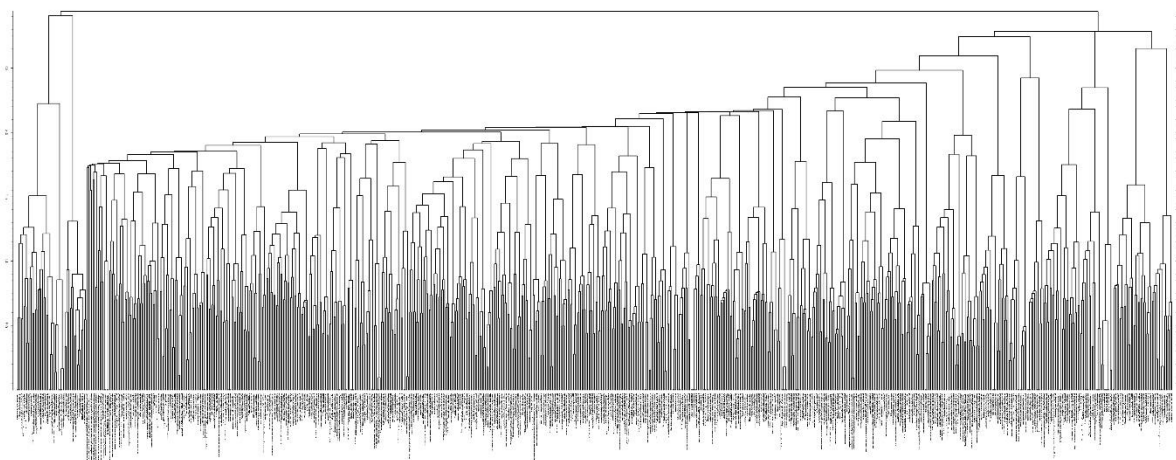
сказать, что это делает метод интуитивно понятным и простым для интерпретации для представителей гуманитарных наук.

Источник: составлено автором.

Рисунок 1 – Пример дендрограммы первого цикла кластеризации публикаций за 2009 год в аккаунте посольства США в Великобритании

Иерархическая кластеризация может формировать бесконечное количество разветвлений, и если ее не ограничивать, то получившееся в результате дерево будет трудно поддаваться интерпретации (Рисунок 2).

Источник: составлено автором.

Рисунок 2 – Пример дендрограммы с 35 шагами деления

Чтобы сохранить интерпретируемость дендрограммы, мы проводили кластеризацию в несколько этапов. Как можно видеть на графике 1, «новостные сообщения» собрались в один кластер. Несмотря на то что визуально это не отражается на графике, в данном кластере объединилось примерно $\frac{3}{4}$ всех сообщений, из-за чего мы отделили их и провели кластеризацию повторно. И так до тех пор, пока не обработали все публикации. В среднем за один цикл удавалось обработать около 300–400 сообщений. Кластеризация выполнялась по годам при помощи программного обеспечения *Orange Data Mining*²⁰³ (с более подробным описанием этапов реализации тематического моделирования можно ознакомиться в § 2.3).

Тематическое моделирование использовалось как первый этап анализа текстов. На втором этапе на основе составленных автором тематических словарей слов, корневых форм и словосочетаний проводился *количественный контент-анализ*. Дополнительно подсчету были подвергнуты названия стран для выявления региональных повесток (Таблица 4).

²⁰³ Demsar J. Orange: Data Mining Toolbox in Python // Journal of Machine Learning Research. 2013. № 14. P. 2349-2353.

Таблица 4 – Пример словаря военной тематики

Threat	9
Def	30
Force	43
Secur	22
Strike	3
NATO	43
Allie	24
Navy	27
Weapon	9

Источник: составлено автором.

На последнем этапе исследования публикации, содержащие ключевые слова из тематических словарей и названия стран, были дополнительно подвергнуты *качественному контент-анализу* для выявления контекстов употребления ключевых слов и общего тона публикаций.

Подготовка данных и технические аспекты тематического моделирования

В общей сложности в рамках исследования было проанализировано 30 015 публикаций в Twitter. Для парсинга данных использовалось программное обеспечение Popsters²⁰⁴. Парсинг представляет собой процесс автоматического сбора данных. В нашем случае были собраны тексты твитов, количество лайков, репостов, просмотров, даты публикаций и ссылки на эти публикации. С собранными данными в табличном формате можно ознакомиться в открытом доступе – в репозитории (платформе для хранения данных) GitHub²⁰⁵. Пример собранных публикаций представлен ниже (Таблица 5)

²⁰⁴ Popsters Op. cit.

²⁰⁵ Павлюченко А.А. United States digital diplomacy...

Таблица 5 – Пример исходных данных

Post Url	Likes	Reposts	Views	ER Post	ER View	VR Post	Text	Date	Media 1
https://tw	18	3	0	0,0231	0	0	Embassy L	31.12.2020	image
https://tw	7	0	0	0,0077	0	0	What a gre	30.12.2020	
https://tw	99	17	0	0,1277	0	0	As #2020 c	30.12.2020	image
https://tw	26	1	0	0,0297	0	0	Thank you	30.12.2020	image

Источник: составлено автором.

Т Тематическое моделирование требует предварительной обработки корпуса. Подготовка корпуса была проведена в несколько этапов. Первый этап проводился при помощи стандартных функций программного обеспечения *Microsoft Office Excel* в комплексе с расширением для обработки текста *Semtools*²⁰⁶; далее подготовка продолжалась при помощи программного обеспечения *Orange Data Mining*²⁰⁷.

В рамках первого этапа подготовки были выполнены следующие шаги:

- удалены специальные символы, знаки препинания и цифры;
- удалены ретвиты;
- приведены к единой форме названия стран;
- удалены сообщения, содержащие менее 4 слов.

В процессе подготовки было принято решение сохранить текст хештегов и названия аккаунтов. Таким образом, корпус был приведен к следующему виду (Рисунок 3).

The Embassy will be closed on Friday st January for the New Year s Day holiday and will reopen on Monday th January
President Obama on Aviation Security Procedures Directs immediate review of aviation screening technology
President Obama on Review of Terrorist Watchlisting System
United States Consulate Edinburgh xmas reception Also includes Mr Hervé Bouché the Consul General of France pix
United States Consulate Edinburgh images from lighting of Scotland s largest Menorah in St Andrews Square Edinburgh
Nonimmigrant visas is your application subject to administrative processing Check out the latest case updates
Adaptation and the Copenhagen Accord
Obama United States Doing Everything to Protect Americans
Statement by President Obama on Preliminary Information from his Ongoing Consultation about the Detroit Incident
United States Consulate Belfast is now on Facebook

Источник: составлено автором.

Рисунок 3 – Результат первого этапа подготовки корпуса

²⁰⁶ SEMTools. URL: <https://semtools.guru/ru/> (дата обращения: 24.02.2025).

²⁰⁷ Demsar J. Orange: Data Mining Toolbox in Python // Journal of Machine Learning Research. 2013. № 14. P. 2349–2353.

Второй этап подготовки корпуса к тематическому моделированию проводился пошагово в рабочем пространстве *Orange Data Mining*. При помощи функции *Preprocess Text* были выполнены следующие шаги:

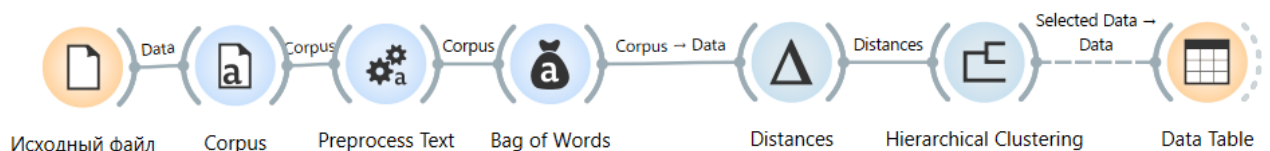
- замена заглавных букв на строчные;
- токенизация слов (на основе пробелов);
- лемматизация текста (*WordNet Lemmatizer*);
- фильтрация стоп-слов.

В рамках исследования использовался стандартный набор английских стоп-слов (*your, yours, yourself* и т.д.).

Техническая реализация тематического моделирования

В рамках подготовки исследования было протестировано несколько методов тематического моделирования: метод скрытого размещения Дирихле (*Latent Dirichlet Allocation, LDA*), метод латентно-семантического индексирования (*Latent Semantic Indexing, LSI*) и метод иерархической кластеризации (*Hierarchical Clustering*). LDA и LSI показали низкую эффективность при работе с сообщениями первой администрации Б. Обамы. Можно предположить, что это связано с небольшим объемом слов в сообщениях первых лет существования Twitter. Это также повлияло на выбор кластерного анализа в качестве метода тематического моделирования.

Кластеризация текстов проводилась при помощи программного обеспечения *Orange Data Mining* в несколько этапов (Рисунок 4): (1) представление подготовленного корпуса при помощи модели «Мешка слов» (BoW); (2) построение кластера.

Источник: составлено автором.

Рисунок 4 – Пошаговая реализация иерархической кластеризации

В рамках подготовки кластера использовались различные комбинации метрик и методов построения кластеров. Для упрощения работы кластеризация проводилась в несколько этапов. На первом этапе кластеризации выявлялись твиты технического характера; предположительно ввиду своего единообразия и количества они формировали наиболее крупные кластеры. Далее проводилось от одного до трех циклов кластеризации. В среднем один цикл позволял обработать от 300 до 400 сообщений, выявляя тематические группы различного размера.

Тематическое моделирование использовалось как первый этап анализа текстов. На втором этапе на основе составленных автором тематических словарей слов, корневых форм и словосочетаний проводился количественный контент-анализ. Дополнительно подсчету были подвергнуты названия стран для выявления региональных повесток (Таблица 6).

Таблица 6 – Пример словаря слов, словосочетаний и коренных форм военной тематики

Threat	9
Def	30
Force	43
Secur	22
Strike	3
NATO	43
Allie	24
Navy	27
Weapon	9

Источник: составлено автором.

На последнем этапе исследования публикации, содержащие ключевые слова из тематических словарей и названия стран, были дополнительно подвергнуты *качественному контент-анализу* для выявления контекстов употребления ключевых слов и общего тона публикаций.

При интерпретации данных в диссертационном исследовании использовался смешанный подход, то есть результаты хештег-анализа, тематического моделирования, количественного и качественного контент-анализа

рассматривались комплексно. Смешанная методология позволила получить более глубокое понимание изученных данных; более того, благодаря ей удалось избежать ошибок в их интерпретации.

Можно отметить, что у каждого из использованных подходов наблюдаются «слепые пятна», и использование их по отдельности не позволило бы сформировать полное представление о цифровой дипломатии США. К примеру, тематическое моделирование позволило обнаружить наличие сюжетов, ранее не отмечавшихся в ЦД исследователями. Наиболее ярким примером этого может служить космическая тематика. В свою очередь, хештег-анализ позволил изучить популярность определенных тем у аудитории, в то время как качественный контент-анализ предоставил необходимый для их интерпретации контекст.

Выводы по главе

В рамках главы показано, что исследовательское поле цифровой дипломатии сформировалось в условиях выраженной терминологической фрагментации, связанной с быстрым развитием ИКТ и перенесением в академический оборот понятий из практики внешнеполитических ведомств без их предварительной критической рефлексии. Терминологический «хаос» обусловлен параллельным существованием и частичным дублированием таких конструкций, как «цифровая дипломатия», «кибердипломатия», «виртуальная дипломатия», «дата-дипломатия» и др. Автор показывает, что из множества предложенных понятий устойчивость в академической среде приобрели прежде всего «цифровая дипломатия» и «кибердипломатия», тогда как часть терминов (например, «электронная дипломатия») постепенно вышла из употребления или трансформировалась. Расширение значения прилагательного «цифровой» и появление терминов, привязанных к конкретным платформам и технологическим решениям (вроде «твипломатии» или «дата-дипломатии»), усилило понятийную разнородность и усложнило выстраивание единой концептуальной рамки.

На основе сопоставления классических подходов (прежде всего работы В. Дизарда) и современной дискуссии обосновывается функциональное разграничение цифровой дипломатии, цифровой публичной дипломатии и кибердипломатии. Цифровая дипломатия предлагается как зонтичное понятие, охватывающее использование цифровых технологий дипломатическими ведомствами, тогда как кибердипломатия трактуется как участие дипломатов в выработке норм и режимов, связанных с киберпространством и кибербезопасностью. Отдельный анализ посвящен феномену дата-дипломатии, который одновременно оказывается встроенным и в традицию исследований цифровой дипломатии, и в традицию научной дипломатии, что порождает дополнительный понятийный конфликт. Подчёркивается, что отсутствие единообразного понимания категорий «данные» и «дипломатия» в рамках концепции «big data diplomacy» размывает границы термина и снижает его аналитическую полезность.

Исходя из выявленной терминологической раздробленности, автор обосновывает необходимость целенаправленного сужения исследовательского поля и отказа от включения в него любых форм метафорического использования слова «дипломатия», не связанных с деятельностью внешнеполитических ведомств. В исследовании принимается рабочее определение цифровой дипломатии как «использование цифровых технологий дипломатическими ведомствами в целях коммуникации с зарубежной аудиторией, формирования общественного мнения за рубежом и продвижения внешнеполитических интересов государства», что позволяет снять часть разночтений и сфокусировать анализ на практиках внешней политики и публичной дипломатии Государственного департамента. Это определение, во-первых, согласуется с функциональным делением, предложенным ещё В. Дизардом (policy, operations, public diplomacy), а во-вторых, создаёт основу для дальнейшей операционализации понятия в эмпирических исследованиях. Тем самым цифровая дипломатия позиционируется как наиболее нейтральный и универсальный термин

по отношению к совокупности процессов цифровой трансформации дипломатической деятельности.

В главе показано, что цифровая дипломатия изучается на стыке политологии, филологии и смежных дисциплин, что приводит к сосуществованию разных методологических традиций и исследовательских приоритетов. Филологические работы фокусируются на дискурсивном измерении, типологии коммуникативных стратегий и перформативности дипломатического дискурса, опираясь преимущественно на дискурс-анализ небольших массивов текстов. Политологические исследования, напротив, тяготеют к использованию количественных методов – тематического контент-анализа, анализа фреймов, различных метрик вовлеченности – и к работе с «средними» и «большими» данными, что позволяет оценивать эффективность цифровой дипломатии, сопоставлять стратегии разных акторов и выявлять региональные особенности. Автор отмечает, что результаты филологических и политологических исследований зачастую развиваются параллельно и остаются мало интегрированными, что сдерживает формирование общей методологической базы.

Систематизированный обзор применяемых в российских исследованиях методов анализа цифровой дипломатии позволяет выявить их возможности и ограничения. Для дискурс-анализа подчёркивается его пригодность для работы с малыми корпусами, типологизации стратегий и выявления специфики дипломатического дискурса при одновременной неспособности оценивать эффективность цифровой дипломатии и охватывать большие объёмы публикаций. Тематический контент-анализ и фрейм-анализ представлены как наиболее распространённые инструменты работы с средними массивами данных, позволяющие изучать региональные и тематические стратегии, а также разрабатывать рекомендации по тематическому наполнению аккаунтов цифровой дипломатии. Их ключевое преимущество заключается в сочетании масштабируемости и относительной технической доступности, однако

ограничением выступает невозможность полноценно учитывать визуальный компонент и широкие коммуникационные контексты.

Особое внимание уделяется использованию анализа хештегов и методов обработки больших данных для изучения цифровой дипломатии. Показано, что хештег-анализ, несмотря на высокий «порог входа» и необходимость владения программным обеспечением и базовыми навыками программирования, обладает значительным потенциалом для проверки крупномасштабных гипотез и выявления структур влияния в социальных сетях. Этот подход позволяет выявлять долю и роль официальных аккаунтов в национальных сегментах интереса, оценивать популярность тематик и фиксировать ограниченность влияния внешних акторов в условиях развитой сети локальных лидеров мнений. Одновременно подчёркиваются методологические и технические проблемы – фильтрация ботов, распознавание манипуляций трафиком, необходимость формирования открытых датасетов для развития реплицируемых исследований.

В методологической части обосновывается выбор смешанного подхода, сочетающего количественные и качественные методы, для анализа цифровой дипломатии США на материале 30 015 твитов. В качестве технического инструментария описано использование Popsters для парсинга данных и Orange Data Mining для реализации тематического моделирования на основе иерархической кластеризации. Последовательность процедур включает количественный анализ хештегов и вовлечённости, тематическое моделирование с использованием иерархической кластеризации, количественный контент-анализ с опорой на тематические словари и завершающий качественный контент-анализ. Каждый из применённых подходов имеет собственные «слепые пятна», однако их комплексное использование повышает надёжность интерпретаций и позволяет выявлять сюжеты, не отмеченные в предыдущих исследованиях (например, «космическую» тематику).

Отдельно обоснован выбор иерархической кластеризации в качестве метода тематического моделирования вместо LDA и LSI, показавших низкую эффективность при работе с короткими твитами раннего периода. Подробно

описана многоэтапная подготовка корпуса: очистка данных, унификация топонимов, сохранение хештегов и названий аккаунтов, токенизация, лемматизация и фильтрация стоп-слов, что обеспечивает корректность последующей кластеризации. Использование иерархической кластеризации и визуализация результатов в форме дендрограмм трактуются как методически удобное решение для исследователей гуманитарного профиля, поскольку обеспечивают гибкую настройку уровня обобщения и возможность выделения интерпретируемых тематических групп разного размера. Многоциклическая кластеризация (с последовательным выделением и переработкой крупных «технических» кластеров) описывается как устойчивый алгоритм работы с крупным корпусом твитов, позволяющий сохранить интерпретируемость результатов.

Содержательное и методологическое наполнение главы закладывает основу для последующего анализа цифровой дипломатии США, задавая как понятийные, так и инструментальные рамки исследования. На понятийном уровне фиксируется необходимость сужения понятия «цифровая дипломатия» до практик внешнеполитических ведомств и разграничения цифровой, кибер- и дата-дипломатии для предотвращения размывания предметного поля. На методологическом уровне обосновывается целесообразность применения смешанной методологии, совмещающей анализ хештегов, тематическое моделирование, количественный и качественный контент-анализ, а также метрики вовлечённости, что позволяет учитывать как масштаб, так и содержание цифровой дипломатической активности. Тем самым глава не только систематизирует существующие подходы, но и демонстрирует их практическое применение к крупному эмпирическому массиву, задавая реплицируемый исследовательский дизайн.

ГЛАВА 2. ЭВОЛЮЦИЯ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ В ИНСТИТУТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕПАРТАМЕНТА США

2.1 Цифровая дипломатия в стратегиях Государственного департамента США²⁰⁸

Несмотря на почти 25-летнюю историю изучения цифровой дипломатии, данное предметное поле все еще находится в состоянии терминологической раздробленности из-за нескольких факторов. Во-первых, появление новых цифровых технологий и платформ коммуникации приводит к появлению в академическом дискурсе новых терминов. Во-вторых, академическое сообщество заимствует терминологию, которая появляется в документах и риторике Государственного департамента США, что осложняется тем, что на протяжении исследуемого периода Государственным департаментом использовался целый ряд терминов для описания цифровой дипломатии.

В связи с этим основная цель данного параграфа – систематизировать и проследить эволюцию терминологического аппарата, использовавшегося Государственным департаментом и структурами публичной дипломатии США для обозначения влияния цифровизации на дипломатию, т.к. именно данный терминологический аппарат впоследствии был заимствован академическим сообществом при разработке предметного поля и внес определенный терминологический хаос, осложнивший дальнейшее изучение цифровой дипломатии.

Терминологический аппарат в период становления цифровой дипломатии

²⁰⁸ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично, в которых согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Павлюченко А.А. Эволюция концепции “цифровая дипломатия” в документах Государственного департамента США // Мировая экономика и международные отношения. — 2025. — Т. 69, № 9. — С. 73–82 (объем авторского вклада 2,5 п.л.)

Цифровая дипломатия на своем начальном этапе отличалась определенной терминологической хаотичностью. Целый ряд терминов и концепций входил и выходил из оборота в документах Государственного департамента. Для этого периода характерно использование двух групп терминов, которые параллельно существовали в Бюро по управлению информационными ресурсами (IRM) и в различных структурах публичной дипломатии.

Для Бюро по управлению информационными ресурсами характерно использование одного термина – «электронная дипломатия». Данный термин дорабатывался и трансформировался в ряде документов департамента. В 1998 г. Бюро подготовило план, в котором излагалось видение и цели Государственного департамента в сфере информационных технологий. В нем впервые был использован термин «электронная дипломатия», означавший «технологическую основу для ведения международных дел в новом тысячелетии»²⁰⁹. То есть можно сказать, что в Бюро данный термин обозначал базовое внедрение информационных технологий: компьютеров, электронной почты и доступа в интернет.

После теракта 11 сентября план был обновлен, а термин доработан и понимался как «аналог электронной коммерции, поддерживающий ведение международных дел и глобальных дипломатических операций»²¹⁰. Следовательно, определение расширилось. Под «электронной дипломатией» теперь понималось не только внедрение технологий, но и приобретение новых навыков и изменение корпоративных практик, что требовало более комплексного подхода.

«Электронная дипломатия» как термин закрепился и в институциональной структуре Государственного департамента. В 2003 году был создан Офис электронной дипломатии, просуществовавший до 2010-х годов. Несмотря на фигурирование в названии Офиса, в документах данный термин больше не использовался. Некоторые элементы электронной дипломатии позже упоминались как составляющие части «трансформационной дипломатии»

²⁰⁹ Diplomacy for the 21st Century. United States Department of State, 1998.

²¹⁰ DoS IT Strategic Plan 2001-2005. United States Department of State, 2001.

К. Райс²¹¹. Уже на этом этапе можно заметить тенденцию к выходу из оборота терминов после вхождения соответствующих технологий в повседневную практику. К примеру, как только электронная почта стала частью повседневной жизни, ушел из обихода термин, который обозначал ее внедрение.

Для структур публичной дипломатии был характерен другой подход – использование целого ряда терминов. Возможно, это является следствием институциональной перестройки или частых кадровых изменений. В 1990-х годах в докладах Консультативной комиссии по публичной дипломатии фигурировало понятие «новая дипломатия». Впервые данный термин использовался в докладе «Новая дипломатия для информационной эпохи» (1996 г.)²¹². Под ней понималась дипломатия, основанная на «информационной революции и растущей силе иностранной аудитории». То есть для внедрения цифровых технологий в работу дипломатов и в публичную дипломатию использовались разные термины.

Позднее «новая дипломатия» получила определенные уточнения. В 2003 году в очередном докладе Консультативной комиссии были перечислены проекты, за счет которых «новая дипломатия» должна была реализовываться:

- американские уголки – библиотеки с доступом в интернет, дискуссионные площадки для реализации целей публичной дипломатии;
- американские посты присутствия – присутствие американского представителя в важном регионе для продвижения целей публичной дипломатии и торговли;
- виртуальные консульства.

Эти пилотные проекты должны были стать опорой американской публичной дипломатии²¹³.

Упомянутые выше проекты были позже включены в инициативу К. Райс под названием «трансформационная дипломатия». Можно отметить, что почти

²¹¹ Information Technology Strategic Plan FY 2006–2010. United States Department of State, 2006.

²¹² A New Diplomacy for the Information Age. United States Advisory Commission on Public Diplomacy, 1996.

²¹³ The New Diplomacy: Utilizing Innovative Communication Concepts that Recognize Resource Constraints. 2003.

каждый государственный секретарь пытался запустить проект по обновлению американской дипломатии. Трансформационная дипломатия состояла из: (1) работы с гражданами и правительствами по всему миру для содействия изменениям в сторону большего мира, свободы, процветания и социальной справедливости; (2) трансформации способа работы правительства для повышения эффективности и результативности.

В результате инициатива объединила как «электронную дипломатию»²¹⁴, так и «новую дипломатию», которые, в свою очередь, как термины, вышли из оборота в изученных документах.

В начале XXI века появилось и еще одно новое понятие – «сетевая дипломатия». В Государственном департаменте оно фигурирует в речи государственного секретаря К. Пауэлла на открытии одноименной конференции, организованной Управлением международных информационных программ (ИП), всего за несколько дней до теракта 11 сентября²¹⁵. В своей речи Пауэлл говорил об использовании информационных ресурсов сети интернет для укрепления американского лидерства.

В конце администрации Буша также можно было встретить термин «Публичная дипломатия 2.0». Данный термин ввел Дж. Глассман, который понимал под ним публичную дипломатию, основанную на следующих принципах:

- косвенное повествование работает лучше, чем «прямое» (необходимо вовлекать иностранную аудиторию в качестве создателей повествования о США);
- поддержка и поощрение инициатив иностранной аудитории;
- использование экспертизы частного сектора;
- лучшие практики публичной дипломатии основаны на подходе «Публичной дипломатии 2.0», например, принципы образовательного обмена

²¹⁴ Information Technology Strategic Plan FY 2006–2010. United States Department of State, 2006.

²¹⁵ Department Of State. The Office of Electronic Information B. of P.A. Remarks at NetDiplomacy 2001 Conference. URL: <https://2001-2009.state.gov/secretary/former/powell/remarks/2001/4838.htm> (дата обращения: 17.08.2024).

закljučаются в том, чтобы обеспечить иностранцам прямой контакт с американской культурой;

- приоритет скорости коммуникации²¹⁶.

Можно сказать, что Глассман первым заговорил о необходимости вовлечения зарубежной аудитории в формирование нарративов о США.

Подводя итог, можно сказать, что на протяжении администраций Клинтона и Буша постепенно появлялись и исчезали термины, обозначавшие различные аспекты цифровой дипломатии. Можно сказать, что это создавало терминологический хаос, что также осложняет исследование цифровой дипломатии этого периода. При этом для внедрения электронных технологий использовался один термин – «электронная дипломатия» – в рамках Бюро по управлению информационными ресурсами, в то время как для обозначения внедрения технологий в публичную дипломатию применялся целый ряд терминов. Это может быть следствием как разветвленности институтов публичной дипломатии, так и их реорганизации²¹⁷ или кадровых перестановок²¹⁸.

Понятия «цифровая дипломатия» и «кибердипломатия» в дискурсе Госдепартамента США

Терминологическому хаосу администраций Клинтона и Буша был положен конец во время первой администрации Б. Обамы, когда государственный секретарь Х. Клинтон начала системное внедрение практики ведения социальных сетей в Государственном департаменте. Именно в это время был выпущен «Стратегический план по информационным технологиям на 2011–2013 годы: цифровая дипломатия», где впервые фигурировал термин «цифровая дипломатия». Именно данный термин сильнее всего закрепился как в дипломатическом, так и в академическом дискурсах. В плане отмечалось, что «цифровая дипломатия позволяет улучшить сотрудничество и обмен

²¹⁶ Glassman J.K. Public Diplomacy 2.0: A New Approach to Global Engagement. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/us/2008/112605.htm> (дата обращения: 17.11.2023).

²¹⁷ Артамонова У.З. Реформа иновещания на фоне системного кризиса американской публичной дипломатии // Россия и Америка в XXI веке. 2020. № 4. С. 12.

²¹⁸ Артамонова У.З. Публичная дипломатия США без лица (кадровый кризис постбиполярной эпохи) // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 12. С. 33-39.

информацией между нашими внутренними и внешними заинтересованными сторонами за счет использования современных инструментов социальных сетей и полезных информационных ресурсов для решения дипломатических и развивающих задач»²¹⁹

В данном документе цифровая дипломатия включала в себя следующие компоненты:

- использование социальных сетей для продвижения дипломатических инициатив;
- создание и управление знаниями в поддержку дипломатии;
- интеграция систем управления.

В следующей редакции плана к целям цифровой дипломатии было также добавлено «создание и адаптация эффективных мультимедийных информационных продуктов для конкретных целей и аудиторий»²²⁰, а среди задач появилась аналитика. То есть интерпретация цифровой дипломатии стала отражать более комплексное понимание социальных сетей, которые стали не просто «каналом прямой коммуникации», а требовали адаптации контента для потребителя и конкретной платформы. Также в этом плане впервые упоминается «мобильная дипломатия», то есть поддержка мобильных устройств и доступа к информации из любой точки²²¹. Можно отметить, что на примере этого термина заметно, как внедрение любой технологии – даже появление смартфона – требовало перестройки корпоративной культуры Государственного департамента и приводило к появлению нового термина (что сейчас можно видеть на примере «дата-дипломатии»).

Также в это время появился термин «кибердипломатия». В 2011 году данному термину был посвящен информационный бюллетень Управления по связям с общественностью (УПС) Государственного департамента. Согласно бюллетеню: «Кибердипломатия Госдепартамента охватывает широкий спектр

²¹⁹ IT Strategic Plan: Fiscal Years 2011-2013...

²²⁰ IT Strategic Plan: Fiscal Years 2014-2016. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/220034.pdf> (дата обращения: 17.08.2024).

²²¹ Там же.

интересов США в киберпространстве. К ним относятся не только кибербезопасность и свобода интернета, но и управление интернетом, военное использование интернета, инновации и экономический рост»²²². Для продвижения американских интересов в области кибердипломатии, а именно участия в различных переговорных форматах по вопросам управления интернетом, был создан Офис по кибервопросам²²³. Согласно «Международной стратегии по развитию киберпространства»²²⁴, опубликованной Белым домом в 2011 г., основными задачами Офиса стали:

- координация глобального дипломатического взаимодействия Департамента по кибервопросам;
- выполнение функций связи Департамента с Белым домом и федеральными департаментами и агентствами по этим вопросам;
- консультирование секретаря и заместителей секретаря по кибервопросам и обязательствам;
- работа в качестве связующего звена с организациями государственного и частного секторов по кибервопросам;
- координация работы региональных и функциональных бюро в рамках Департамента, занимающихся данными направлениями.

Подытожив, можно сказать, что кибердипломатия и цифровая дипломатия изначально подразумевали под собой диаметрально разные процессы. Системный анализ терминов, используемых для описания влияния цифровизации на дипломатию в документах и заявлениях должностных лиц Госдепартамента, дает яркую иллюстрацию широкого влияния новых технологий на все сферы общественной жизни. Термины, появившиеся на пороге нового тысячелетия, формировались в разных структурных подразделениях параллельно, хаотично и часто выходили из оборота.

²²² International Cyber Diplomacy: Promoting Openness, Security and Prosperity in a Networked World.

²²³ Appointment of Christopher Painter as Coordinator for Cyber Issues. URL: [//2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/04/161485.htm](https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/04/161485.htm) (дата обращения: 17.11.2023).

²²⁴ International Strategy for Cyberspace. Prosperity, Security, and Openness in a Networked World. Washington DC, 2011.

В целом можно заметить стремление бюрократического аппарата Госдепартамента привнести новизну в свои инициативы, особенно с приходом нового руководства. Неслучайно в XXI веке практически все госсекретари создавали новые проекты по обновлению американской дипломатии, будь то так называемая трансформационная дипломатия К. Райс или модернизация американской дипломатии при Э. Блинкене.

С этой точки зрения кажется логичным, учитывая частые кадровые перестановки и реформы, что структура публичной дипломатии в администрации Буша характеризовалась использованием ряда последовательных терминов для описания цифровизации публичной дипломатии («новая дипломатия», «сетевая дипломатия», «публичная дипломатия 2.0»). Хотя для описания цифровизации дипломатии в целом последовательно использовался один термин – «электронная дипломатия», – он постепенно усложнялся и эволюционировал в значении: от простого внедрения технологий до всеобъемлющей трансформации корпоративных практик Госдепартамента.

Иногда создание нового термина было связано с появлением новых технологий, как это произошло с «публичной дипломатией 2.0» и «мобильной дипломатией». Однако по мере внедрения технологий в повседневную деятельность Госдепартамента потребность в этих терминах ослабевала.

В этом контексте можно предположить, что с некоторой задержкой, начиная с активного использования машинного обучения и анализа данных в государственном секторе, в документах Госдепартамента могут появиться такие термины, как «ИИ-дипломатия» и «дипломатия данных». Например, в Стратегии корпоративных данных уже используется термин «дипломатия, основанная на данных»²²⁵.

Интеграция информационных технологий в практику работы Государственного департамента и в государственное управление в целом, инициированная первой администрацией Б. Обамы, привела к появлению новых терминов в документах Госдепартамента, пришедших на смену

²²⁵ The Department Unveils its First-Ever Enterprise Data Strategy.

терминологическому хаосу предыдущих администраций. Вместо большого количества сменяющих друг друга терминов утвердились два понятия: «цифровая дипломатия» и «кибердипломатия». Эти термины стали устойчивыми и четкими, с ясным разграничением своих значений. Цифровая дипломатия обозначает применение цифровых технологий для достижения дипломатических целей, в то время как под кибердипломатией понимается продвижение интересов США в цифровом пространстве, например, в сферах управления интернетом или кибербезопасности. Оба термина, появившиеся в 2011 году, сохранили свою актуальность и в начале 2020-х годов вошли в документы более высокого порядка. Кибердипломатия была юридически закреплена в Акте о кибердипломатии 2021 года, тогда как цифровая дипломатия была интегрирована в Совместный план Государственного департамента и Агентства США по международному развитию на 2022–2026 годы²²⁶.

На сегодняшний день «цифровая дипломатия» упоминается в описаниях трех структурных подразделений Государственного департамента США: Бюро по киберпространству и цифровой политике²²⁷, одного из подразделений Бюро управления информационными ресурсами, а также Консультативной комиссии по публичной дипломатии. Это разделение подчеркивает многогранность термина и необходимость взаимодействия различных структур для его эффективной реализации. В рамках концепции цифровой дипломатии становится трудно провести четкую границу между ее внедрением в традиционную дипломатию и ее интеграцией в сферу публичной дипломатии (Таблица 7).

²²⁶ Joint Strategic Plan FY 2022 – 2026. United States Department of State, 2022.

²²⁷ Bureau of Cyberspace and Digital Policy. URL: <https://web.archive.org/web/20220405161531/https://www.state.gov/bureaus-offices/deputy-secretary-of-state/bureau-of-cyberspace-and-digital-policy/> (дата обращения: 17.08.2024).

Таблица 7 – Упоминание терминологии в документах Государственного Департамента США при описании «цифровой дипломатии»

Цифровизация дипломатии	Цифровизация публичной дипломатия	Кибердипломатия
E-Diplomacy (1998)	New Diplomacy (1996)	
E-diplomacy (2001)	NetDiplomacy (2001) New Diplomacy (2002, 2003) Public diplomacy 2.0. (2008)	
	Digital Diplomacy (2011) Digital Diplomacy (2014) Innovative Diplomacy (2017)	CyberDiplomacy (2011)
Data informed diplomacy (2021)		Закон о кибердипломатии (2021)
	Digital diplomacy (используется в качестве задач Бюро по киберпространству и цифровой политике, Бюро управления информационными ресурсами и Консультативной комиссии по публичной дипломатии)	

Источник: составлено автором на основании проанализированных документов Государственного департамента США.

2.2 Становление и трансформация цифровой дипломатии США: институциональные и технологические аспекты²²⁸

Несмотря на почти 20-летний опыт изучения влияния цифровизации на дипломатию как институт международных отношений, в отечественном академическом дискурсе было предпринято не так много попыток выработки периодизации данного процесса²²⁹. Это осложняется и отсутствием устоявшегося определения самого феномена. Наибольшее внимание среди исследователей заслужила цифровизация коммуникативных аспектов дипломатии и публичной дипломатии.

Наиболее детализированная и четко проработанная периодизация обозначенного процесса представлена в исследованиях Н.А. Цветковой. В качестве нижней границы исследователь определяет 2009 год и далее выделяет два этапа развития процесса влияния цифровизации на дипломатию.

Первый этап (2009–2012) – период, когда основной целью цифровой дипломатии было создание и продвижение позитивного образа государства, в то время как «мягкая сила» выступала в качестве императива для данного феномена²³⁰.

Второй этап (2013–2017) – период появления инновационных методов анализа поведения пользователей в социальных сетях. Эти методы преобразовали цифровую дипломатию в один из наиболее эффективных способов проведения политических и электоральных кампаний. Не в меньшей, а то и в большей степени значительное влияние на пользователей стала оказывать и концепция «острой силы», которая подразумевает использование big data и применение

²²⁸ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично, в которых согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Павлюченко А. А. К вопросу о периодизации цифровой дипломатии США // Русская политология. – 2023. – № 28(3). – С. 69–81. (объем авторского вклада 2,5 п.л.)

²²⁹ Dizard W.P. Op. cit.

²³⁰ Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии... С. 37-47.

алгоритмов программирования для вычленения сведений об их политической позиции²³¹.

В своем исследовании Н.А. Цветкова дает следующее определение цифровой дипломатии: «правительственный механизм влияния на пользователей социальных сетей»²³². Ввиду этого обозначенная точка отсчета представляется автору наиболее логичной: именно к концу 2000-х гг. социальные сети выходят на передовую в качестве государственного внешнеполитического инструмента. Тем не менее, такая отправная точка «сужает» понятие цифровой дипломатии до вопросов взаимодействия с иностранной публикой исключительно в социальных сетях, исключая при этом привлечение потенциала других цифровых платформ для воздействия на иностранную аудиторию. Следовательно, обозначенная нижняя граница не позволяет в полной мере рассмотреть влияние цифровизации на дипломатию как политический институт²³³.

Среди зарубежных исследователей в области цифровой дипломатии можно выделить периодизацию, сформулированную в монографии израильского ученого И. Мэнора «Цифровизация публичной дипломатии»²³⁴. В отличие от Н.А. Цветковой, И. Мэнор не выделяет четкого «начала» цифровой дипломатии, однако также разграничивает два этапа. В качестве рубикона обозначается 2014 г., когда в результате возвращения Крыма в состав Российской Федерации было зафиксировано обострение информационного противостояния между государственными ведомствами.

Исследователь выделяет следующие критерии разграничения обозначенных этапов:

— переход от линейной к алгоритмической коммуникации (*from linear to algorithmic communication*): дипломаты начинают понимать принципы работы

²³¹ Там же.

²³² Там же.

²³³ Павлюченко А.А. К вопросу о периодизации цифровой дипломатии США // Русская политология. 2023. № 3(28). С. 69-81.

²³⁴ Manor I. The Digitalization of Public Diplomacy 232 p.

ленты рекомендаций социальных сетей и подбирают контент соответствующим образом;

- переход от цифровой тактики к цифровой стратегии (*from digital tactics to digital strategies*): дипломаты переходят от единичных публикаций к полноценным медиастратегиям;

- переход от взаимодействия с лидерами общественного мнения к цифровым гейткиперам (*from networks of influencers to networked gatekeepers*): дипломаты начинают контактировать не с крупными блогерами, а с людьми, активно распространяющими сообщения среди групп различных интересов;

- переход от дипломатии аргументов к дипломатии нарративов (*from argument-based diplomacy to narrative-based diplomacy*): дипломаты не размещают отрывки из выступлений, сопровождая их статистикой, а создают специализированный медиаконтент для социальных сетей, направленный на формирование определенного впечатления у подписчиков;

- переход от таргетированного контента к адаптированному (*from targeting to tailoring*): дипломаты создают специализированный контент для отдельных стран и даже для отдельных групп внутри этих стран²³⁵.

На первый план оба исследователя – и Н.А. Цветкова, и И. Мэнор – выводят взаимодействие с аудиторией в социальных сетях. Данный подход, безусловно, является важным в изучении влияния цифровизации на дипломатию и полностью отвечает пониманию цифровой дипломатии как процесса коммуникации с зарубежной аудиторией, но не является единственным.

Существуют альтернативные определения цифровой дипломатии. В данном параграфе автор будет исходить из того, что «цифровая дипломатия – это общее влияние информационно-коммуникационных технологий на дипломатические практики»²³⁶. Опираясь на обозначенный понятийный аппарат, мы попытаемся проанализировать процесс трансформации цифровой дипломатии США, исходя из следующих критериев:

²³⁵ Там же.

²³⁶ Manor I. The Digitalization of Public Diplomacy 232 p.

- институциональные изменения;
- доминирующие технологии;
- приоритетное направление.

Первый этап развития цифровой дипломатии

В данном исследовании нижней границей периодизации выбран год прихода к власти администрации президента Б. Клинтона, так как именно в этот момент возникает понятие цифровой дипломатии в современной его интерпретации²³⁷. Более того, 1995 г. является годом запуска официального сайта Государственного департамента²³⁸. К тому же в годы администрации Б. Клинтона было создано Бюро по управлению информационными ресурсами (*Bureau of Information Resource Management, IRM*)²³⁹.

В качестве основной задачи Бюро позиционировалось «улучшение возможностей Департамента по работе с электронной почтой, сетью и интернетом..., устранение "проблемы 2000 года", а также повышение безопасности компьютерных и коммуникационных систем Департамента». Более того, под управлением Бюро находилась компьютерная система Центра снижения ядерной опасности, служившая связующим звеном между Департаментом, с одной стороны, и другими ядерными государствами – с другой. В юрисдикцию сотрудников Бюро входили и глобальные коммуникационные системы США, обеспечивавшие постоянную связь между Департаментом и представительствами США за рубежом²⁴⁰.

Именно на основе подготовленного Бюро в 1998 г. документа были определены цели Государственного департамента в сфере информационных технологий на период до 2005 г. Следует также отметить, что Бюро уже на тот момент опиралось на оценки экспертного сообщества: в документе содержались

²³⁷ A New Diplomacy for the Information Age. United States Advisory Commission on Public Diplomacy, 1996. Annual Report, "Diplomacy in the Information Age". United States Advisory Commission on Public Diplomacy, 1993.

²³⁸ The Web, At the Creation. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/ei/stategov/index.htm> (дата обращения: 17.11.2023).

²³⁹ State Magazine: Office of the Month. URL: https://1997-2001.state.gov/publications/statemag/statemag_oct98/bom.html (дата обращения: 17.11.2023).

²⁴⁰ Там же.

отсылки к крупнейшему аналитическому докладу того времени, опубликованному Центром стратегических и международных исследований (CSIS) – «*Reinventing Diplomacy for the Information Age*»²⁴¹.

Конкретизировали обозначенные цели позже в Стратегическом плане Бюро на 2001–2005 фискальные годы²⁴². В список были включены:

- безопасная глобальная сеть и инфраструктура;
- свободный доступ к приложениям и информации по международным делам;
- интегрированный обмен сообщениями;
- использование ИТ для оптимизации операций;
- поддержание обучения и продуктивности сотрудников.

В конце 1990-х гг. далеко не в каждом посольстве сотрудники имели доступ к сети интернет, в то время как серверы Государственного департамента функционировали нестабильно. Тем не менее, уже тогда совокупный объем пересылаемых сотрудниками электронных писем достигал 20 млн в год²⁴³. Обобщая, можно сделать вывод, что данный период характеризуется активизацией деятельности Бюро по наращиванию ИТ-инфраструктуры, которая сегодня используется для реализации идей цифровой дипломатии²⁴⁴.

Поворотным моментом в развитии цифровой дипломатии стали трагические события 11 сентября 2001 г. Терракты в США привели к резкому ускорению процесса внедрения цифровых технологий в работу Госдепартамента. При Государственном секретаре К. Пауэлле каждое посольство США было оснащено официальными сайтами, а каждый дипломат – мобильными устройствами связи²⁴⁵. 2002 г. был ознаменован открытием Офиса электронной дипломатии (*Office of E-Diplomacy*) в структуре Бюро. Основной задачей Офиса стало

²⁴¹ Burt R. Reinventing Diplomacy in the Information Age: A Report of the CSIS Advisory Panel on Diplomacy in the Information Age. Reinventing Diplomacy in the Information Age. CSIS, 1998. 144 p.

²⁴² Do Op. cit.

²⁴³ Manor I. Are We There Yet..

²⁴⁴ Павлюченко А.А. К вопросу о периодизации цифровой дипломатии... С. 69-81.

²⁴⁵ Cull N.J. The Long Road to Public Diplomacy 2.0: The Internet in US Public Diplomacy // International Studies Review. 2013. Vol. 15. № 1. P. 123-139.

привлечение дипломатов к процессу принятия решений по вопросам информационных технологий, развитие экономики знаний, а также улучшение качества связи между внутренними ведомствами и с государственными структурами за пределами США²⁴⁶.

Одним из инновационных проектов, запущенных Офисом, стала онлайн-коллаборация *Diplopedia wiki*. Она представляет собой коммуникационную платформу для сотрудников *Corridor*, служа внутренней соцсетью для межведомственной коллаборации *Communities@State*²⁴⁷. Все вышеперечисленное – результат реализации программы «Лидерство в сфере знаний на государственном уровне», главной целью которой выступало создание системы управления знаниями в Департаменте²⁴⁸.

Исходя из всего сказанного ранее, можно сделать вывод, что именно в период нахождения К. Пауэлла на посту руководителя Государственного департамента произошло системное внедрение информационных технологий в работу госструктуры, другими словами – получила свое развитие цифровизация дипломатии.

Тем не менее на тот момент Интернет еще не стал основным каналом для коммуникации с зарубежной аудиторией. Для рассматриваемого периода характерен скорее поиск перспективных платформ для взаимодействия, на который ориентирован ряд пилотных проектов²⁴⁹.

Одной из таких инициатив стал проект «Общие ценности» (*The Shared Values Initiative*), запущенный при поддержке заместителя государственного секретаря по публичной дипломатии Ш. Бирс для реабилитации доверия к США в странах арабского мира на фоне американского вторжения в Ирак²⁵⁰. Инновационным интерактивным компонентом инициативы стал веб-сайт

²⁴⁶ IRM's Office of eDiplomacy. URL: [//2009-2017.state.gov/m/irm/ediplomacy/index.htm](https://2009-2017.state.gov/m/irm/ediplomacy/index.htm) (дата обращения: 17.11.2023).

²⁴⁷ Там же Office of eDiplomacy. URL: <https://2001-2009.state.gov/m/irm/ediplomacy/index.htm> (дата обращения: 17.11.2023).

²⁴⁸ Knowledge Leadership at State. URL: <https://2001-2009.state.gov/m/irm/ediplomacy/c23841.htm> (дата обращения: 17.11.2023).

²⁴⁹ Павлюченко А.А. К вопросу о периодизации цифровой дипломатии... С. 69-81.

²⁵⁰ Cull N.J. Op. cit. P. 123-139.

opendialogue.com, который позволял представителям мусульманской общины делиться опытом взаимодействия с США. Тем не менее называть проект успешным не приходится – в частности, критику в его отношении выразил и американский исследователь публичной дипломатии Н. Калл²⁵¹.

Бессистемность характерна и для других проектов цифровой публичной дипломатии при администрации Дж. Буша, направленных на взаимодействие с зарубежной аудиторией в сети. Они были направлены либо на вовлечение публики в производство проамериканского контента, либо на непосредственное вовлечение пользователей в прямое общение. Используемые США методы включали в себя взаимодействие с пользователями Интернета в чатах (так называемые *Public diplomacy chats*), создание платформы для нетворкинга на базе американского посольства в Корее «Cafe US/Seoul», а также формирование Группы по цифровым внешним контактам (*Digital Outreach Team*)²⁵². Последняя состояла из 11 носителей арабского языка, фарси и урду, которые на мероприятиях различного формата напрямую коммуницировали с жителями Ближнего Востока с одной конкретной целью – донести до них позицию Государственного департамента. Изначально планировалось включение в эту группу и носителя русского языка, что свидетельствует в пользу сохранения значимости постсоветского пространства для американской внешней политики.

Наиболее экспериментальным подходом к коммуникации с зарубежной публикой является деятельность Дж. Глассмана, занимавшего пост заместителя по публичной дипломатии в последний год администрации Буша. Суть его *Diplomacy 2.0* заключалась в непосредственном вовлечении иностранных пользователей в формирование нарратива в США. Ярким примером *Diplomacy 2.0* может служить ряд видеоматериалов, размещенных на платформе *YouTube*. Короткие видеоролики с названиями «*Democracy Is...*» и «*My Culture Plus Your*

²⁵¹ Там же.

²⁵² Khatib L. Public Diplomacy 2.0: An Exploratory Case Study of the US Digital Outreach Team // Middle East Journal. 2011. Vol. 66; Seo H. Public Diplomacy 2.0 Seo H. Three Korean perspectives on U.S. internet public diplomacy // Public Relations Review. 2013. Vol. 39. P. 594-596.

Culture Equals...» были созданы совместно с *NBC Universal*, *Directors Guild of America*, *Tisch School* и *Adobe Foundation*²⁵³.

Пребывание Дж. Глассмана на своем посту также отмечено рядом новаторских проектов на платформе виртуальной реальности *Second Life*, в число которых вошел международный джазовый фестиваль²⁵⁴. Его проектом также являются Группа по мониторингу Интернет-пространства и «The Alliance of Youth Movements» – программа обмена опытом по работе в социальных сетях с представителями НПО²⁵⁵.

Подводя промежуточные итоги, следует отметить, что для цифровой дипломатии США, начиная с 1990-х гг. и до конца пребывания у власти администрации Дж. Буша-младшего, характерно наращивание ИТ-инфраструктуры, свидетельством чему выступает создание и функционирование ИРМ Бюро, а также платформ для систематизации внутренней информации на базе Wiki-технологии и внутреннего нетворкинга²⁵⁶.

Отличительной чертой коммуникации с зарубежной публикой рассмотренного периода стал поиск перспективных платформ и форматов взаимодействия: в качестве инструментов цифровой дипломатии рассматривались как чаты, форумы и платформы виртуальной реальности, так и программы, направленные на создание контента, сгенерированного пользователями (UGC). Тем не менее неготовность бюрократической инфраструктуры и корпоративной культуры Государственного департамента США к той скорости, которой требует работа с сетью Интернет, становится очевидной. Особенно ярко этот тезис иллюстрирует анализ наиболее изученного кейса данного периода – DOT²⁵⁷.

Цифровая дипломатия во время администрации Б. Обамы

Если приоритетным вектором развития цифровой дипломатии при администрации Дж. Буша-младшего выступали борьба с терроризмом и

²⁵³ Glassman J.K. Op. cit.

²⁵⁴ Cull N.J. Op. cit. P. 123-139.

²⁵⁵ Glassman J.K. Op. cit.

²⁵⁶ Павлюченко А.А. К вопросу о периодизации цифровой дипломатии... С. 69-81.

²⁵⁷ Там же.

восстановление имиджа страны после вторжения в Ирак, то к началу президентства Б. Обамы онлайн-вербовка продолжала оставаться актуальной проблемой²⁵⁸. По мнению ряда исследователей, именно онлайн-вербовка стала одним из факторов активизации государств в сети Интернет в начале 2010-х гг. В обозначенном контексте ее ставят в один ряд с событиями Арабской весны²⁵⁹, скандалом WikiLeaks²⁶⁰, развитием гражданской журналистики²⁶¹, а также с успешным протеканием электоральной кампании Б. Обамы²⁶². Как следствие, вектор на борьбу с терроризмом остается, не только получая отражение в официальных заявлениях американских государственных деятелей (например, в Каирской речи), но и провоцируя структурные изменения в работе Государственного департамента в первые годы президентства Б. Обамы.

Начало первой волны структурных изменений инициировал изданный в 2011 г. президентский указ, суть которого заключалась в создании на базе Госдепа Центра стратегических контртеррористических коммуникаций (*Center for Strategic Counterterrorism Communications, CSCC*). Главной его целью декларировалась поддержка участия различных государственных институтов в общегосударственных мероприятиях по тематике связей с общественностью, направленных против развития террористических и экстремистских течений. «Think Again, Turn Away» – один из самых заметных проектов Центра, призванный бороться с радикализацией и вербовкой джихадистов в таких социальных сетях, как Twitter и Facebook^{263*264}. Проект получил высокую долю критики в средствах массовой информации – за неуместное использование «мемов», отсутствие четкого понимания своей цели и, в конечном итоге, за

²⁵⁸ Manor I. The Digitalization of Public Diplomacy 232 p.

²⁵⁹ Seib P. Op. cit.

²⁶⁰ Rashica V. The Benefits and Risks of Digital Diplomacy // SEEU Review. 2018. Vol. 13. P. 75-89.

²⁶¹ Manor I. The Digitalization of Public Diplomacy 232 p.

²⁶² Шариков П.А. Указ. соч. С. 164-187.

²⁶³ Здесь и далее. Деятельность Meta Inc. запрещена на территории Российской Федерации и признана экстремистской с 21 марта 2022 г.

²⁶⁴ About Us – Global Engagement Center. URL: <https://www.state.gov/about-us-global-engagement-center-2/> (дата обращения: 18.11.2023).

неэффективность²⁶⁵. В 2013 г. аккаунт проекта насчитывал всего 7,3 тысячи подписчиков, что показательно, учитывая, что годом ранее исследователи цифровой дипломатии Дж. Бергер и Дж. Морган, анализируя поведение членов ИГИЛ* в Интернете, выявили как минимум 46 тысяч аккаунтов, симпатизировавших идеям «Исламского государства»* и продвигавших их²⁶⁶.

Последствия финансового кризиса, с которыми столкнулась администрация Б. Обамы, оказали значительное влияние на оценку американскими дипломатами геополитической обстановки в мире. Отражением произошедшего изменения во взглядах стал «Четырехлетний комплексный обзор дипломатии и развития», подготовленный Государственным департаментом совместно с Агентством США по международному развитию. Ключевым отличием от подобных докладов 1990-х гг. стало признание новых реалий, в рамках которых «новые державы и центры глобального и регионального влияния XXI в., включая Бразилию, Китай, Индию, Индонезию, Мексику, Нигерию, Россию, Южную Африку и Турцию, определяют сегодняшний геополитический ландшафт»²⁶⁷. О сдвиге в американском мировосприятии говорит и «перезапуск» отношений с Россией и Китаем. Нашло в документе отражение и влияние финансового кризиса – лейтмотивом документа стал тезис о «получении максимума из каждого доллара»²⁶⁸.

Тогда же Х. Клинтон предложила проект под названием «Государственное управление для XXI века» (*21st Century Statecraft initiative*). Учитывая финансовую доступность социальных сетей как инструмента публичной дипломатии, проект опирался в первую очередь на цифровую составляющую и вовлечение молодежи, НПО и технических специалистов в цифровую

²⁶⁵ Think Again Turn Away: The State Department Is Fumbling Online. URL: <https://time.com/3387065/isis-twitter-war-state-department/> (дата обращения: 17.11.2023).

* Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

* Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

²⁶⁶ Berger J. The ISIS Twitter census: Defining and describing the population of ISIS supporters on Twitter (Запрещенная в России террористическая организация). URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-isis-twitter-census-defining-and-describing-the-population-of-isis-supporters-on-twitter/> (дата обращения: 18.11.2023).

²⁶⁷ Павлюченко А.А. К вопросу о периодизации цифровой дипломатии... С. 69-81.

²⁶⁸ The 2010 Quadrennial Diplomacy and Development Review (QDDR): Leading Through Civilian Power. United States Department of State, 2010.

дипломатию США. Под эгидой «Государственного управления для XXI века» были реализованы следующие инициативы:

- виртуальная студенческая федеральная служба (*The Virtual Student Foreign Service*). Она подразумевала интенсификацию взаимодействия между студентами американских университетов и сотрудниками дипломатических миссий для проведения «разъяснительных работ» и реализацию человеческого потенциала США в Интернете;
- гражданское общество 2.0 (*Civil Society 2.0*). Объединило в себе организации гражданского общества и сообщество информационных и коммуникационных технологий;
- *Tech@State*. Подразумевало проведение серии конференций в Госдепе, призванных объединить «новаторов, американских дипломатов и других правительственных чиновников для обмена опытом и разработки новых инструментов дипломатии и развития»²⁶⁹.

Тем не менее наиболее значительное влияние на формирование цифровой дипломатии в современном представлении оказало системное внедрение социальных сетей в работу посольств и отдельных дипломатов.

В отличие от предыдущего этапа, в этот период деятельность Государственного департамента в области цифровой и кибердипломатии отличается системностью и концептуальной направленностью. Свою роль сыграло и назначение на должность директора Государственного департамента по политическому планированию Э.М. Слоттер, активной сторонницы сетевого подхода²⁷⁰.

Следует также отметить, что информационные технологии не только стали инструментом дипломатического корпуса США, но и сами стали предметом переговоров. Для координации возникшей переговорной повестки на базе Госдепа был основан Офис по кибервопросам. Именно на этот период также выпадает и появление такого термина, как «кибердипломатия»²⁷¹.

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ Slaughter A.M. A new world order. Princeton University Press, 2004. 368 p.

²⁷¹ Appointment of Christopher Painter as Coordinator for Cyber Issues. URL: //2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/04/161485.htm (дата обращения: 17.11.2023).

Исходя из всего вышеперечисленного, можно отметить, что залогом успехов цифровой дипломатии США при Б. Обаме стал заложенный предыдущими администрациями фундамент в виде IT-инфраструктуры и значительного числа пилотных проектов различной степени успешности.

Вызовы и ограничения цифровой дипломатии

Несмотря на успехи в имплементации новых коммуникативных площадок, нельзя не отметить основные вызовы и ограничения, с которыми столкнулась администрация. Одним из наиболее изученных кейсов, связанных с неэффективностью цифровой дипломатии США, можно назвать описанную выше *Digital Outreach Team*. В результате анализа ее работы за 2009 год Л. Кхатиб выделил несколько ключевых проблем²⁷²:

- 1) использование логических и фактологических аргументов, а также отрывков из официальных речей в качестве ответа на эмоциональные комментарии. Подобные проблемы свидетельствовали о наличии определенных препятствий, с которыми на первых порах сталкивались не только американские дипломаты;
- 2) высокая времязатратность – в среднем сотрудникам для ответов на форумах требовалось 2,7 дня;
- 3) наличие корпоративной культуры, в соответствии с которой любой контент необходимо было согласовывать с руководством;
- 4) отсутствие понимания принципов ведения диалога с рядовыми зарубежными пользователями сети.

Следует также отметить недостаточную языковую подготовку сотрудников департамента, ответственных за реализацию цифровых проектов. В процессе наполнения контентом 193 сайтов американских посольств использовалось всего 7 языков, а основная масса веб-сайтов велась на английском языке²⁷³. Как следствие, информация была доступна лишь ограниченному кругу местного

²⁷² Khatib L. Op. cit.

²⁷³ Slides accompanying Under Secretary Hughes' testimony before the House Committee on Appropriations, Subcommittee on State, Foreign Operations, and Related Programs. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/us/2007/84807.htm> (дата обращения: 17.11.2023).

населения. Таким образом, Кхатиб выделил базовые проблемы, с которыми сталкиваются дипломаты и государственные служащие при участии в онлайн-коммуникации.

Кроме того, важно отметить синергию Интернета и традиционных СМИ: любой просчет или несогласованность в цифровой коммуникации быстро перерастает в крупный инфоповод. В американской практике можно найти ряд подобных случаев. Например, в 2013 году дипломатическим скандалом закончился репост монолога телеведущего Джона Стюарта, посвященного заключению под стражу египетского комика, американским посольством в Каире²⁷⁴.

Еще одной проблемой стала простота, с которой онлайн-аудитория способна «перехватить» нарратив. Так, в 2013 году сессия «Вопросов и ответов» под хештегом #AskDermerr, организованная израильским посольством в США, превратилась в медийный хаос: большинство публикаций под этим хештегом стали содержать фотографии погибших в результате израильских атак на Палестину детей. Благодаря синергии Интернета и традиционных СМИ сессия с Дермером быстро переросла в масштабный дипломатический провал.

Цифровая дипломатия во время администрации Д. Трампа

Переход к следующему этапу развития цифровой дипломатии обусловлен усилением информационного противостояния на фоне воссоединения Крыма с Россией. Больше внимание в американском дискурсе стало уделяться российскому, китайскому, иранскому и северокорейскому влиянию. Более того, США активно включились в обсуждение проблем международной информационной безопасности. Можно выделить несколько маркеров, по которым определяется переход на новый этап:

— в ежегодном докладе Консультативной комиссии по публичной дипломатии, начиная с 2015 г., в число стратегических приоритетов американской публичной дипломатии вошла «борьба с насильственным экстремизмом и

²⁷⁴ Lee M. U.S. embassy's Jon Stewart tweet sparks row with Cairo. Washington, 2013.

негативным влиянием России в Европе и Центральной Азии»²⁷⁵. Другими словами, констатируется значительное информационное влияние данных стран на обозначенные регионы, и теперь этому влиянию приписывается крайне негативная коннотация, приравнивающая влияние данных стран к влиянию террористических организаций;

– в 2016 г. был принят Закон о противодействии иностранной пропаганде и дезинформации, который стал частью Акта об ассигновании на национальную оборону на 2017 финансовый год (NDAA)²⁷⁶. Это первый документ со времен холодной войны, в котором декларировалось обязательство руководства страны по борьбе с «дезинформацией»²⁷⁷;

– в том же году на базе существовавшего ранее Центра стратегических контртеррористических коммуникаций (CSCC) был создан Центр глобального взаимодействия (*Global Engagement Center*). Основной задачей нового Центра стало направление, руководство, синхронизация, интеграция и координация усилий правительства Соединенных Штатов по «распознаванию, пониманию, разоблачению и противодействию усилиям иностранной государственной и негосударственной пропаганды и дезинформации, направленным на подрыв или влияние на политику, безопасность или стабильность Соединенных Штатов, их союзников и стран-партнеров»²⁷⁸. Структурно Центр подразделялся на четыре группы, три из которых имели региональную привязку: Россия, Китай, Иран. Деятельность четвертой была уже традиционно посвящена противодействию терроризму. Декларировался следующий приоритет: «повысить общественную и институциональную устойчивость к иностранной пропаганде и дезинформации за рубежом»²⁷⁹. Ключевым фактором, отличавшим Центр от своего

²⁷⁵ 2015 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. United States Advisory Commission on Public Diplomacy, 2016.

²⁷⁶ National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2017. Washington DC: United States Senate, 2016.

²⁷⁷ Public Diplomacy and the New “Old” War: Countering State-Sponsored Disinformation. Public Diplomacy and the New “Old” War. United States Advisory Commission on Public Diplomacy, 2020.

²⁷⁸ About Us – Global Engagement Center. URL: <https://www.state.gov/about-us-global-engagement-center-2/> (дата обращения: 18.11.2023).

²⁷⁹ Там же.

предшественника, стало использование инновационных методов цифровой дипломатики, таких как дата-аналитика, для выявления информационного влияния государственных и негосударственных акторов²⁸⁰.

В докладе Консультативной комиссии по публичной дипломатии необходимостью более эффективного функционирования в «эпоху Интернета» объяснили и произошедшее в 2019 г. слияние Бюро информационных программ и Бюро по связям с общественностью. Основной целью, опять же, определялась «борьба с русской дезинформацией»²⁸¹.

Меняется и восприятие Интернета американским истеблишментом. Например, согласно докладу Консультативной комиссии по публичной дипломатии «Сможет ли публичная дипломатия выжить в Интернете» (*“Can public diplomacy survive the internet”*) Интернет воспринимается как нечто, несущее в себе угрозу. В документе фигурирует внедрение таких инноваций, как боты, эхо-камеры, пузыри фильтров и т.д. Отмечается и кризис идеи «американского лидерства». Это связывают с тем, что «системы, которые поддерживают и нормализуют этот нарратив, не смогли служить большому количеству сообществ, как в Соединенных Штатах, так и за рубежом»²⁸². В дискурс концепция информационного противоборства была введена иным документом – Докладом комиссии от 2020 г. под названием «Публичная дипломатия и новая «старая» война: противодействие государственной дезинформации» (*“Public diplomacy and the new ‘old’ war: countering state-sponsored disinformation”*).

Как уже отмечалось ранее, для данного периода развития цифровой дипломатии характерно преобладание логики информационного противостояния. Причинами такого видоизменения могли служить как «экзистенциальный кризис» американской публичной дипломатии и «чехарда» на посту заместителя государственного секретаря по публичной дипломатии (в XXI в. эту должность

²⁸⁰ Там же.

²⁸¹ Public Diplomacy and the New “Old” War: Countering State-Sponsored Disinformation. Public Diplomacy and the New “Old” War. United States Advisory Commission on Public Diplomacy, 2020.

²⁸² Там же.

занимали в среднем на 13 месяцев)²⁸³, так и общее падение рейтингов восприятия США за рубежом в 2017 г.²⁸⁴ и отсутствие единства среди американцев после победы Д. Трампа на президентских выборах. Ввиду всего вышеперечисленного вперед выступает кибердипломатия. Это отражается в интенсификации диалога по международной информационной безопасности со стороны США.

Обозначенный тренд находит свое продолжение на первых этапах после прихода к власти Дж. Байдена. Интересным для анализа в этой связи представляется Акт о кибердипломатии, принятый Конгрессом в 2021 г. Согласно Акту, угрозу для США в киберпространстве представляют Россия, Китай, Иран и КНДР²⁸⁵. Более того, в 2022 г. на базе Государственного департамента под руководством посла по особым поручениям создается Бюро по вопросам киберпространства и цифровой политики²⁸⁶. Это означает, что кибердипломатии и кибербезопасности придается теперь более высокий статус, чем ранее.

Шоковым фактором стала пандемия COVID-19, которая способствовала ускоренному технологическому обновлению Государственного департамента. Необходимость в масштабном обновлении ИТ-инфраструктуры государственного института возникла ввиду отсутствия финансовых вложений со времен руководства К. Пауэлла²⁸⁷. В пандемию основной пласт сотрудников был переведен в дистанционный формат работы, в то время как сам рабочий процесс переместился в облако *Microsoft*. Был создан Совет по цифровой дипломатии под руководством Ст. Макгуигана, в юрисдикцию которого входило выполнение задач по внутренней кибербезопасности и инфраструктуре данных²⁸⁸. В 2020 г. появилась должность директора по данным, также был сформирован отдел аналитики, в чьи обязанности вошло «использование данных для получения

²⁸³ Артамонова У.З. Публичная дипломатия США без лица... С. 33-39.

²⁸⁴ Артамонова У.З. Реформа иновещания... Р. 12.

²⁸⁵ Cyber Diplomacy Act of 2021. Senate Of the United States, 2021.

²⁸⁶ Establishment of the Bureau of Cyberspace and Digital Policy. URL: <https://www.state.gov/establishment-of-the-bureau-of-cyberspace-and-digital-policy/> (дата обращения: 18.11.2023).

²⁸⁷ CIONET TV. Stuart McGuigan – Former CIO of the Department of State – Aligning to the mission. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=B94tzukwNw> (дата обращения: 18.11.2023).

²⁸⁸ Nyczepir D. State Department establishing new IT governance body. URL: <https://fedscoop.com/state-department-it-governance/> (дата обращения: 18.11.2023).

смелых идей, помогающих... улучшить управление и принятие внешнеполитических решений, а также расширить доступ к данным в масштабах всего Департамента»²⁸⁹.

Принципиально новый подход к Департаменту как к единой системе предлагался в Стратегии корпоративных данных (*Data Enterprise Strategy*)²⁹⁰, подготовка которой завершилась уже при Э. Блинкене. Разработка подобной стратегии логически проистекала из уже реализованных федеральных программ предыдущих администраций, а также из усилий Департамента по управлению знаниями. Э. Блинкен также объявил о модернизации американской дипломатии, подразумевая и формирование новых компетенций у сотрудников дипломатического корпуса, в том числе по работе с данными в целом²⁹¹. Этот факт отражает тренд на внедрение аналитики данных и ИИ как в дипломатическую практику, так и в государственное управление.

Можно резюмировать, что на основании трех выбранных ранее критериев (институциональные изменения, доминирующая технология и приоритеты) автором было выделено три периода развития цифровой дипломатии США. Для всех характерно наличие приоритетов, которые нашли свое отражение как в институциональной структуре, так и в доминирующих технологиях. Отдельно отметим тот факт, что приоритетные в более ранние периоды технологии не исчезали из обихода, а становились фундаментом для появления и дальнейшего внедрения новых.

Первый этап развития цифровой дипломатии США начался с середины 1990-х гг. и при администрации Дж. Буша-младшего и был охарактеризован наращиванием ИТ-инфраструктуры, необходимой для реализации цифровой дипломатии в сегодняшнем ее понимании, а также внедрением внутренних

²⁸⁹ Office of Management Strategy and Solutions – United States Department of State. URL: <https://web.archive.org/web/20230131040757/https://www.state.gov/about-us-office-of-management-strategy-and-solutions/#cfa> (дата обращения: 18.11.2023).

²⁹⁰ Department of State Enterprise Data Strategy. United States Department of State, 2021.

²⁹¹ Secretary Antony J. Blinken on the Modernization of American Diplomacy. URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-on-the-modernization-of-american-diplomacy/> (дата обращения: 18.11.2023).

платформ для управления знаниями на основе Wiki-технологии. Отметим также, что Интернет и различные цифровые платформы на тот момент не являлись основным инструментом коммуникации с зарубежной аудиторией. Данный этап скорее является периодом поиска наиболее оптимальных форматов подобного взаимодействия. Наравне с общением на форумах, конкурсами видеороликов в этот период можно встретить и такие «экзотические» способы взаимодействия, как джазовые концерты в виртуальной реальности. Но даже на примере DOT, как наиболее изученного из кейсов данного периода, можно увидеть негативное влияние бюрократической структуры и корпоративной культуры Государственного департамента на скорость реакции, которую требует Интернет.

Основным отличием второго этапа цифровой дипломатии, начавшегося при Б. Обаме, стала его системность и массовое внедрение использования социальных сетей в корпоративную культуру и ежедневную рутину американских дипломатов. Среди институциональных изменений этого периода наибольший интерес для исследователей может представлять создание Центра стратегических контртеррористических коммуникаций (CSCC), который, согласно декларативным целям, должен был бороться с «пропагандой воинствующего экстремизма и террористических организаций»²⁹², а также появление нового Офиса для координации дипломатических усилий в переговорах по кибервопросам. На фоне экономического кризиса 2008 г. социальные сети, которые на первоначальном этапе своего внедрения представлялись недорогим, простым и эффективным способом коммуникации, к 2016–2017 гг. показали себя как куда более сложная в своем использовании технология.

Постепенная смена восприятия социальных сетей и Интернета в целом нашла свое отражение в третьем этапе развития цифровой дипломатии США. Для этого этапа характерна интеграция логики информационного противостояния, что находит свое отражение в принципах формирования *GEC* и становится поводом для слияния Бюро информационных программ и Бюро по связям с

²⁹² About Us – Global Engagement Center. URL: <https://www.state.gov/about-us-global-engagement-center-2/> (дата обращения: 18.11.2023).

общественностью. Концепция «информационного противостояния» закрепляется и на юридическом уровне – в Акте о кибердипломатии 2021 г. Помимо применения аналитики данных, доминирующей технологией данного периода можно назвать облачные решения, внедренные во время пандемии COVID-19.

Подводя итоги, отметим, что каждый новый этап развития цифровой дипломатии характеризовался доминированием различных технологий, приоритетов и институциональных изменений, что, в свою очередь, требовало применения принципиально разных административных и кадровых стратегий. Это обусловлено тем, что внедрение в рабочий процесс новой технологии подразумевает формирование у дипломатов нового набора навыков и компетенций, а также изменение ряда административных процессов и схем принятия решений.

Выводы по главе

В ходе анализа главы показано, что эволюция цифровой дипломатии в институтах Государственного департамента США происходила на фоне длительного терминологического и хаоса, вызванного параллельным сосуществованием и сменяемостью целого ряда понятий – от «электронной дипломатии», «новой дипломатии» и «сетевой дипломатии» до «публичной дипломатии 2.0», «цифровой дипломатии» и «кибердипломатии». Термины формировались в различных структурных подразделениях параллельно, зачастую под влиянием смены политического руководства и появления нового технологического решения, а затем выходили из употребления по мере внедрения соответствующих технологий, что затрудняло как институциональное закрепление практик, так и их последующий научный анализ. Вместе с тем к началу 2010-х годов в дискурсе Госдепартамента закрепились два устойчивых и относительно ясно разграниченных понятия – «цифровая дипломатия» и «кибердипломатия», обозначающие, соответственно, применение цифровых технологий для достижения дипломатических целей и продвижение интересов США в киберпространстве (интернет-управление, кибербезопасность и др.).

Автор выделяет три этапа развития цифровой дипломатии США, опираясь на сочетание институциональных изменений, доминирующих технологий и приоритетных направлений. Первый этап, начинающийся с середины 1990-х годов и связанный с администрациями У. Клинтона и Дж. Буша-младшего, характеризуется наращиванием ИТ-инфраструктуры (создание IRM Bureau, запуск официального сайта Госдепартамента, формирование глобальной сети и Офиса электронной дипломатии), внедрением внутренних систем управления знаниями (Diplopedia и др.) и экспериментами с различными форматами взаимодействия с зарубежной аудиторией – от чатов и форумов до проектов в виртуальной реальности. При этом Интернет ещё не выступал основным каналом внешней коммуникации: для периода характерны поиск оптимальных форматов и ограниченная готовность бюрократической и корпоративной культуры

Госдепартамента к темпам, задаваемым сетевой средой, что ярко проявляется в кейсе Digital Outreach Team.

Второй этап, связанный с администрацией Б. Обамы, демонстрирует переход к системному и концептуально оформленному использованию социальных сетей в ежедневной практике дипломатов и институтов публичной дипломатии. На этом этапе цифровая составляющая интегрируется в стратегические документы (четырёхлетний обзор дипломатии и развития, ИТ-планы с акцентом на «digital diplomacy»), реализуются инициативы «государственного управления для XXI века» (Virtual Student Foreign Service, Civil Society 2.0, Tech@State), создаются специализированные структуры (CSCC, Офис по кибервопросам), а социальные сети рассматриваются как относительно недорогой и эффективный инструмент публичной дипломатии. В то же время выявляются существенные ограничения: методологические и культурные барьеры при работе в сети, проблемы языковой адаптации, неэффективность отдельных проектов («Think Again, Turn Away») и высокая чувствительность цифровой активности к репутационным рискам из-за тесной связки онлайн- и офлайн-медиа.

Третий этап, приходящийся на администрацию Д. Трампа и начало президентства Дж. Байдена, характеризуется интеграцией логики информационного противостояния и безопасности в цифровую дипломатию, а также институциональным укреплением кибердипломатии. На уровне нормативно-политических документов фиксируется акцент на борьбе с «иностранной пропагандой и дезинформацией» и противодействии влиянию России, Китая, Ирана и КНДР (NDAA 2017 года, Закон о противодействии иностранной пропаганде и дезинформации, создание Global Engagement Center). Кибердипломатия институционально оформляется через Акт о кибердипломатии 2021 года и создание Бюро по вопросам киберпространства и цифровой политики, а доминирующими технологическими решениями становятся дата-аналитика и облачные сервисы, масштабно внедрённые в период пандемии COVID-19. Параллельно развивается стратегическое видение Госдепартамента как «организации данных» (Data Enterprise Strategy, введение должности Chief Data

Officer), что формирует основу для перехода к «дипломатии, основанной на данных» и дальнейшей интеграции аналитики данных и ИИ в дипломатическую практику.

В главе сделано обобщение, что каждый последующий этап цифровой дипломатии опирался на институциональный и технологический фундамент предыдущего, а ключевые технологии (электронная почта, корпоративные сети, социальные сети, облачные решения, аналитика данных) не вытесняли друг друга, а наслаивались, задавая новые требования к компетенциям сотрудников и к административным практикам. При этом терминологическая динамика – от «электронной дипломатии», «новой дипломатии» и «публичной дипломатии 2.0» к устойчивым категориям «цифровой дипломатии» и «кибердипломатии» – отражает постепенный переход от экспериментального поиска и символической «новизны» к институционализированным практикам и нормативному закреплению новых направлений внешнеполитической деятельности. Автор показывает, что именно сочетание институциональных реформ, технологических инноваций и изменения восприятия цифровой среды (от ресурса модернизации до пространства угроз и информационного противостояния) определяет специфику американской цифровой дипломатии и формирует рамки её дальнейшей трансформации. Комплексный характер цифровой дипломатии также осложняется её институциональной разветвленностью, и отсутствием единого центра принятия решений по формированию стратегии ее реализации.

ГЛАВА 3. СТРАТЕГИИ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ США В ОТНОШЕНИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИРАНА

3.1 Эволюция цифровой дипломатии как коммуникативного инструмента в период администраций Б. Обамы и Д. Трампа

В параграфе 3.1 основное внимание уделено эволюции цифровой дипломатии США в исследуемый период. Рассмотрены такие особенности, как частота публикаций, уровень взаимодействия с пользователями социальной сети, характер публикаций, особенности используемых хештегов, модель коммуникации и их трансформация при трех исследуемых администрациях.

Цифровая дипломатия посольства США в Великобритании в период администрации Б. Обамы

На администрацию Б. Обамы легла основная работа по продвижению цифровой дипломатии, что сказалось на корпоративной культуре и структуре Государственного департамента, а также скорости принятия решений. Это отразилось и в характерных для данного периода способах коммуникации посольства США в Великобритании.

Для данного периода характерна высокая роль лично Б. Обамы и Х. Клинтон, что отразилось и на контенте посольства. К примеру, в 2010 г. хештег #Obama был в тройке самых используемых на протяжении 10 месяцев. Аналогично обстояла ситуация с прямой речью государственного секретаря Х. Клинтон. В случае с государственным секретарем ее речь оказывалась в топе по используемым хештегам 11 месяцев, хоть и на строчку ниже относительно президента. То есть цифровая дипломатия во многом была «завязана» на конкретных фигурах.

С учетом того, что под данными хештегами размещалась прямая речь политика, можно сделать два вывода. Во-первых, на первом этапе цифровой

дипломатии США для ее продвижения активно использовался личный бренд президента и государственного секретаря. Хотя возможно выдвинуть и противоположные гипотезы о том, что ресурсы цифровой дипломатии использовались для дополнительного укрепления бренда президента и государственного секретаря или же их синергии. Во-вторых, внедрение цифровой дипломатии носило во многом характер реформы, вводимой сверху, а не наоборот. Учитывая, что на данном этапе основной контент посольства представлял собой репосты, размещение новостей, брифингов и ссылок на внешние ресурсы, можно говорить о том, что на данном этапе еще не сформировалась корпоративная культура, подразумевавшая акторность посольств в установлении собственной повестки.

Вовлеченность аудитории в повестку посольства крайне мала. Взаимодействие с публикациями носило единичный характер, что может быть показателем как новизны социальных сетей как таковых, так и новизны социальных сетей как канала для политических коммуникаций.

В аккаунте присутствовали сообщения технического характера, к примеру, график работы посольства, сроки подачи документов для различных профильных министерств, а также сообщения о сроках обработки петиций, полученных в определенные даты (примерно 19% от общего числа сообщений). Объем данных сообщений постепенно уменьшался и к концу исследуемого периода мог достигать 15–20 сообщений в год.

В качестве характерных особенностей стратегии аккаунта можно отметить отсутствие взаимодействия с негативными сообщениями, будь то сообщения пользователей или британской прессы. Можно даже отметить, что это общепринятая практика американских посольств, отличающая их от российских, вступающих в прямой диалог с локальной прессой с целью разъяснения позиции и работы с дезинформацией.

Во время первой администрации Б. Обамы сообщения в Twitter представляли собой текст из 9 слов в среднем, чаще это были анонсы мероприятий с ссылкой на полноценное сообщение на YouTube-канале или на

прочем информационном ресурсе. Такой формат не предоставлял возможность транслировать что-то кроме слоганов, анонсов встреч, речей и т.д.

Таким образом, аккаунт посольства выполнял две основные роли – ретранслятор новостной повестки Белого дома и центрального аппарата Государственного департамента, а также информационный ресурс для граждан Великобритании, планирующих или подавших документы для оформления виз и т.д.

Цифровая дипломатия США в отношении Ирана во время первой администрации Б. Обамы

Можно отметить, что для данного периода характерна высокая роль государственного секретаря Х. Клинтон, ее прямая речь размещалась как под хештегом #secClinton, так и под хештегом #StateDept, в то время как прямая речь Б. Обамы использовалась посольством реже. То есть в аккаунте виртуального посольства наблюдается та же тенденция, что видна в Великобритании в данный период, а именно опора на личный бренд государственного секретаря и президента, что может быть причиной относительной несамостоятельности посольств того периода в установлении повестки дня и выполнения скорее роли ретранслятора.

Так же, как и в посольстве в Великобритании в данный период, здесь трудно отследить локальную повестку; скорее можно говорить о наличии сжатой версии региональной повестки: так, в посольстве данного периода часто поднималась тема Ливии, Сирии, Египта, Бахрейна.

В публикациях также освещается тема прав женщин, прав человека и климатическая повестка, что особенно заметно в публикациях, продвигающих женское образование и лидерство. Ввиду нерелевантности памятных дат в иранском контексте в публикациях отсутствуют дни памяти Мартина Лютера Кинга, Мемориальный день и прочие широко представленные в британском посольстве темы.

Можно также отметить, что для данного периода характерно использование англоязычных хештегов, что автоматически приводило к циркуляции публикаций

внутри англоязычного интернет-сообщества, снижая возможность коммуникации с иранским населением.

В обоих аккаунтах за исследованный период наблюдается низкая вовлеченность аудитории, то есть как минимум на ранних этапах дипломаты не прибегали к инструментам увеличения трафика. Рост статистики взаимодействия с публикациями аккаунта также можно назвать органичным.

Однако попытки встроиться в протестную повестку иранской блогосферы за счет использования тематических хештегов, к примеру #25Bahman, оказались малоуспешными и не получили достаточной реакции у пользователей социальной сети. Также малоуспешным было использование англоязычных хештегов, которое приводило к тому, что публикации аккаунта органично циркулировали в англоязычном сегменте социальной сети.

Таким образом, цифровая дипломатия в отношении двух рассмотренных стран показала как диаметрально противоположные подходы, так и стала отражением ранней стадии зарождения цифровой дипломатии – была хаотичной в вопросах формирования повестки и страдала от низкой вовлеченности аудитории.

Посольство США в Великобритании во время второй администрации Б. Обамы

Во время второй администрации Б. Обамы можно отметить появление акторности посольств в вопросах установки локальной повестки дня, а также смягчение иерархичной структуры в данных вопросах. Данный процесс можно проследить на основании нескольких показателей. Во-первых, можно отметить резкое снижение количества публикаций, посвященных Б. Обаме. В 2015 г. публикации с прямой речью президента заняли лидирующие позиции по упоминанию только в одном месяце, что значительно отличается от показателей, к примеру, 2010 г. Аналогичная ситуация сложилась с государственным секретарем Дж. Керри.

В то время как роль президента в установлении новостной повестки сократилась, начала активно возрастать роль личности посла в медиаповестке. Профильный хештег #sr_ambassador использовался для обозначения прямой речи

посла, а также взаимодействия с ним аудитории. Более того, в данный период была запущена локальная кампания по генерации пользовательского контента при помощи конкурса фотографий, посвященных Соединенным Штатам, с хештегом #myustravel.

По-прежнему сохранились публикации, посвященные новым памятным датам – Дню американской независимости, годовщине смерти Мартина Лютера Кинга, Месяцу гордости и т.п.

Вовлеченность аудитории в данный период увеличилась. К примеру, пиковая вовлеченность за данный период (ER) составила 0,22, в то время как за период первой администрации данный показатель достигал 0,005. Наиболее популярными среди аудитории стали публикации, посвященные визиту Б. Обамы в Великобританию, а также твиты, посвященные национальным праздникам, к примеру, Дню поминовения.

На втором этапе цифровой дипломатии можно отметить повысившийся процент публикаций, посвященных обратной связи с пользователями сети. В основном данные сообщения были посвящены работе с обращениями граждан Великобритании и США по вопросам оформления виз и решения проблем различного характера; чаще всего данные запросы перенаправлялись консульскому отделу посольства или решались в личных сообщениях. То есть можно сказать, что в рамках цифровой дипломатии посольство, помимо функции ретранслятора американской политической повестки, осуществляет и консульскую поддержку.

Таким образом, можно отметить, что цифровая дипломатия второй администрации Б. Обамы в большей степени была сосредоточена на локальной повестке, чем ранее, и служила для подготовки британского обывателя к подписанию Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, а также служила инструментом по формированию общественного мнения касательно международной повестки.

Цифровая дипломатия США в отношении Ирана в период второй администрации Б. Обамы

Аккаунт виртуального посольства не выполняет функции реального загранучреждения, из-за чего в изученных публикациях отсутствовали какие-либо технические сообщения о сроках обработки петиций, а также помощь гражданам в оформлении документов. Однако интересно, что в аккаунте в целом нельзя встретить какого-либо активного взаимодействия с пользователями социальной сети. Только 24% публикаций содержат упоминания других пользователей, и в 77% из них упоминаются американские государственные структуры, официальные спикеры, СМИ и т.д. То есть можно сказать, что аккаунт представляет собой эхо-камеру, существующую в вакууме и по большому счету не взаимодействующую с пользователями социальной сети даже в положительном ключе.

Второй этап цифровой дипломатии США отличился качественным скачком в вопросах формирования локальной новостной повестки, что отразилось на многих аспектах стратегии ведения аккаунтов. Во-первых, дипломаты демонстрируют более глубокое понимание принципов работы с социальными сетями. К примеру, отказ от англоязычных хештегов в пользу фарси в иранском аккаунте, что увеличило вероятность того, что публикации в итоге достигнут целевую аудиторию. В то же время в британском аккаунте была запущена кампания, направленная на генерацию пользовательского контента #myustravel, направленная на популяризацию американского туризма.

Во-вторых, можно отметить, что в обоих аккаунтах сократился объем прямой речи первых лиц, что может говорить о попытке выстраивания цифровой дипломатии независимо от личного бренда Обамы. При этом на первое место выдвинулась фигура посла; для обозначения выступлений и мероприятий с его участием был выделен отдельный хештег-рубрикатор #sr_ambassador.

Говоря о тематическом наполнении иранского посольства, можно прежде всего отметить аналогичное снижение присутствия первых лиц, а также снижение объема региональной повестки. Среди хештегов прекратилось систематическое использование связанных с Ливией, Сирией, Египтом, Бахрейном, в то время как появилась тематика, связанная с образованием.

То есть цифровая дипломатия на данном этапе стала более тонким инструментом продвижения американских интересов как в «дружественных» ей, так и в «недружественных» странах.

Также интересно отметить низкий процент «неполитического» контента: в среднем около 24% публикаций были посвящены неполитической тематике, а именно спорту, рубрикам о значимых иранцах в истории США и оформлению студенческих виз.

Исходя из анализа вовлеченности аудитории, нельзя выделить определенный тренд, описывающий наиболее актуальные для аудитории темы. Реакция аудитории носит скорее хаотичный характер. Предположительно, это может быть следствием того, что посольство не имеет реальной географической привязки, ввиду чего его аудитория отличается большим разбросом по своей региональной принадлежности.

Анализ цифровой дипломатии США в период второй администрации Б. Обамы демонстрирует качественную трансформацию американской цифровой дипломатии, характеризующуюся переходом от централизованного распространения информации к более гибким и адаптивным подходам. Ключевым изменением стала децентрализация дипломатического дискурса – снижение роли прямой речи первых лиц государства в пользу усиления акторности послов и формирования локализованных повесток дня.

Сравнительный анализ стратегий ведения аккаунтов посольства США в Великобритании и виртуального посольства в Иране выявляет два подхода. В случае с союзником наблюдается двусторонняя модель коммуникации (генерация пользовательского контента, консульская поддержка), тогда как в отношении Ирана цифровая дипломатия функционирует преимущественно как односторонний канал трансляции американских позиций без взаимодействия с аудиторией.

Особого внимания заслуживает техническая эволюция цифровой дипломатии – переход к использованию локальных языков (фарси вместо английского), внедрение специализированных хештег-рубрикаторов и кампаний

по генерации контента, что демонстрирует более глубокое понимание механизмов функционирования социальных сетей и принципов эффективной коммуникации в цифровой среде. Это позволяет говорить о становлении цифровой дипломатии как самостоятельного инструмента внешней политики.

Цифровая дипломатия США в период первой администрации Д. Трампа

Цифровая дипломатия при Д. Трампе стала отражением общего подхода Д. Трампа к цифровой и публичной дипломатии, в рамках которого этим направлениям отводилась второстепенная роль²⁹³. Прежде всего можно отметить значительное сокращение публикационной активности посольства: по сравнению с предыдущей администрацией общее количество публикаций сократилось втрое – 3108 публикаций против 9058, зафиксированных в предыдущий период. Это может быть следствием снижения значимости публичной дипломатии для данной администрации, а также определенной напряженности, сложившейся между президентом и институтом публичной дипломатии США, которую отмечают некоторые исследователи.

Кроме того, фигура президента и его прямая речь полностью исчезли из публикаций посольства, что также может быть продолжением озвученных выше тенденций, хотя значимым фактором может служить и предпочтение использования личного аккаунта Д. Трампом.

На период администрации Д. Трампа пришелся переломный момент в цифровой дипломатии. Пандемия COVID-19 привела к переходу в онлайн-режим почти всех дипломатических и консульских процедур, что не могло не сказаться на публикуемом в аккаунте посольства контенте. Доля локального контента увеличилась до 37% при сокращении публикационной активности, что могло быть обусловлено в целом снижением интенсивности глобальной политической повестки. Как и прежде, данный контент во многом представлял собой благодарности, поздравления, отчеты о мероприятиях и консульскую поддержку.

²⁹³ Шур Е.А. Американская цифровая дипломатия и Индии при Дж. Буше-младшем и Б. Обаме // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 1. С. 72-80.

Около 10% публикаций были посвящены непосредственно пандемии *COVID-19* и содержали благодарности сотрудникам системы здравоохранения и призывы к соблюдению режима самоизоляции. Также в аккаунте появились публикации, посвященные домашнему обучению, виртуальным выставкам и прочим виртуальным активностям.

Данный период наиболее сложно поддается интерпретации, т.к. целый ряд тематических направлений отошел на второй план из-за большого количества публикаций о пандемии. С этим может быть, в частности, связано возвращение характера глобальной новостной повестки в последний год исследования ввиду начала пандемии *COVID-19*.

Цифровая дипломатия в отношении Ирана при Д. Трампе также отошла на второй план. К концу исследуемого периода публикации посольства стали носить все более глобальный характер, возможно, ввиду ухода Ирана на второй план в политике администрации Трампа из-за пандемии *COVID-19*; снизилось и внимание к информационной повестке Ирана. Тема прав человека также утратила свои лидирующие позиции среди освещаемых тем к концу исследуемого периода.

Если говорить о взаимодействии с пользователями, то можно отметить, что публикации, содержащие их упоминания, по-прежнему составляют меньшую часть от общего числа публикаций, то есть аккаунт ведется как некий ретранслятор американского правительства, не нацеленный на коммуникацию с другими пользователями. Это опровергает гипотезу о диалоговой форме, к которой перешла цифровая дипломатия вообще и цифровая дипломатия США в частности²⁹⁴. Данный тезис можно применить исключительно к странам, которые не находятся в состоянии конфронтации.

Для цифровой дипломатии периода администрации Трампа характерно полное отсутствие фигуры президента. На смену заявлениям президента и государственного секретаря пришли ремарки пресс-секретаря Государственного департамента, то есть можно говорить о снижении приоритетности данного направления в цифровой дипломатии.

²⁹⁴ Manor I. The Digitalization of Public Diplomacy 232 p.

Исходя из анализа вовлеченности аудитории, нельзя выделить определенный тренд, описывающий наиболее актуальные для аудитории темы. Реакция аудитории носит скорее хаотичный характер. Предположительно, это может быть следствием того, что посольство не имеет реальной географической привязки, ввиду чего его аудитория отличается большим разбросом по своей региональной привязке.

Анализ цифровой дипломатии США в период первой администрации Д. Трампа демонстрирует снижение качества цифровой дипломатии, что проявилось в трехкратном сокращении публикационной активности посольств и полном исчезновении фигуры президента из официальных дипломатических каналов. Данная тенденция отражает фундаментальную смену приоритетов администрации Трампа, для которой цифровая дипломатия стала играть второстепенную роль по сравнению с предпочтением президента использовать личные аккаунты в социальных сетях для прямой коммуникации.

Парадоксальность данного подхода к цифровой дипломатии заключается в том, что при активном использовании президентом Twitter для внешнеполитических заявлений официальные дипломатические каналы были частично заброшены. Замена заявлений высших должностных лиц ремарками пресс-секретаря Государственного департамента свидетельствует о понижении статуса цифровой дипломатии как инструмента внешней политики и возврате к более традиционным, иерархическим формам дипломатической коммуникации.

Влияние пандемии *COVID-19* дополнительно осложнило интерпретацию данного периода, поскольку вынужденная цифровизация дипломатических процессов происходила на фоне общего снижения приоритетности цифровой дипломатии как стратегического направления. Таким образом, период администрации Трампа можно охарактеризовать как этап упадка цифровой дипломатии, результатом которого стало ослабление институциональных механизмов публичной дипломатии в пользу персонализированных форм политической коммуникации.

Таким образом, исследование демонстрирует нелинейный характер развития цифровой дипломатии, где технологические возможности и институциональные изменения находятся в сложном взаимодействии с политическими приоритетами и личными предпочтениями лидеров. Период администрации Обамы характеризовался поступательным развитием от централизованной модели к децентрализованной, с усилением независимости дипломатических представительств и адаптацией к локальным особенностям. Администрация Трампа, напротив, продемонстрировала возможность институционального отката, когда персонализированные формы политической коммуникации вытесняют профессиональные дипломатические практики, что ставит под вопрос устойчивость достигнутых ранее инноваций в области цифровой дипломатии.

3.2 Союзнический и конфронтационный векторы в цифровой дипломатии США в отношении Великобритании и Ирана

В параграфе 3.2 проводится сравнение цифровой дипломатии на трех этапах с точки зрения выстраивания союзнического и конфронтационного нарратива, то есть проводится сравнение содержания публикаций. Отдельное внимание уделяется затрагиваемым темам, ужесточению риторики, выстраиванию образа угрозы и врага.

Исследование позволило проследить характерные особенности цифровой дипломатии в отношении диаметрально противоположных государств – «особого» партнера с длительной историей сотрудничества Великобритании и Ирана²⁹⁵, государства, в отношении которого на протяжении последних 40 лет применяется политика давления²⁹⁶ и с 2002 года включенного США в список государств «Оси зла»²⁹⁷.

Анализ позволил выявить как общие характеристики, свойственные для разных этапов развития цифровой дипломатии, так и диаметрально противоположные цели и подходы к цифровой дипломатии в отношении представленных стран.

Цели и целевая аудитория цифровой дипломатии Соединенных Штатов

Великобритания и Иран занимают диаметрально противоположное место во внешней политике Соединенных Штатов²⁹⁸, что отразилось и в цифровой дипломатии. В отношении Великобритании стратегия посольства заключается во взаимодействии с аудиторией с целью решения ее консульских и прочих вопросов, а также в широком освещении различных культурных и прочих

²⁹⁵ Андреева Т.Н. Британо-американские «особые отношения» при Д. Кэмероне / Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 5. С. 61-72.

²⁹⁶ Moshirzadeh H. Iranian Exceptionalism and US-Iran Relations (1979-2021) / H. Moshirzadeh, A. Nazifpour // Iranian Review of Foreign Affairs. 2023. Vol. 14. № 1. P. 1-22.; Hosseini H. Maximum Pressure on the Islamic Republic of Iran as Multi-Layered Hybrid Warfare: An American Narrative / H. Hosseini, A.M. Hadian Rasanani, S.M.K. Sajjadpour // Iranian Review of Foreign Affairs. 2021. Vol. 13. № 35. – P. 113-128.

²⁹⁷ Сафонов А.С. Указ. соч. С. 94-102.

²⁹⁸ Rahimi F.S. Iran-United States Relations after the Islamic Revolution: A Failure of Detente / F.S. Rahimi, F. Izadi // Iranian Review of Foreign Affairs. 2025. Vol. 16. № 1. P. e233877.

неполитических мероприятий. Политическая повестка при этом занимает второстепенное положение, хоть и используется для косвенного формирования проамериканской позиции в отношении глобальной повестки у британских читателей и в большой степени касательно вопросов двусторонних отношений, к примеру, касательно подписания экономического соглашения ТТІР.

Основным лейтмотивом публикаций посольства выступает выстраивание чувства единства между британскими и американскими гражданами, что могло быть реализовано как через исторические и ценностные нарративы, так и через экономические или исторические связи. Это позволяет не только информировать британских граждан, но и косвенно создать ощущение причастности и вовлеченности за счет высокого процента неполитического контента (выставок, концертов, мероприятий).

Таким образом, цифровая дипломатия служит важным инструментом в укреплении «особых отношений» между США и Великобританией. Она создает платформу для обмена идеями и культурным опытом, продвигает общие ценности и способствует формированию положительного имиджа Соединенных Штатов в глазах британской аудитории. В то же время это взаимодействие помогает углубить двусторонние связи и поддержать долгосрочное сотрудничество, что является стратегически важным для обеих стран, особенно в контексте современных вызовов²⁹⁹.

Цифровая дипломатия США в отношении Ирана реализуется в рамках противоположной стратегии. Аккаунт виртуального посольства в Иране изначально создан для поощрения антиправительственных выступлений, о чем говорят как публикуемый контент, так и время его создания – 14 февраля 2011 года (день начала протестов в Иране). То есть, несмотря на официально постулировавшиеся в Каирской речи и публичных выступлениях Б. Обамы намерения снять напряжение в отношениях между США и мусульманским

²⁹⁹ Мамедова А.О. Дискуссия в США и Великобритании о состоянии и перспективах особых отношений // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2018. Т. 10. № 2. С. 33-60.

миром³⁰⁰, а также «попытку начать новый диалог с Ираном, признание Ирана в качестве исламской республики в своих выступлениях»³⁰¹, в реальности американская администрация использовала ситуацию, создавшуюся в начале «арабской весны», для свержения действующей власти.

Публикации аккаунта не несут в себе цели сформировать позитивный образ США; напротив, весь нарратив построен на негативном образе Ирана, а также других «недружественных» США стран, к примеру Сирии. Хотя тон публикаций и менялся за исследованный период, переходя к более агрессивному, общий лейтмотив делегитимации иранского правительства, поддержки антиправительственных настроений и экономического давления сохранялся. При этом различался только тон публикаций.

Можно сказать, что цифровая дипломатия в отношении Ирана ориентировалась прежде всего на оппозиционно настроенную молодежь, а также использовалась как рупор для оказания давления на иранское правительство и его зарубежных партнеров, что можно увидеть и в крайне низком количестве неполитического контента. Таким образом, проведенный анализ подтверждает гипотезу об использовании цифровой дипломатии США для влияния на антиправительственные настроения в «недружественных странах», ранее подтверждавшуюся на примере других страновых кейсов, к примеру Венесуэлы³⁰².

На примере двух изученных аккаунтов можно проследить, что цифровая дипломатия может представлять собой два диаметрально противоположных инструмента в зависимости от целеполагания внешнеполитического ведомства и может служить как инструментом выстраивания диалога, так и инструментом ретрансляции давления на правительство и распространения антиправительственных и протестных настроений. Таким образом, можно выделить два основных вектора цифровой дипломатии – союзнический и

³⁰⁰ Сафонов А.С. Иранское направление в ближневосточной политике США в начальный период деятельности администрации Барака Обамы // Вестник МГПУ. 2020. № 3 (39). С. 85-91.

³⁰¹ Рогов С.М. Указ. соч. С. 8-10.

³⁰² Сытник А.Н. Цифровая дипломатия США в зеркале Больших данных... С. 192-203.

конфронтационный. При этом конфронтационный вектор Государственный департамент может придерживаться даже при официально заявленной попытке выстраивания диалога со страной пребывания.

Формирование союзнической и конфронтационной стратегии цифровой дипломатии США в период первой администрации Б. Обамы

Особенности цифровой дипломатии США по отношению к Великобритании и Ирану в первые годы администрации Б. Обамы демонстрировали заметные отличия. В случае Великобритании дипломатия фокусировалась на информировании о визитах руководителей, технических новостях для граждан, а также на позитивной глобальной повестке: климат, права человека, памятные даты.

В обеих странах наблюдается смещение новостной повестки в сторону освещения широкого спектра страновых сюжетов, но заметнее всего это на примере Великобритании, где за представленный период локальная повестка была не сформирована до такой степени, что среди политических тем наиболее популярной в 2010 году стали переговоры и подписание договора СНВ-III. То есть можно заметить, что на первом этапе цифровая дипломатия в отношении страны-союзника еще не имела определенной цели.

В аккаунте присутствовали сообщения технического характера, к примеру график работы посольства, сроки подачи документов для различных профильных министерств, а также сообщения о сроках обработки петиций, полученных в определенные даты (примерно 19% от общего числа сообщений). Объем данных сообщений постепенно уменьшался и к концу исследуемого периода мог достигать 15–20 сообщений в год.

В качестве характерных особенностей стратегии аккаунта можно отметить отсутствие взаимодействия с негативными сообщениями, будь то сообщения пользователей или британской прессы. Можно даже отметить, что это общепринятая практика американских посольств, отличающая их от российских, вступающих в прямой диалог с локальной прессой с целью разъяснения позиции

и работы с дезинформацией. То есть аккаунт был по большей части направлен на позитивное и нейтральное взаимодействие с пользователями.

В отношении Ирана цифровая дипломатия имела ярко выраженный пропагандистский и мобилизационный характер. Аккаунт виртуального посольства действовал с первых дней протестов; основная задача заключалась в распространении протестной повестки среди иранской молодежи, подчеркивалась поддержка выступлений в регионе, транслировались лозунги, непосредственно призывающие к разжиганию антиправительственных выступлений (например: «Обама: Вы должны возглавить перемены; вы не можете отставать»).

На основании первых публикаций можно сделать вывод, что целью создания аккаунта было побуждение жителей Ирана к повторению египетского революционного сценария. Данные материалы проводили параллель между волнениями в Иране и революцией в Египте, произошедшей за месяц ранее: «Египтяне = Тахрир... Иранцы = Азади... Свобода мирных собраний для всех» (*Egyptians = Tahrir, Iranians – Azadi. Freedom for all to assemble peacefully*). Данные сообщения содержали лозунги или отрывки из речей Б. Обамы и Х. Клинтон: «Обама: Вы должны возглавить перемены; вы не можете отставать» (*Obama: You must lead the change; you cannot lag behind*). Высокое содержание отрывков из прямых речей Б. Обамы делает стратегию ведения аккаунта аналогичной использованной в одном из наиболее изученных кейсов ранней цифровой дипломатии – *Digital Outreach Team* Государственного департамента.

То есть можно сказать, что в первые годы американские дипломаты реплицировали проекты, направленные на ретрансляцию американской позиции молодежи Ближнего Востока. Можно также отметить, что публикации содержали популярный среди революционно настроенной молодежи хештег #25Bahman, то есть Государственный департамент пытался встроиться в существующую протестную повестку. Однако, несмотря на попытки Государственного департамента, сообщения аккаунта не получали реакции пользователей социальной сети. Наиболее популярное сообщение в первый день протестов набрало 75 «репостов» и 26 «лайков»; позднее реакция стала единичной.

Подобная статистика вызывает потребность в дальнейшем изучении роли Государственного департамента и аффилированных с ним аккаунтов в событиях «Арабской весны» на примере различных страновых кейсов.

Использование англоязычных хештегов затрудняло коммуникацию с местной аудиторией; большинство публикаций имело сжатый формат и базировалось на репосте заявлений главы государства и Госдепа, как и в британском кейсе, однако акцент делался на мобилизационной (протестной) тематике, а не на информировании или двусторонних инициативах. Стратегия ограничивалась попытками стимулировать волнения и давление на правительство, причем реакция иранских пользователей оставалась слабой, а вовлеченность – минимальной.

В публикациях за 2011–2012 годы широко освещались протестные выступления во всех странах региона, наибольшее внимание было уделено Сирии. Данные публикации составляют 16% от общего числа публикаций (43% от публикаций об Иране). То есть Сирия занимает значительную часть новостной повестки. Учитывая контекст, в котором она упоминается: «Мы хотим, чтобы Сирия мирно перешла от диктатуры к демократии, но сирийское правительство явно этого не хочет» (*We want Syria to transition from dictatorship to democracy peacefully, but the Syrian government clearly does not want that*), можно сказать, что причиной формирования данной повестки было желание спровоцировать протесты в Иране за счет активной демонстрации поддержки протестующим в соседних странах.

Схожей тактики Государственный департамент придерживался при освещении событий в Ливии, хотя в отношении правительства Муаммара Каддафи использовалась более жесткая риторика: «Обама: Народу Ливии: Ваше мужество и характер перед лицом тиранического правителя были непоколебимы» (*Obama: To the Libyan people, your courage and character in the face of a tyrannical ruler were unwavering*). Таким образом, изначальным мотивом создания аккаунта Государственного департамента США на персидском языке было побуждение граждан Ирана к антиправительственным выступлениям и оказание давления на

иранское правительство. Однако даже несмотря на ресурсы Государственного департамента, цель добиться значительного вовлечения пользователей социальной сети Twitter не была достигнута.

Таким образом, цифровая дипломатия США в отношении Великобритании носила информирующий и нейтральный характер, а в отношении Ирана – явный вектор на протестную мобилизацию и ослабление правительства, что проявлялось как в тематических приоритетах, так и в выборе технических и коммуникативных инструментов.

Цифровая дипломатия как площадка сотрудничества и инструмент принуждения в период второй администрации Б. Обамы

Во время второй администрации Б. Обамы тематическое наполнение публикаций в отношении обеих стран стало приобретать более адресный характер. В случае с Великобританией основным лейтмотивом публикаций стала значимость экономических связей между странами ввиду переговоров по подписанию соглашения ТТІР, из-за чего большой объем публикаций был посвящен экономическим выгодам, которые должен получить рядовой британец в результате подписания соглашения. То есть можно говорить о полноценной информационной кампании на базе посольства, направленной на подготовку общественного мнения. Можно сказать, что цифровая дипломатия США стала инструментом в продвижении американских бизнес-интересов.

В представленный период можно отметить определенный сдвиг в выстраивании новостной повестки. С 2014 года можно заметить превалирование локальной британской повестки над страновыми топиками других регионов; ее составляющая возросла до $\approx 27\%$. В эти публикации вошли сообщения о мероприятиях посольства и встречах.

Расширение локальной повестки прежде всего нашло свое отражение в продвижении интересов американского бизнеса в Великобритании. Хештег #SelectUSA использовался с целью повышения узнаваемости американских брендов в Великобритании, в то время как ряд хештегов стал применяться для освещения повестки двусторонних отношений.

Экономическая повестка прежде всего вышла на первый план за счет масштабного освещения подготовки соглашения о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП). Как пишет российская исследовательница А.О. Мамедова: «Несмотря на то, что правительство Д. Кэмерона выступило сторонником ТТИП, в обществе появились опасения, что после заключения соглашения крупные корпорации получат возможность оказывать влияние в сфере общественных услуг, например, здравоохранении, и пострадают права трудящихся, охрана окружающей среды и стандарты безопасности пищевых продуктов»³⁰³.

Ввиду этого основная масса сообщений экономической тематики была направлена прежде всего на ослабление данных опасений у британской общественности. Публикации делились на две группы:

1) продвигающие идею соглашения как выгодную для рядового гражданина инициативу, к примеру: «американская и европейская торговля поддерживает около 13 миллионов рабочих мест по обеим сторонам Атлантики» (*EU&US trade supports around 13 million jobs on both sides of the Atlantic TTIP*);

2) освещающие программы и мероприятия по поддержке европейских предпринимателей или двусторонней торговли с Великобританией.

В общую тенденцию продвижения американского производства укладывалось освещение проектов Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства (NASA), которое могло использоваться для продвижения образа Соединенных Штатов как лидера в научной, экономической и технологической сферах.

Климатическая повестка, в свою очередь, состояла либо из сообщений-слоганов, к примеру: «Успех усилий по борьбе с изменением климата потребует активного лидерства и участия всего мира» (*Success in this climatechange effort will require active leadership & participation from everyone around the world*), либо из освещения тематических встреч и речей первых лиц в рамках Конференции ООН по изменению климата (COP) и менее масштабных мероприятий, что отражало

³⁰³ Мамедова А.О. Указ. соч. С. 208-225.

роль экологической повестки как одного из основных направлений во внешней политике Обамы³⁰⁴.

Гуманитарная деятельность, в свою очередь, освещалась в материалах значительно реже, как и проекты Агентства США по международному развитию (USAID). В среднем USAID упоминается в публикациях примерно в 9 раз реже NASA. Это может быть как сознательной стратегией, так и отсутствием налаженных каналов коммуникации между агентствами или межведомственной конкуренцией. Что бы ни являлось причиной, гуманитарная деятельность не стала важным элементом при построении имиджа США в Великобритании.

Важной стратегией цифровой дипломатии США в отношении Великобритании стало создание единого восприятия угроз, что способствовало укреплению союзнических связей через противопоставление общим противникам. В период второй администрации Б. Обамы американская дипломатия активно формировала негативный образ трех основных акторов международной арены: террористической организации ИГИЛ, правительства Сирии и России. Эти три актора представлялись британской аудитории как источник дестабилизации международного порядка, требующий совместного противодействия со стороны трансатлантических партнеров.*

Именно во время второй администрации Б. Обамы можно отметить значительно возросшую роль темы терроризма среди изученных публикаций, прежде всего речь идет об организации «Исламское государство»*. Чаше всего она упоминалась в контексте призыва к кооперации в борьбе с терроризмом: *«ISIL is the face of evil! Our goal is to degrade and ultimately destroy this barbaric terrorist organization».*

При освещении событий в Сирии выделяется несколько характерных особенностей. Во-первых, в отношении правительства Сирии применяется формулировка «режим Асада» (*Assad regime*), за счет чего формируется негативная коннотация в отношении сирийского правительства у британской

³⁰⁴ Трофимова Ю.В Указ. соч. С. 55-60.

* Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

* Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

аудитории. Также негативная окраска придается военной операции России в Сирии, в отношении которой применяются формулировки: «ошибочная стратегия» (*flawed strategy*), «российская стратегия только обострит ситуацию и подольет масла в огонь гражданской войны в Сирии» (*Russian strategy will only inflame the situation and pour gasoline on the civil war in Syria*).

Россия стала второй страной, стабильно представленной в новостной повестке. Все публикации, посвященные России, затрагивали либо возвращение Крыма в состав Российской Федерации, либо военную операцию ВКС РФ в Сирии. При этом в отношении крымского референдума использовались формулировки «крымские сепаратисты» и «оккупация Крыма» (*Russian occupation of Crimea*), что также должно формировать негативную коннотацию у британских читателей. Повышенное внимание к ИГИЛ*, Сирии и России наблюдалось на фоне сокращения прочих тем региональной повестки. Среди хештегов прекратилось систематическое использование хештегов, связанных с Ливией, Сирией, Египтом, Бахрейном.

Противоположной была стратегия второй администрации Б. Обамы в отношении Ирана. Попытки разжечь иранские протесты при помощи социальных сетей показали свою неэффективность. Поэтому основной целью второй администрации Б. Обамы стало давление на иранское правительство и принуждение его к участию в ядерной сделке.

Прежде всего в публикациях нашел отражение общий вектор экономической направленности политики второй администрации. Экономическое давление нашло свое отражение и в материалах посольства США в Иране. Данные материалы содержали в себе угрозы по ужесточению санкций в случае отказа Ирана от переговоров: «Мы ужесточаем давление каждую неделю и каждый месяц. Санкции возымели эффект» (*We are increasing the pressure every*

* Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

week and every month. Sanctions have had an effect)³⁰⁵, а также возложение ответственности за их последствия на правительство Ирана.

Вторым инструментом давления на правительство Ирана стала правовая повестка: «Мы продолжаем выражать поддержку Хусейну Ронахи и всем политическим заключенным в Иране» (*We continue to express our support for Hossein #Ronaghi and all political prisoners in #Iran*)³⁰⁶. Тема прав человека и политических заключенных в данный период достигает своего пика за весь изученный период в 2014 году, что также могло быть определенным инструментом давления на правительство Ирана.

Таким образом, цифровая дипломатия США в период второй администрации Б. Обамы сменила свой вектор с поддержки антиправительственных выступлений на обвинения правительства в нарушении прав человека и экономическое давление в преддверии переговоров по иранской ядерной программе. При этом аккаунт по большей части представляет собой замкнутую эхо-камеру, в рамках которой редко происходит взаимодействие с неаффилированными пользователями социальной сети, что значительно снижает эффективность воздействия на массовую аудиторию.

Цифровая дипломатия США во время второй администрации Б. Обамы трансформировалась из инструмента трансляции официальной риторики в площадку, позволяющую сочетать коммуникацию и сотрудничество с партнерами, с одной стороны, и инструмент политического и экономического принуждения по отношению к стратегическим противникам – с другой стороны. Анализ публикаций посольств США в Великобритании и виртуального аккаунта в Иране в период 2013–2016 гг. выявил две ключевые функции, которые цифровая дипломатия выполняла одновременно: формирование благоприятного общественного мнения за рубежом и оказание давления на правительства, чьи действия расходились с приоритетами Вашингтона.

³⁰⁵ سخنگو #نولند در نشست روزانه با خبرنگاران: ما هر هفته و هرمه فشارها را افزایش می دهیم. تحریم ها اثر داشته اند #StateDept #Iran.

³⁰⁶ @State_DRL #Iran ما همچنان حمایتمان را از حسین #رونقی او و همه زندانیان سیاسی در #ایران ابراز می داریم #HumanRights.

В отношениях с Великобританией цифровая дипломатия явилась площадкой для подготовки общественного мнения под предстоящие переговоры по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству (ТТИР). Цифровая дипломатия также активно задействовалась для укрепления трансатлантических военно-политических связей через создание единого образа угрозы.

В отношении Ирана цифровая дипломатия сместила акцент с поддержки иранских протестов на правовое и экономическое давление. Донесение этих сообщений посредством цифровых каналов дополняло классические дипломатические и санкционные инструменты, превращая соцсети в мягкую площадку для принуждения.

Применительно к Великобритании наблюдалась диалоговая модель: аккаунт предлагал информацию о консульских услугах, приглашал к участию в конкурсах пользовательского контента (#MyUStravel) и обеспечивал обратную связь по визовым запросам. В иранском направлении, напротив, сохранялась односторонняя ретрансляция официальных позиций без реального вовлечения аудитории, что снижало воздействие подобных сообщений на внутренний общественный дискурс Ирана.

Период второй администрации Обамы показал, что цифровая дипломатия вышла за рамки просто дополнительного канала распространения информации. Она стала важным элементом комплексной стратегии, объединяющей политическое, экономическое и идеологическое давление с активным формированием позитивных нарративов на стороне союзников. Это открыло новые возможности для быстрой мобилизации общественного мнения.

Таким образом, цифровая дипломатия в период 2013–2016 гг. сочетала функции сотрудничества (продвижение экономических интересов США, создание положительного образа трансатлантического партнерства, консульская поддержка) и принуждения (санкционное давление, права человека, формирование образа «врагов»). Оба направления в равной мере использовались для достижения внешнеполитических целей, демонстрируя, что социальные сети

стали серьезным многофункциональным инструментом в арсенале современной дипломатии США.

Историческое единство и максимальное сдерживание первой администрации Д. Трампа

Цифровая дипломатия администрации Д. Трампа во многом стала прямым продолжением его предвыборной риторики; можно даже отметить, что различия в формировании новостной повестки для «союзника» и «противника» стали еще более ярко выраженными, чем за предыдущие администрации. Это может быть как следствием риторики самой администрации, так и общей тенденции к радикализации политических дискурсов в сети³⁰⁷.

В случае с Великобританией на смену экономического сотрудничества пришел нарратив исторического и культурного единства. Если за время предыдущих администраций публикации, посвященные Второй мировой войне, не встречались, то при Д. Трампе они входили в топ популярности за несколько месяцев 2017 г. Более того, освещение Второй мировой войны опиралось именно на совместную историческую память США и Великобритании; не случайным было использование хештегов #FieldsOfBattle и #SidebySide.

Особенно это стало заметно в 2019 году, когда 14,5% от всех публикаций аккаунта было посвящено Второй мировой войне. Можно даже заметить, что данная тема использовалась для выстраивания нарратива совместной исторической памяти, т.к. рассматривалась не просто Вторая мировая война, а в основном совместные военные операции, такие как высадка американских войск в Нормандии (D-Day) или операция «Тигр» (*Exercise Tiger*). Можно сказать, что данная тема в какой-то степени заменила идею экономического сотрудничества, преваляровавшую у предыдущей администрации.

Военная тематика в целом стала важной составляющей цифровой дипломатии данного периода. Широкое освещение вручения военных наград, благодарность различным родам войск за службу кардинально отличало

³⁰⁷ Zuckerman E. Digital Cosmopolitans: Why We Think the Internet Connects Us, Why It Doesn't, and How to Rewire It. Digital Cosmopolitans. Erscheinungsort nicht ermittelbar: W.W. Norton & Company, Incorporated, 2013.

цифровую дипломатию этого периода от предыдущей администрации и соответствовало общему вектору нарративов, выстраиваемых Республиканской партией.

В свою очередь, климатическая и экологическая повестки не фигурировали среди популярных тематик публикаций посольства, что также служит отражением ухода данных тем на второй план для администрации Д. Трампа³⁰⁸.

Другие государства системно не фигурировали в аккаунте посольства в Великобритании. Исключением можно назвать широкий интерес к Ирану и России в 2018 году. В публикациях выстраивался крайне негативный образ Ирана как «корруптированного режима», «спонсора терроризма». К примеру: «Министерство финансов США наложило санкции на обширную финансовую сеть, поддерживающую отвратительную практику иранского режима по использованию детей-солдат» (*The @USTreasury has sanctioned a vast financial network supporting the Iran regime's despicable practice of using child soldiers*).

Интерес к России, в свою очередь, был обусловлен «делом Скрипалей». Можно сказать, что широкий интерес к нему был прежде всего обусловлен его британской локализацией. В целом можно отметить, что, несмотря на то что количество публикаций, посвященных России, постепенно снизилось до нуля в 2020 году, риторика в ее отношении в целом сохранила негативную коннотацию. К примеру, ответственность за выход США из Договора о РСМД возлагалась на Россию: «США выйдет из Договора о РСМД в ответ на длительное нарушение Россией своих обязательств по Договору» (*US would exit the INF Treaty in response to Russia's longstanding violation of its obligations under the Treaty*).

Цифровая дипломатия в отношении Ирана приобрела более радикальный характер. Характер публикаций виртуального посольства в Иране стал более агрессивным, что стало отражением объявленной Трампом политики «максимального давления» на иранское правительство. Помимо сохранившихся нарративов (нарушение прав человека, заключение под стражу гражданских

³⁰⁸ Хлопов О.А. Указ. соч. С. 509-520.

активистов) появилось несколько новых сюжетов: коррупция и спонсирование терроризма.

Особое значение приобрел нарратив спонсирования терроризма. В публикациях фигурировала формулировка «государство-спонсор терроризма», побороть который могут только Соединенные Штаты: «Соединенные Штаты никогда не позволят крупнейшему в мире государству-спонсору терроризма получить самое смертоносное оружие в мире – и да, мы можем и будем это предотвратить» (*The United States will never allow the world's largest state sponsor of terrorism to obtain the world's deadliest weapon – and yes, we can and will prevent it*)³⁰⁹.

Параллельно с этим была запущена информационная кампания «40 лет провала», в рамках которой иранское правительство критиковалось за разрушение иранской экономики и низкое благосостояние граждан: «40 лет спустя коррумпированный иранский режим разрушил экономику страны, проявил неуважение к исконному наследию Ирана и принес лишь 40 лет провала» (*40 years later, the corrupt Iranian regime has destroyed the country's economy, disrespected Iran's original heritage, and has only brought #40yearsoffailure*)³¹⁰.

Также к правительству Х. Рухани стали применяться более агрессивные формулировки: «коррумпированный режим», «религиозная мафия»: «Иранский режим – это коррумпированный режим с коррумпированными лидерами и для коррумпированных людей» (*The #Iran regime is a corrupt regime, with corrupt leaders, and for corrupt individuals*)³¹¹. Применялись данные формулировки также адресно по отношению к государственным деятелям; для этой цели использовался хештег «#Лица_коррупции_иранского_режима» (*#Faces_of_Corruption_of_the_Iranian_Regime – Mahmoud Bahmani*)³¹².

³⁰⁹ ایالات متحده هرگز به بزرگترین حامی تروریسم در جهان اجازه دستیابی به مرگبارترین سلاح جهان را نخواهد داد – و آری، ما می توانیم از این امر جلوگیری کنیم و خواهیم کرد.

³¹⁰ در سال ۱۳۵۷ آیت الله #خمينی به #مردم ایران وعده رفاه مادی و معنوی را داد. ۴۰ سال بعد، رژیم فاسد ایران #اقتصاد کشور را نابود کرده، به میراث اصیل ایران بی حرمتی کرده و تنها موجب #چهل سال شکست شده است.

³¹¹ رژیم #ایران یک رژیم فاسد، با صاحبان فاسد، و برای افراد فاسد است. تا زمانی که با سپاه زد و بند داشته باشید، می توانید از نتیجه هر عمل فاسدی فرار کنید. ایران باید اکنون تمام زندانیان سیاسی را آزاد کند نه فقط مجرمان آقا زاده را.

³¹² چهره های فساد رژیم ایران – محمود بهمنی #

Все упомянутые выше сюжеты логично продолжались публикациями об усилении санкционного режима, которые приобрели более жесткий и декларативный характер: «Наше послание ясно: если вы торгуете с иранскими распространителями оружия, вы рискуете попасть под санкции США» (*Our message is clear: If you deal with Iranian weapons proliferators, you expose yourself to the risk of U.S. sanctions*)³¹³.

Таким образом, публикации посольства стали отражением общей риторики администрации Д. Трампа, усилившей давление на иранское правительство. Темы разрушения и коррумпированности иранской экономики стали ядром информационной повестки и, наряду с традиционными для предыдущих администраций обвинениями в нарушении прав человека, должны были оказать давление на иранское правительство.

Эффективность и факторы формирования цифровой дипломатии США

На примере цифровой дипломатии США в отношении Великобритании и Ирана можно видеть, что цифровая дипломатия может играть роль как инструмента налаживания диалога со страной пребывания, так и инструмента информационной войны, направленного на дестабилизацию внутривнутриполитической ситуации, разжигание антиправительственных выступлений и оказание давления на внешних партнеров.

Несмотря на все более негативную риторику в отношении Ирана, на данном этапе сложно говорить о ее эффективности по ряду причин. Во-первых, первоначальную цель аккаунта — разжигание и координацию антиправительственных выступлений — можно назвать недостигнутой, т.к. аккаунту не удалось встроиться в антиправительственную повестку, о чем свидетельствуют крайне низкие реакции на публикации того периода. Во-вторых, реакция аудитории на публикации аккаунта по-прежнему носит хаотичный характер, то есть сложно выделить тематику, которая стабильно вызывала бы ее отклик. В-третьих, аккаунт представляет собой эхо-камеру с крайне низким

³¹³ پیام ما آشکار است: اگر با گسترش دهندگان ایرانی تسلیحات معامله کنید، خود را در معرض خطر تحریم های آمریکا قرار می دهید.

уровнем взаимодействия с пользователями сети, а имеющиеся упоминания и взаимодействия чаще происходят с аффилированными аккаунтами или гражданскими активистами, территориальная принадлежность которых остается под вопросом.

Неэффективность американских усилий по дестабилизации политической ситуации в Иране внушает определенный оптимизм, т.к., во-первых, позволяет проанализировать американский опыт для дальнейшего применения в российской практике цифровой дипломатии; во-вторых, показывает, что даже в условиях доминирования американских цифровых гигантов государство может противостоять информационным атакам со стороны США; и, в-третьих, цифровая дипломатия США в отношении Ирана продемонстрировала несовершенство работы американской «пропагандистской машины».

В этих условиях цифровая дипломатия США в отношении своего союзника кажется намного более эффективной, т.к. позволила сформировать нарратив единства между двумя странами. Причины этого единства могли быть разными в зависимости от целей, поставленных текущей администрацией, будь то экономическое сотрудничество или совместная историческая память Второй мировой войны. Успеху аккаунта способствовал и более высокий уровень взаимодействия с пользователями социальной сети.

В качестве одного из важнейших факторов успеха данного аккаунта, на наш взгляд, можно назвать личность послов США в Великобритании. Качество новостной повестки значительно повысилось со второй администрации Б. Обамы, когда должность посла занял Мэтью Барзун, занимавшийся до этого руководством технологического новостного медиа CNET Networks, а также принимавший активное участие в разработке предвыборной стратегии Б. Обамы³¹⁴. Успех Барзуна продолжил его преемник Роберт Вуд Джонсон – также американский предприниматель и собственник американской футбольной команды New York Jets.

³¹⁴ Plouffe D. The audacity to win: the inside story and lessons of Barack Obama's historic victory. The audacity to win. New York: Viking, 2009. 400 p.

Таким образом, мы можем провести параллель между успешностью посольства в информационной среде и навыками работы с информацией посла, что подтверждает и российский опыт. Не случайно в одном из самых известных кейсов успешных российских посольств также основную роль сыграл А.В. Яковенко, чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации в Великобритании с 2009 по 2011 г.

Таким образом, можно сделать вывод о первостепенности человеческого фактора, или кадрового вопроса, при разработке успешной стратегии цифровой дипломатии. Это вновь выдвигает на первый план вопрос о подготовке кадров для работы с информацией и информационными кампаниями во внешнеполитических ведомствах.

Таким образом, можно заключить, что цифровая дипломатия представляет собой мощный инструмент, который при подборе корректной стратегии может оказывать влияние на зарубежную аудиторию; однако даже на примере США можно видеть, что подбор эффективной стратегии является куда более сложной и узкопрофильной задачей, нежели простое размещение речей первых лиц в социальных сетях.

Вывод по главе

В ходе анализа эмпирического материала показано, что цифровая дипломатия США в отношении Великобритании и Ирана развивается нелинейно и тесно зависит от сочетания технологических условий, институциональных параметров и политических приоритетов конкретных администраций. Цифровые каналы выступают не универсальным, а дифференцированным инструментом: в случае союзника (Великобритания) они служат площадкой для консульской поддержки, культурного и экономического взаимодействия и формирования образа «исторического» и ценностного единства, тогда как в отношении Ирана цифровая дипломатия используется преимущественно как канал давления – от попыток протестной мобилизации до экономического и правового принуждения. Это позволяет говорить о выделении двух устойчивых векторов цифровой дипломатии США – союзнического и конфронтационного, реализуемых в рамках одного и того же институционального аппарата, но с различным целеполаганием и набором инструментов.

Эволюция цифровой дипломатии при администрациях Б. Обамы и Д. Трампа демонстрирует переход от ранней фазы, когда аккаунты посольств выполняли в основном функции ретрансляции речи первых лиц и публикации технической информации, к более сложным моделям коммуникации. В период первой администрации Б. Обамы цифровая дипломатия посольства США в Великобритании и виртуального посольства в Иране характеризовалась низкой вовлечённостью аудитории, слабой локализацией контента и опорой на личный бренд президента и государственного секретаря, что свидетельствует о доминировании подхода «сверху» и отсутствии устойчивой корпоративной культуры цифровой коммуникации. Попытки встроиться в протестную повестку в Иране через использование тематических хештегов и англоязычных слоганов показали ограниченную эффективность и не привели к формированию устойчивой аудитории, что подчеркнуло слабость ранних мобилизационных стратегий.

На втором этапе, во время второй администрации Б. Обамы, выявляется качественный сдвиг в сторону децентрализации цифровой дипломатии и усиления независимости посольств. В отношении Великобритании возрастает роль посла как медиаперсоны, развивается локальная повестка, запускаются кампании по генерации пользовательского контента (#myustravel), усиливается консульская составляющая, а цифровая дипломатия становится инструментом подготовки общественного мнения к экономическим инициативам, в том числе к переговорам по ТТИП. В иранском направлении происходит переход от прямой протестной риторики к более комплексной стратегии давления, основанной на сочетании санкционного, правозащитного и нарративного компонентов: акцент делается на теме санкций, прав человека и политических заключённых, что превращает цифровые каналы в дополнение к традиционным инструментам давления, хотя их эффективность остаётся ограниченной из-за «эхо-камерного» характера аккаунта и низкого уровня взаимодействия с неаффилированной аудиторией.

Период администрации Д. Трампа показал возможность институционального отката цифровой дипломатии при сохранении высокой цифровой активности политического лидера в личных аккаунтах. На уровне официальных дипломатических каналов фиксируется трёхкратное сокращение публикационной активности посольства в Великобритании, исчезновение фигуры президента из контента и замещение заявлений высших должностных лиц ремарками пресс-секретаря Госдепартамента, что свидетельствует о снижении статуса цифровой дипломатии как инструмента внешней политики. В то же время в союзническом направлении усиливается эксплуатация нарратива совместной исторической памяти (особенно темы Второй мировой войны) и военной повестки, что позволяет поддерживать образ «особых отношений» даже при снижении внимания к экономическим и климатическим вопросам. В отношении Ирана, напротив, усиливается риторика «максимального давления»: вводятся новые нарративы (коррупция, спонсирование терроризма, «40 лет провала»), ужесточается санкционная риторика, а цифровые каналы используются для

легитимации жёсткой политики администрации Трампа, хотя вовлечённость аудитории остаётся низкой.

Сравнение союзнического и конфронтационного векторов цифровой дипломатии США позволяет выявить принципиальные различия в целевой аудитории, тематике и коммуникативных моделях. В отношении Великобритании цифровая дипломатия ориентирована на широкую публику, сочетает консульскую, культурную и информационную функции, активно использует неполитический контент и элементы диалоговой коммуникации, что способствует укреплению положительного образа США и формированию чувства общности. В иранском направлении доминирует политизированный и идеологизированный контент, нацеленный на оппозиционно настроённую молодёжь и международную аудиторию, при этом взаимодействие с пользователями минимально, а аккаунт функционирует как односторонний канал транслирования официальных позиций и давления на правительство. Тем самым иллюстрируется, что одни и те же цифровые инструменты могут использоваться как для углубления сотрудничества, так и в качестве элемента информационного противоборства, в зависимости от статуса государства в американской внешнеполитической иерархии.

Особое значение в главе придаётся человеческому фактору и компетенциям дипломатического корпуса. Успех аккаунта посольства США в Великобритании связывается, в том числе, с профессиональным опытом послов, обладающих навыками работы с информационными технологиями и медиа-средой, что позволяет проводить параллели с российским опытом и подчёркивает важность специализированной подготовки кадров для цифровой дипломатии. Одновременно показано, что даже при наличии развитой инфраструктуры и технологических ресурсов цифровая дипломатия не гарантирует достижения поставленных целей: эффективность стратегий зависит от степени локализации контента, понимания логики социальных сетей и готовности задействовать диалоговые форматы, особенно в конфронтационных направлениях. Тем самым цифровая дипломатия предстает как высокопотенциальный, но требующий

тонкой настройки инструмент, успех которого определяется не только институциональными и технологическими рамками, но и качеством принимаемых стратегических решений и кадровым обеспечением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнительный анализ цифровой дипломатии США в отношении Великобритании и Ирана в период администраций Б. Обамы и Д. Трампа свидетельствует о том, что стратегии и инструменты онлайн-коммуникации в значительной мере определяются статусом государства-адресата во внешнеполитической иерархии президентской администрации, а не только технологическими возможностями дипломатических ведомств или их корпоративной культурой. Цифровая дипломатия выступает не универсальным, а дифференцированным инструментом: её конфигурация, тематические приоритеты и коммуникационная модель существенно варьируются в зависимости от того, является ли государство-реципиент стратегическим союзником или противником. Полученные данные подтверждают рабочую гипотезу: в отношении союзника преобладает кооперативный и инклюзивный подход с опорой на культурные, исторические нарративы и открытую коммуникацию с пользователями, тогда как в отношении противника доминируют конфронтационные тактики – от протестной мобилизации до информационного и санкционного давления с опорой на аффилированные с американским правительством аккаунты.

На теоретико-понятийном уровне исследование зафиксировало, что поле изучения цифровой дипломатии по-прежнему находится в состоянии терминологической фрагментации, обусловленной стремительным развитием цифровых технологий, частой сменой платформ коммуникации и некритическим заимствованием категорий из ведомственных документов в академический дискурс. Параллельное существование таких конструкций, как «виртуальная дипломатия», «публичная дипломатия 2.0», «кибердипломатия», «дата-дипломатия», не привело к формированию единой концептуальной рамки, поскольку значительная часть этих терминов либо вышла из употребления, либо оказалась встроена сразу в несколько конкурирующих исследовательских

традиций. Из всего массива предложенных понятий устойчивость сохранили преимущественно «цифровая дипломатия» и «кибердипломатия», которые в итоге закрепились в официальных документах ООН и Государственного департамента США в качестве нормативных категорий с разграниченным предметным содержанием.

В диссертации предложено рабочее определение цифровой дипломатии: «использование цифровых технологий дипломатическими ведомствами в целях коммуникации с зарубежной аудиторией, формирования общественного мнения за рубежом и продвижения внешнеполитических интересов государства». Данное определение трактует это явление как зонтичную категорию, охватывающую как «классическую», так и публичную дипломатию, тогда как кибердипломатия рассматривается в качестве самостоятельного направления – участия дипломатов в переговорной повестке по вопросам киберпространства и кибербезопасности. Предложенное разграничение созвучно классификации В. Дизарда, однако актуализирует её применительно к новым исследовательским реалиям и обеспечивает методологическую операционализацию понятия для нужд эмпирического анализа.

Систематизация эволюции терминологического аппарата Государственного департамента США показала, что для раннего этапа (конец 1990-х – начало 2000-х годов) характерно параллельное существование двух логик: технической – в рамках Бюро по управлению информационными ресурсами с понятием «электронная дипломатия», – и коммуникативной, опиравшейся на концепцию «новой дипломатии» в структурах публичной дипломатии. Начиная с 2011 г., с публикацией стратегического плана по информационным технологиям, понятие «цифровая дипломатия» приобрело официальный статус и стало точкой отсчёта для последующих исследований. Предложенная в диссертации авторская периодизация выделяет три этапа: этап становления инфраструктуры, этап системного внедрения социальных сетей при администрации Б. Обамы, этап переориентации при администрации Д. Трампа, характеризующийся нарастанием логики информационного противостояния, – при этом каждый из этапов

отличается доминирующей технологией и соответствующими институциональными преобразованиями в Государственном департаменте.

В методологическом отношении в диссертации обосновано применение смешанного подхода к анализу 30 015 публикаций в Twitter, сочетающего хештег-анализ, анализ вовлечённости аудитории по метрике ER, тематическое моделирование на основе иерархической кластеризации, а также количественный и качественный контент-анализ. Выбор иерархической кластеризации как метода тематического моделирования вместо стандартных подходов LDA и LSI обоснован её превосходящей эффективностью при работе с короткими твитами раннего периода. Многоцикличная процедура кластеризации с последовательным выделением и переработкой крупных «технических» кластеров позволила сохранить интерпретируемость результатов при работе с массивом данных значительного объёма и выявить ряд тематических направлений, прежде не отмечавшихся в литературе о цифровой дипломатии, – в частности, «космическую» тематику в контексте конструирования образа США как научного и технологического лидера.

Эмпирический анализ эволюции цифровой дипломатии США как коммуникативного инструмента выявил её нелинейный и институционально зависимый характер. В период первой администрации Б. Обамы цифровая дипломатия функционировала преимущественно как ретранслятор официальной риторики президента и государственного секретаря; посольства обладали минимальной самостоятельностью в установлении повестки, а вовлечённость аудитории была крайне низкой, что свидетельствует о неустоявшейся корпоративной культуре цифровой коммуникации. Вторая администрация Б. Обамы ознаменовалась качественным переходом к децентрализованной модели: возросла независимость посольств и роль послов как медиаперсон, были запущены кампании по генерации пользовательского контента, повысилась локализация и адресность публикаций; цифровая дипломатия трансформировалась в инструмент управления общественным мнением и поддержки конкретных внешнеполитических инициатив. Период администрации

Д. Трамп в институциональном измерении оказался регрессивным: публикационная активность официальных аккаунтов сократилась втрое, фигура президента полностью исчезла из контента посольств, заявления высших должностных лиц уступили место ремаркам пресс-секретаря Государственного департамента. Данная тенденция объясняется опорой Трампа на личные аккаунты в социальных сетях для прямой коммуникации с пользователями, что спровоцировало парадокс: интенсивная персонализированная цифровая дипломатия Д. Трампа сочеталась с деградацией институциональной цифровой дипломатии США как таковой.

Сравнительный анализ цифровой дипломатии в отношении Великобритании и Ирана позволил разграничить два устойчивых и принципиально различных вектора её реализации. В союзническом направлении аккаунт посольства США в Великобритании сочетал консульскую, культурную и информационную функции; значительная доля неполитического контента создавала ощущение причастности и общности интересов, тогда как политические сюжеты встраивались в нарратив «особых отношений» и формирования совместного восприятия угроз. На отдельных этапах цифровая дипломатия выступала инструментом информационного сопровождения конкретных переговорных процессов – в первую очередь подготовки к подписанию ТТИП, – что придавало ей функцию управления общественным мнением союзника в интересах американских внешнеполитических и экономических инициатив.

В конфронтационном направлении аккаунт виртуального посольства США в Иране создавался в контексте «арабской весны» и изначально был нацелен на поддержку антиправительственных выступлений и побуждение иранских граждан к повторению египетского революционного сценария. В период второй администрации Б. Обамы стратегия была скорректирована: вместо прямой протестной мобилизации ставка была сделана на санкционное и правозащитное давление, апеллирующее к теме политических заключённых и нарушений прав человека в качестве инструментов принуждения иранского руководства к переговорам по ядерной программе. С приходом администрации Д. Трампа

тональность ужесточилась: политика «максимального давления» нашла непосредственное отражение в контенте виртуального посольства, вводя в оборот нарративы о коррупции, спонсировании терроризма и «40 годах провала» иранского правительства. При этом на протяжении всего исследуемого периода аккаунт функционировал преимущественно как «эхо-камера»: взаимодействие с неаффилированными пользователями оставалось минимальным, а вовлечённость аудитории – низкой, что свидетельствует об ограниченной эффективности подобной стратегии на уровне прямого воздействия на иранское общество.

Совокупность полученных результатов позволяет говорить о том, что цифровая дипломатия США представляет собой дифференцированный инструмент, чья конфигурация в значительной мере определяется статусом государства-адресата во внешнеполитической иерархии Вашингтона. Тезис о том, что цифровая дипломатия в целом эволюционирует в сторону диалоговой модели, справедлив лишь в отношении союзнических направлений; применительно к государствам-противникам доминирует односторонняя, монологическая коммуникация с выраженной пропагандистской и принудительной составляющей.

Перспективы дальнейших исследований связаны прежде всего с расширением платформенного охвата. К примеру, исследования Facebook*, Instagram*, YouTube и национальных социальных сетей позволит верифицировать выявленные закономерности за пределами Twitter и восполнить неизбежные ограничения, обусловленные спецификой одной платформы. Актуальным направлением представляется и углублённое изучение влияния аналитики больших данных и искусственного интеллекта на практики цифровой дипломатии с учётом институционального оформления новых категорий («дипломатия, основанная на данных», «ИИ-дипломатия»). Также открытым остается вопрос об оценке эффективности цифровой дипломатии. Несмотря на попытки

* Здесь и далее. Деятельность Meta Inc. запрещена на территории Российской Федерации и признана экстремистской с 21 марта 2022 г.

* Здесь и далее. Деятельность Meta Inc. запрещена на территории Российской Федерации и признана экстремистской с 21 марта 2022 г.

российских ³¹⁵ и американских ³¹⁶ исследователей выработать собственные показатели ее эффективности, большая их часть строится на основе количественных показателей подписчиков, вовлечённости и т.д. Наконец, важной исследовательской задачей остаётся анализ взаимодействия цифровых каналов с традиционными инструментами дипломатии и медийного пространства в условиях длительных политических и информационных кризисов, что позволит полнее оценить устойчивость и пределы эффективности цифровых стратегий как самостоятельного инструмента внешней политики

³¹⁵ Базлуцкая М.М. Вовлеченность аудитории.... С. 48–82.

³¹⁶ Fialho L.P., Wallin M. Reaching for an Audience: U.S. Public Diplomacy Towards Iran. Washington, DC: American Security Project, 2013. 13 p.

БИБЛИОГРАФИЯ

Официальные документы и источники

1. «Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии / под ред. Е.С. Зиновьевой. – Москва : МГИМО-Университет, 2024. – 256 с.
2. Шакиров, О.И. Открытые данные в дипломатии: Россия в контексте международного опыта / О.И. Шакиров, Д.Б. Соловьев, М.О. Комин // Открытые данные в дипломатии. – Москва : Центр перспективных управленческих решений, 2021. – Т. 7, № 7. – С. 5–28.
3. 2015 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. – United States Advisory Commission on Public Diplomacy, 2016.
4. A New Diplomacy for the Information Age. – United States Advisory Commission on Public Diplomacy, 1996.
5. Annual Report: «Diplomacy in the Information Age». – United States Advisory Commission on Public Diplomacy, 1993.
6. Bjola, C. Diplomacy in the Age of Artificial Intelligence / C. Bjola. – Abu Dhabi : Emirates Diplomatic Academy, 2020. – (EDA Working Paper). – 28 p.
7. Burt, R. Reinventing Diplomacy in the Information Age: A Report of the CSIS Advisory Panel on Diplomacy in the Information Age / R. Burt, O. Robinson, B. Fulton. – Washington, DC : Center for Strategic and International Studies (CSIS), 1998. – 144 p.
8. Cyber Diplomacy Act of 2021. – Senate Of The United States, 2021.
9. Department of State Enterprise Data Strategy. – United States Department of State, 2021.
10. Diplomacy for the 21st Century. – United States Department of State, 1998.
11. DoS IT Strategic Plan 2001–2005. – United States Department of State, 2001.

12. Hocking, B. *Diplomacy in the Digital Age* / B. Hocking, J. Melissen. – The Hague : Netherlands Institute of International Relations «Clingendael», 2015. – 40 p.
13. *Information Technology Strategic Plan FY 2006–2010*. – United States Department of State, 2006.
14. *International Strategy for Cyberspace. Prosperity, Security, and Openness in a Networked World*. – Washington DC, 2011.
15. *IT Strategic Plan (ITSP) Fiscal Years (FY) 2019 – 2022*. – United States Department of State, 2019.
16. *IT Strategic Plan: Fiscal Years 2011-2013 – Digital Diplomacy. IT Strategic Plan*. – US Department of State, 2011.
17. *IT Strategic Plan: Fiscal Years 2014-2016*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/220034.pdf> (дата обращения: 17.08.2024).
18. *Joint Strategic Plan FY 2022 – 2026*. – United States Department of State, 2022.
19. *Joint Strategic Plan FY 2022–2026*. – United States Department of State, 2022.
20. *Mapping the Challenges and Opportunities of Artificial Intelligence for the Conduct of Diplomacy* / ed. by K. E. Höne. – Geneva : DiploFoundation, 2019. – 44 p.
21. *National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2017*. – Washington DC: United States Senate, 2016.
22. *Public Diplomacy and the New «Old» War: Countering State-Sponsored Disinformation. Public Diplomacy and the New «Old» War*. – United States Advisory Commission on Public Diplomacy, 2020.
23. *Rosen Jacobson, B. Data Diplomacy: Updating Diplomacy to the Big Data Era* / B. Rosen Jacobson, K. E. Höne, J. Kurbalija. – Geneva : DiploFoundation, 2018. – 36 p.
24. *Scott, B. Artificial Intelligence and Foreign Policy* / B. Scott, S. Heumann, P. Lorenz. – Berlin : Stiftung Neue Verantwortung, 2018. – (Discussion Paper). – 48 p.

25. The 2010 Quadrennial Diplomacy and Development Review (QDDR): Leading Through Civilian Power. – United States Department of State, 2010.

26. The New Diplomacy: Utilizing Innovative Communication Concepts that Recognize Resource Constraints (2003). The New Diplomacy.

Монографии

27. Батурин Ю.М. Проблемы компьютерного права / Ю.М. Батурин. – М.: Юридическая литература, 1991. – 256 с.

28. Большаков Е.И. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и анализ данных / Е.И. Большакова, К.В. Воронцов, Н.Э. Ефремова [и др.]. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 268 с.

29. Мирошников Б.Н. Сетевой фактор. Интернет и общество / Б.Н. Мирошников. – М.: Кучково поле, 2015. – 283 с.

30. Никитенкова М.А. Информационная инфраструктура США: государство и рынок: монография / М.А. Никитенкова. – М.: Academia, 2009. – 298 с.

31. Роговский Е.А. Кибер-Вашингтон: глобальные амбиции / Е.А. Роговский. – М.: Международные отношения, 2014. – 846 с.

32. Сурма И.В. Цифровая дипломатия: монография / И.В. Сурма. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2020. – 124 с.

33. Сучков М.А. Цифровой поворот в международных отношениях: как новые технологии меняют мировую политику и науку о ней: Цифровой поворот в международных отношениях : монография / М.А. Сучков, К.В. Воронцов, Н.Ю. Силаев [и др.] ; под редакцией М.А. Сучкова, И.В. Болговой. – М.: МГИМО-ун-т, 2023. – 232 с.

34. Bátora J. Foreign Ministries and the Information Revolution: Going Virtual? / J. Bátora. – Boston: Brill, 2008. – 267 p.

35. Berger P.L. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge / P.L. Berger, T. Luckmann. – New York: Open Road Media Integrated Media, 1967. – 219 p.

36. Bjola C. Artificial Intelligence and Diplomatic Crisis Management: Addressing the 'Fog of War' Problem / C. Bjola. – Oxford: DigDiploROx Working Paper, 2022. – 24 p.
37. Bjola C. Digital Diplomacy: Theory and Practice / ed. by C. Bjola, M. Holmes. – London: Routledge, 2015. – 238 p.
38. Campbell D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity / D. Campbell. – Rev. ed. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998. – 308 p.
39. Castells M. Communication Power / M. Castells. – 1st paperback ed. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 571 p.
40. Danelyan A. Digital Diplomacy: monograph / A. Danelyan, A. Mikhaylik, V.F Zaemsky [et al.]. – Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2021. – 202 p.
41. Denisov I. Chinese Digital Diplomacy in the Pandemic and Post-Pandemic Times: Analysis of the Russian-Language Accounts / I. Denisov, A. Dagaev, S. Sultanayev. – Moscow: HSE University, 2023. – 32 p.
42. Dizard W.P. Digital Diplomacy: U.S. Foreign Policy in the Information Age / W.P. Dizard. – Westport, Conn. Praeger, 2001. – 215 p.
43. Fialho L.P. Reaching for an Audience: U.S. Public Diplomacy Towards Iran / L.P. Fialho, M. Wallin. – Washington, DC: American Security Project, 2013. – 13 p.
44. Gaiser B. Good Tags – Bad Tags: Social Tagging in der Wissensorganisation / B. Gaiser, T. Hampel, S. Panke. – Münster: Waxmann, 2008. – 236 p.
45. Ghonim W. Revolution 2.0: The power of the people is greater than the people in power, a memoir / W. Ghonim. – Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2012. – 289 p.
46. Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience / E. Goffman. – Cambridge: Harvard University Press, 1974. – 586 p.

47. Han J. *Data Mining: Concepts and Techniques* / J. Han, J. Pei, M. Kamber. – 3rd ed. – Boston: Morgan Kaufmann, 2012. – 703 p.
48. Hanson F. *Revolution @State: The Spread of eDiplomacy* / F. Hanson. – Sydney: Lowy Institute for International Policy, 2012. – 48 p.
49. Manor I. *Are We There Yet: Have MFAs Realized the Potential of Digital Diplomacy?* / I. Manor. – Boston: Brill, 2016. – 186 p.
50. Manor I. *The Digitalization of Public Diplomacy* / I. Manor. – Cham: Palgrave Macmillan, 2019. – (Palgrave Macmillan Series in Global Public Diplomacy). – 232 p.
51. Manor, I. *Digital Diplomacy Working Paper: The Digitalization of Diplomacy – Toward Clarification of a Fractured Terminology* / I. Manor. – Oxford: Oxford University, 2017. – (Digital Diplomacy Working Paper). – 28 p.
52. Neumann I.B. *Uses of the Other: “The East” in European Identity Formation* / I.B. Neumann. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. – 304 p.
53. Nickles D.P. *Under the Wire: How the Telegraph Changed Diplomacy* / D.P. Nickles. – Cambridge: Harvard University Press, 2003. – 265 p.
54. Plouffe D. *The Audacity to Win: The Inside Story and Lessons of Barack Obama’s Historic Victory* / D. Plouffe. – New York: Viking, 2009. – 400 p.
55. Potter E.H. *Cyber-diplomacy: Managing Foreign Policy in the Twenty-First Century* / ed. by E.H. Potter. – Montréal: McGill-Queen’s University Press, 2002. – 208 p.
56. Roumate F. *Artificial Intelligence and Digital Diplomacy: Challenges and Opportunities* / ed. by F. Roumate. – Cham: Springer International Publishing, 2021. – 212 p.
57. Seib P. *Real-Time Diplomacy: Politics and Power in the Social Media Era* / P. Seib. – New York: Palgrave Macmillan, 2012. – 199 p.
58. Shapiro M.J. *Reading the Postmodern Polity: Political Theory as Textual Practice* / M.J. Shapiro. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1991. – 177 p.

59. Stanzel V. Diplomacy and Artificial Intelligence: Reflections on Practical Assistance for Diplomatic Negotiations / V. Stanzel, D. Voelsen. – Berlin: SWP Research Paper, 2022. – 20 p.
60. Velikaya A.A. Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice / eds. A.A. Velikaya, G. Simons. – Cham: Palgrave Macmillan, 2020. – 275 p.
61. Wendt, A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 429 p.
62. Zuckerman E. Digital Cosmopolitans: Why We Think the Internet Connects Us, Why It Doesn't, and How to Rewire It / E. Zuckerman. – New York: W.W. Norton & Company, 2013. – 256 p.

Диссертации, авторефераты диссертаций

63. Артамонова У.З. П Публичная дипломатия США как политическая технология: диссертация ... кандидата политических наук : 5.5.2. / Артамонова Ульяна Звиадиевна; [Место защиты: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук ; Диссовет 24.1.189.02 (Д 002.003.03)]. – Москва, 2023. – 244 с.
64. Базлуцкая М.М. Цифровая дипломатия США в отношении Российской Федерации: 2009 г. – н.в.: диссертация ... кандидата политических наук : 5.5.4. / Базлуцкая Мария Михайловна; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» ; Диссовет МГИМО 5.5.4.0020]. – Москва, 2024. – 230 с.
65. Макарьян Д.В. Информационно-коммуникационные технологии как фактор международных отношений: политические и правовые аспекты : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04 / Макарьян Давид Владимирович; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва, 2008. – 167 с.

66. Новиков Н.В. Коммуникативные стратегии цифровой дипломатии: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Новиков Николай Валерьевич; [Место защиты: Моск. гор. пед. ун-т]. – Москва, 2017. – 180 с.

67. Сытник, А.Н. Цифровизация и "большие данные" в международных отношениях: теоретические, методологические и прикладные аспекты: диссертация ... кандидата политических наук : 5.5.4. / Сытник Анна Николаевна ; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»]. – Санкт-Петербург, 2021. – 479 с.

68. Хотулев А.С. Политические проблемы глобального цифрового развития: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 5.5.4. / Хотулев Александр Сергеевич; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» ; Диссовет МГУ.054.1]. – Москва, 2023. – 26 с.

69. Шариков П.А. Политика США в области информационной безопасности: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Шариков Павел Александрович; [Место защиты: Ин-т Соединенных штатов Америки и Канады РАН]. – Москва, 2009. – 216 с.

70. Шахуд З. Роль информационных технологий во внешней политике Российской Федерации в арабском мире: диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04 / Шахуд Зиад; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»]. – Санкт-Петербург, 2020. – 268 с.

Справочная литература

71. Добросклонская Т.Г. Информационно-медийное пространство мировой политики: учебное пособие / Т.Г. Добросклонская, Н.Г. Багдасарьян, А.А. Беликова, [и др.]; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет мировой политики. – М.: Книжный дом "Университет", 2023. – 107 с.

72. Домбровская А.Ю. Большие данные в исследовании политических процессов: учебное пособие / Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Московский педагогический государственный университет". – М.: МПГУ, 2018. – 86 с.

73. Зиновьева, Е.С. Цифровые международные отношений. Т. I / Е.С. Зиновьева, С.В. Шитьков. – М: МГИМО-Университет, 2023. – 354 с.

74. Крутских А.В. Международная информационная безопасность: теория и практика: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки (специальностям) "Международные отношения", "Зарубежное регионоведение", "Политология": в трех томах / А.В. Крутских, А.В. Бирюков, С.М. Бойко [и др.] // М.: Аспект Пресс, 2021. – Т. 1. – 381 с.

Статьи в научных журналах

75. Аликберова А.Р. Цифровая дипломатия с китайской спецификой / А.Р. Аликберова, Д.А. Балакин // *Modern Oriental Studies*. – 2019. – Т. 1, № 3. – С. 77–81.

76. Андреева Т.Н. Британо-американские «особые отношения» при Д. Кэмероне / Т.Н. Андреева // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2016. – Т. 60, № 5. – С. 61–72.

77. Артамонова У.З. Публичная дипломатия США без лица (кадровый кризис постбиполярной эпохи) / У.З. Артамонова // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2021. – Т. 65, № 12. – С. 33–39.

78. Артамонова У.З. Реформа иновещания на фоне системного кризиса американской публичной дипломатии / У.З. Артамонова // *Россия и Америка в XXI веке*. – 2020. – № 4. – С. 5–22.

79. Атягина А.П. Твиттер как новая дискурсивная практика в сети Интернет / А.П. Атягина // Вестник Омского университета. – 2012. – № 4 (66). – С. 203–208.

80. Базлуцкая М.М. вовлеченность аудитории как показатель эффективности цифровой дипломатии / М.М. Базлуцкая, А.Н. Сытник, Н.А. Цветкова // Вестник МГИМО-Университета. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 48–82.

81. Базлуцкая М.М. Цифровая дипломатия в Telegram: сравнительный анализ вовлеченности аудитории и активности посольств России и США / М.М. Базлуцкая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 431–456.

82. Барышников Д.Н. «Цифровая дипломатия» и государственный суверенитет в эпоху глобализации / Д.Н. Барышников, А.Ю. Туленков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2012. – № 4. – С. 121–128.

83. Бушканец Л.Е. Обучение интерактивным практикам в процессе подготовки студентов по направлению «Цифровая дипломатия» для работы в ситуационных центрах: Instagram³¹⁷* политического деятеля / Л.Е. Бушканец, Л.Б. Шигин // Вестник НЦБЖД. – 2021. – № 4 (50). – С. 55–69.

84. Вакарчук Д.О. Особенности цифровой дипломатии США и КНР в Средиземноморском регионе / Д.О. Вакарчук // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 411–430.

85. Ганжелюк П.Ю. Коммуникативные стратегии дискурса цифровой дипломатии (на материале американской твитпломатии) / П.Ю. Ганжелюк, С.С. Тахтарова // TERRA LINGUAЕ: Сборник научных статей. – 2019. – № 5. – С. 20–26.

86. Гришанина Т.А. Искусственный интеллект в международных отношениях: роль и направления исследования / Т.А. Гришанина // Вестник

³¹⁷ Здесь и далее. Деятельность Meta Inc. запрещена на территории Российской Федерации и признана экстремистской с 21 марта 2022 г.

РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2021. – № 4. – С. 10–18.

87. Гришанина Т.А. Цифровая дипломатия США в 2009–2020 гг. в свете развития инновационных технологий / Т.А. Гришанина // Манускрипт. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 682–688.

88. Гришанина Т.А. Цифровая дипломатия США и формирование общественного мнения в социальных сетях / Т.А. Гришанина // Американские исследования в Санкт-Петербургском государственном университете. – Москва : Скифия-Принт, 2022. – С. 209–217.

89. Денисов А.Е. Хештеги, нарративы и банальный национализм (на примере Кряшенского движения) / А.Е. Денисов // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 161–182.

90. Зиновьева Е.С. Цифровая дипломатия в отношениях России со странами ЕС: кросс-культурные аспекты / Е.С. Зиновьева, В.И. Булва // Концепт: Философия, религия, культура. – 2021. – Т. 5, № 4 (20). – С. 30–40.

91. Зиновьева Е.С. Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности / Е.С. Зиновьева // Индекс безопасности. – 2013. – Т. 19, № 1 (104). – С. 213–228.

92. Зонова Т.В. Цифровая дипломатия в дипломатической и консульской службе / Т.В. Зонова // Право и управление. XXI век. – 2015. – № 3 (36). – С. 176–183.

93. Зуйкина К.Л. Цифровая дипломатия Госдепартамента США: эффективность воздействия на зарубежную аудиторию (опыт социологического исследования в России) / К.Л. Зуйкина // Меди@льманах. – 2014. – № 3 (62). – С. 50–57.

94. Карасев П.А. Эволюция национальных подходов к ведению кибервойны / П.А. Карасев // Международная аналитика. – 2022. – Т. 13, № 2. – С. 79–94.

95. Катермина В.В. Семантический анализ хештега #BlackLivesMatter / В.В. Катермина, Е.А. Яченко // Филология и человек. – 2021. – № 4. – С. 120–128.

96. Кауфова И.Б. Коммуникативные информационные стратегии цифровой дипломатии Великобритании / И.Б. Кауфова, Л.А. Кауфова // Современные исследования социальных проблем. – 2020. – Т. 12, № 5. – С. 178–190.

97. Колесникова Н.Л. Российская цифровая дипломатия – элемент мягкой силы / Н.Л. Колесникова // Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире : сб. ст. – Будапешт ; Киров : Selmeczi Bt. ; ООО «Радуга-ПРЕСС», 2019. – С. 234–243.

98. Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации / А.Е. Коньков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2020. – Т. 13, № 1. – С. 47–68.

99. Коршунов А. Тематическое моделирование текстов на естественном языке / А. Коршунов, А. Гомзин // Труды Института системного программирования РАН. – 2012. – Т. 23. – С. 215–244.

100. Кравцов К.С. Аккаунты китайских посольств в социальных сетях как инструмент цифровой дипломатии КНР в Африке / К.С. Кравцов, Е.Д. Соболева // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2023. – Т. 48, № 4. – С. 3–22.

101. Кузнецов Н.М. Датафикация в международных отношениях: дискурс о новых тенденциях цифровой дипломатии / Н.М. Кузнецов // Актуальные вопросы мировой политики : сб. науч. ст. – Санкт-Петербург : Научно-исследовательский центр «Пересвет», 2020. – С. 52–64.

102. Ларионова М.В. Лозунги vs хештеги в современном испанском политическом дискурсе / М.В. Ларионова, А.В. Демкина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2022. – № 76. – С. 28–46.

103. Ларионова М.В. Хештег как лингвокогнитивная единица испанского политического дискурса / М.В. Ларионова, А.В. Демкина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12, № 3. – С. 774–788.

104. Лебедева М.М. Специфика международных переговоров в эпоху цифровизации / М.М. Лебедева, Е.С. Зиновьева // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 144–156.

105. Макрушин С.В. Алгоритм построения ассоциативных рядов хештегов для семантической навигации в социальных сетях / С.В. Макрушин, Н.В. Блохин // Computational Nanotechnology. – 2022. – Т. 9, № 1. – С. 47–55.

106. Малишевская Г.В. Роль социальных сетей в дипломатической практике / Г.В. Малишевская // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. – 2020. – № 19. – С. 133–145.

107. Мамедова, А.О. Американско-британские отношения и переговоры о ТТИП / А.О. Мамедова // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – № 2 (53). – С. 208–225.

108. Мамедова А.О. Дискуссия в США и Великобритании о состоянии и перспективах особых отношений / А.О. Мамедова // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2018. – Т. 10, № 2. – С. 33–60.

109. Марчуков А.Н. «Публичная дипломатия 2.0» во внешней политике Российской Федерации: проблемы и перспективы развития / А.Н. Марчуков // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2014. – Т. 6, № 3. – С. 95–114.

110. Марчуков А.Н. Цифровая дипломатия Швеции: в поисках диалога / А.Н. Марчуков // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2021. – Т. 13, № 4. – С. 162–181.

111. Мешаал А. Непреходящее место смягчающих тактик в цифровом дипломатическом дискурсе (анализ выступлений С. Лаврова и Б. Джонсона) / А. Мешаал // Роль и место лингвокультурной адаптации художественного текста в теории и практике перевода : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Москва : МГОУ, 2022. – С. 167–173.

112. Никитина Ю.А. Мировые практики медиации в конфликтах в цифровую эпоху / Ю.А. Никитина, К.К. Таран // Пути к миру и безопасности. – 2021. – № 1 (60). – С. 11–28.

113. Павлюченко А.А. Информационная деятельность в Twitter-аккаунтах внешнеполитических ведомств США и ФРГ в Великобритании в условиях пандемии COVID-19 / А.А. Павлюченко // Русская политология. – 2020. – № 4 (17). – С. 28–37.

114. Павлюченко А.А. К вопросу о периодизации цифровой дипломатии США / А.А. Павлюченко // Русская политология. – 2023. – № 3 (28). – С. 45–62.

115. Павлюченко А.А. Методы изучения цифровой дипломатии в российских международно-политических исследованиях / А.А. Павлюченко // Вестник Московского университета. Серия XXV: Международные отношения и мировая политика. – 2024. – Т. 16, № 4. – С. 225–250.

116. Павлюченко А.А. Цифровая дипломатия vs кибердипломатия: к проблеме терминологии в академической литературе / А.А. Павлюченко // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2024. – Т. 50. – С. 99–109.

117. Патрушева Л.С. Хештегирование как новый коммуникативный процесс / Л.С. Патрушева // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2018. – Т. 28, № 3. – С. 471–475.

118. Рогов С.М. Роль Ирана в политике США на Ближнем Востоке / С.М. Рогов // Азия и Африка сегодня. – 2012. – № 8 (661). – С. 8–10.

119. Сафонов А.С. Иранское направление в ближневосточной политике США в начальный период деятельности администрации Барака Обамы / А.С. Сафонов // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. – 2020. – № 3 (39). – С. 85–91.

120. Сафонов А.С. Эволюция политики администрации Джорджа Буша-младшего в отношении Ирана / А.С. Сафонов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2011. – № 3. – С. 94–102.

121. Стадник И.Т. Политика кибербезопасности США / И. Стадник, Н.А. Цветкова // Международные процессы. – 2018. – Т. 16, № 3. – С. 157–169.
122. Суркова А.С. Построение модели и алгоритма кластеризации в интеллектуальном анализе данных / А.С. Суркова, С.С. Буденков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 2-1. – С. 198–202.
123. Сурма И.В. Цифровая дипломатия в дискурсе глобальной политики / И.В. Сурма // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 6 (39). – С. 53–60.
124. Сурма И.В. Цифровая дипломатия в мировой политике / И.В. Сурма // Государственное управление. Электронный вестник. – 2015. – № 49. – С. 220–249.
125. Сытник А.Н. Цифровая дипломатия США в зеркале Больших данных: уроки венесуэльского кризиса 2018–2019 годов / А.Н. Сытник, Н.А. Цветкова, И.А. Цветков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – № 2. – С. 192–203.
126. Теленьга М.П. Цифровая дипломатия США: историографический обзор / М.П. Теленьга // Americana. – 2020. – № 16. – С. 250–267.
127. Торреальба А.А. Твитпломатия: влияние социальной сети Twitter на дипломатию / А.А. Торреальба // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2015. – № 3. – С. 152–166.
128. Трофимова Ю.В. Политический портрет Барака Обамы и итоги внешнеполитической стратегии сорок четвертого президента США / Ю.В. Трофимова // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». – 2016. – № 3. – С. 55–60.
129. Хлопов, О.А. Приоритеты и реализация внешней политики США администрацией Д. Трампа / О.А. Хлопов // Бюллетень науки и практики. – 2021. – Т. 7, № 5. – С. 509–520.
130. Цветкова Н.А. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике / Н.А. Цветкова, Н.М. Кузнецов // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2020. – № 4-1. – С. 27–44.

131. Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения / Н.А. Цветкова // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2020. – № 2. – С. 37–47.

132. Цветкова Н.А. Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности / Н.А. Цветкова, А.Н. Сытник, Т.А. Гришанина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 174–196.

133. Цветкова Н.А. Цифровизация публичной дипломатии США / Н.А. Цветкова // Актуальные проблемы мировой политики. – 2020. – Т. 10. – С. 432–442.

134. Шариков, П.А. Эволюция публичной дипломатии США: внутриполитические детерминанты, приоритеты и новые вызовы / П.А. Шариков // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2023. – Т. 15, № 1. – С. 164–187.

135. Шахуд З. Цифровая дипломатия РФ в Сирии: перспективы развития / З. Шахуд // Общество: политика, экономика, право. – 2019. – № 9 (74). – С. 48–51.

136. Шеховцева Е.Н. Цифровая дипломатия vs традиционная дипломатия с позиций дискурсивной перформативности (на материале англо- и русскоязычных дипломатических заявлений) / Е.Н. Шеховцева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 5 (138). – С. 164–169.

137. Шур Е.А. Американская цифровая дипломатия и Индия при Дж. Буше-младшем и Б. Обаме / Е.А. Шур // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2021. – № 1. – С. 72–80.

138. Щурина Ю.В. Комуникативно-игровой потенциал хэштегов / Ю.В. Щурина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 8 (69). – С. 100–104.

139. Яковлева Е.С. Цифровая дипломатия министерств иностранных дел: сравнительный анализ российского и турецкого подходов в Twitter-дипломатии /

Е.С. Яковлева // Международные отношения в глобальном измерении : сб. науч. тр. – Санкт-Петербург : Политех-пресс, 2022. – С. 141–148.

140. Arlyapova E. Virtual Embassy: New Technologies of Representation and Influence (Rethinking the American Experience) / E. Arlyapova, E. Ponomareva // International Organisations Research Journal. – 2023. – Vol. 18, № 3. – P. 32–47.

141. Bazlutckaia M.M. Transmedia Engagement: AI-Driven Frame Analysis of the U.S. Digital Diplomacy in Russia / M.M. Bazlutckaia, A.N. Sytnik // Russia & World: Scientific Dialogue. – 2024. – № 4. – P. 63–85.

142. Bjola C. AI for Development: Implications for Theory and Practice / C. Bjola // Oxford Development Studies. – 2022. – Vol. 50, № 1. – P. 78–90.

143. Bjola C. The Rise of Hybrid Diplomacy: From Digital Adaptation to Digital Adoption / C. Bjola, I. Manor // International Affairs. – 2022. – Vol. 98, № 2. – P. 471–491.

144. Bjola, C. Digital Diplomacy – The State of the Art / C. Bjola // Global Affairs. – 2016. – Vol. 2, № 3. – P. 297–299.

145. Boyd A. Data Diplomacy / A. Boyd [et al.] // Science & Diplomacy. – 2019. – Vol. 8, № 2. – P. 1–8.

146. Bruns A. Quantitative Approaches to Comparing Communication Patterns on Twitter / A. Bruns, S. Stieglitz // Journal of Technology in Human Services. – 2012. – Vol. 30, № 3–4. – P. 160–185.

147. Bruns A. Structural Layers of Communication on Twitter / A. Bruns, H. Moe // Twitter and Society / ed. by K. Weller [et al.]. – Bern : Peter Lang, 2013. – P. 249–265.

148. Cull N.J. The Long Road to Public Diplomacy 2.0: The Internet in US Public Diplomacy / N.J. Cull // International Studies Review. – 2013. – Vol. 15, № 1. – P. 123–139.

149. Dye T. Data Diplomacy / T. Dye // Science Diplomacy Conference. – Washington, DC : American Association for the Advancement of Science, 2018. – P. 19–20.

150. Fialho L.P., Wallin M. Reaching for an Audience: U.S. Public Diplomacy Towards Iran. Washington, DC: American Security Project, 2013. 13 p.
151. Gilboa E. Diplomacy in the Media Age: Three Models of Uses and Effects / E. Gilboa // *Diplomacy & Statecraft*. – 2001. – Vol. 12, № 2. – P. 1–28.
152. Hallams E. Digital Diplomacy: The Internet, the Battle for Ideas & US Foreign Policy / E. Hallams // *CEU Political Science Journal*. – 2010. – Vol. 5, № 4. – P. 538–574.
153. Hosseini H. Maximum Pressure on the Islamic Republic of Iran as Multi-Layered Hybrid Warfare: An American Narrative / H. Hosseini, A.M. Hadian Rasanani, S.M.K. Sajjadpour // *Iranian Review of Foreign Affairs*. 2021. Vol. 13. № 35. – P. 113–128.
154. Khatib L. Public Diplomacy 2.0: An Exploratory Case Study of the US Digital Outreach Team / L. Khatib, W. Dutton, M. Thelwall // *Middle East Journal*. – 2011. – Vol. 66, № 1. – P. 1–20.
155. Manor, I. America's Selfie: How the US Portrays Itself on its Social Media Accounts / I. Manor, E. Segev // *Digital Diplomacy: Theory and Practice* / ed. by C. Bjola, M. Holmes. – London ; New York : Routledge, 2015. – P. 107–124.
156. Maxwell J.A. Expanding the History and Range of Mixed Methods Research / J.A. Maxwell // *Journal of Mixed Methods Research*. – 2015. – Vol. 10, № 1. – P. 12–27.
157. Metzl J.F. Network Diplomacy / J.F. Metzl // *Georgetown Journal of International Affairs*. – 2001. – Vol. 2, № 1. – P. 77–87.
158. Moshirzadeh H. Iranian Exceptionalism and US-Iran Relations (1979-2021) / H. Moshirzadeh, A. Nazifpour // *Iranian Review of Foreign Affairs*. 2023. Vol. 14. № 1. P. 1-22.
159. Pilegaard J. Virtually Virtual? The New Frontiers of Diplomacy / J. Pilegaard // *The Hague Journal of Diplomacy*. – 2017. – Vol. 12, № 4. – P. 316–336.
160. Rahimi F.S. Iran-United States Relations after the Islamic Revolution: A Failure of Detente / F.S. Rahimi, F. Izadi // *Iranian Review of Foreign Affairs*. 2025. Vol. 16. № 1. P. e233877.

161. Rashica V. The Benefits and Risks of Digital Diplomacy / V. Rashica // SEEU Review. – 2018. – Vol. 13, № 1. – P. 75–89.

162. Salazar E. Hashtags 2.0 – An Annotated History of the Hashtag and a Window to its Future / E. Salazar // Revista ICONO14. – 2017. – Vol. 15, № 2. – P. 160–180.

163. Seo H. Three Korean Perspectives on U.S. Internet Public Diplomacy / H. Seo, D. insey // Public Relations Review. – 2013. – Vol. 39, № 5. – P. 594–596.

164. Simeng Y. Russian Digital Diplomacy Towards China in the Context of the Russian Special Military Operation in Ukraine: The Instance of the Official Weibo Account of the Embassy of the Russian Federation in China / Y. Simeng // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija. – 2023. – № 3. – P. 76–84.

165. Sytnik A. Digitalization of Diplomacy in Global Politics on the Example of 2019 Venezuelan Presidential Crisis / A. Sytnik // Digital Transformation and Global Society. – 2019. – P. 187–196.

166. Tsvetkova N. Venezuela in U.S. Public Diplomacy, 1950s–2000s: The Cold War, Democratization, and the Digitalization of Politics / N. Tsvetkova, V. Kheifets, A. Sytnik [et al.] // Cogent Social Sciences. – 2019. – Vol. 5, № 1. – P. 1635821.

Электронные ресурсы

167. Павлюченко А.А. United States digital diplomacy towards Great Britain and Iran Dataset [Электронный ресурс]. – URL: <https://github.com/AlexaPavl/United-States-digital-diplomacy-towards-Great-Britain-and-Iran-Dataset> (дата обращения: 24.02.2025).

168. About Us – Global Engagement Center [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.state.gov/about-us-global-engagement-center-2/> (дата обращения: 18.11.2023).

169. Appointment of Christopher Painter as Coordinator for Cyber Issues [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/04/161485.htm (дата обращения: 17.11.2023).

170. Berger J. The ISIS Twitter Census: Defining and Describing the Population of ISIS Supporters on Twitter [Электронный ресурс] . – URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-isis-twitter-census-defining-and-describing-the-population-of-isis-supporters-on-twitter/> (дата обращения: 18.11.2023).

171. Bureau of Cyberspace and Digital Policy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20220405161531/https://www.state.gov/bureaus-offices/deputy-secretary-of-state/bureau-of-cyberspace-and-digital-policy/> (дата обращения: 17.08.2024).

172. Carafano J. All a Twitter: How Social Networking Shaped Iran's Election Protests [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.heritage.org/global-politics/report/all-twitter-how-social-networking-shaped-irans-election-protests> (дата обращения: 29.03.2025).

173. CIONET TV. Stuart McGuigan – Former CIO of the Department of State – Aligning to the mission [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=B94tzuakwNw> (дата обращения: 18.11.2023).

174. Department Of State. The Office of Electronic Information B. of P.A. Remarks at NetDiplomacy 2001 Conference [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://2001-2009.state.gov/secretary/former/powell/remarks/2001/4838.htm> (дата обращения: 17.08.2024).

175. Establishment of the Bureau of Cyberspace and Digital Policy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.state.gov/establishment-of-the-bureau-of-cyberspace-and-digital-policy/> (дата обращения: 18.11.2023).

176. Glassman J.K. Public Diplomacy 2.0: A New Approach to Global Engagement [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://2001-2009.state.gov/r/us/2008/112605.htm> (дата обращения: 17.11.2023).

177. International Cyber Diplomacy: Promoting Openness, Security and Prosperity in a Networked World [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/pl/168689.htm> (дата обращения: 19.03.2024).

178. IRM's Office of eDiplomacy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://2009-2017.state.gov/m/irm/ediplomacy/index.htm> (дата обращения: 17.11.2023).

179. Knowledge Leadership at State [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://2001-2009.state.gov/m/irm/ediplomacy/c23841.htm> (дата обращения: 17.11.2023).

180. Nyczepir D. State Department establishing new IT governance body [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedscoop.com/state-department-it-governance/> (дата обращения: 18.11.2023).

181. Office of eDiplomacy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://2001-2009.state.gov/m/irm/ediplomacy/index.htm> (дата обращения: 17.11.2023).

182. Office of Management Strategy and Solutions – United States Department of State [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20230131040757/https://www.state.gov/about-us-office-of-management-strategy-and-solutions/#cfa> (дата обращения: 18.11.2023).

183. Reagan R. All we can do is make sure that technology becomes the ally and protector of peace, that we build better shields rather than sharper and more deadly swords. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reaganfoundation.org/ronald-reagan/quotes/all-we-can-do-is-make-sure-that-technology-becomes-the> (дата обращения: 24.08.2025).

184. Riordan S. Cyber Diplomacy vs. Digital Diplomacy: A Terminological Distinction [Электронный ресурс] / S. Riordan // USC Center on Public Diplomacy Blog. – 2015. – URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/cyber-diplomacy-vs-digital-diplomacy-terminological-distinction> (дата обращения: 11.03.2024).

185. Secretary Antony J. Blinken on the Modernization of American Diplomacy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-on-the-modernization-of-american-diplomacy/> (дата обращения: 18.11.2023).

186. Slides accompanying Under Secretary Hughes' testimony before the House Committee on Appropriations, Subcommittee on State, Foreign Operations, and Related Programs [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://2001-2009.state.gov/r/us/2007/84807.htm> (дата обращения: 17.11.2023).

187. State Magazine: Office of the Month [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://1997-2001.state.gov/publications/statemag/statemag_oct98/bom.html (дата обращения: 17.11.2023).

188. The Web, At the Creation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/ei/stategov/index.htm> (дата обращения: 17.11.2023).

189. Think Again Turn Away: The State Department Is Fumbling Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://time.com/3387065/isis-twitter-war-state-department/> (дата обращения: 17.11.2023).

190. West D.M. The Two Faces of Twitter: Revolution in a Digital Age for Iran [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.brookings.edu/articles/the-two-faces-of-twitter-revolution-in-a-digital-age-for-iran/> (дата обращения: 29.03.2025).